
ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Очень теплой получилась встреча магнитогорских пионеров с теми, кто строил комбинат.

КОМПАС МАГНИТКИ

Специальные корреспонденты «Огонька» А. ГОСТЕВ и Ю. РЫТОВ ведут репортаж из Магнитогорска.

Продолжение см. на стр. 27.

Открытие монумента первостроителям Магнитки.

Генерал-майор Е. И. Майков — бывший бригадир бетонщиков — вручает приз победителям эстафеты, которую организовала редакция «Магнитогорского рабочего».

На том самом месте, где жили первые строители, сооружен памятник-палатка.

Бывший комсомольский секретарь, ныне профессор, С. С. Горелик прикалывает комсомольский значок семикласснице Оле Парри.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 21 (2030)

22 МАЯ 1966

XV СЪЕЗД ЛЕНИНСКОГО

Еще накануне по Москве разъезжали поющие автобусы, еще накануне песни об Ангаре и штурмовых ночах Спасска прописались в столичных гостиницах. А на следующее утро песни ринулись в Кремль. Они были очень разными, мелодии этого утра. Чеканный ритм шагов красногвардейцев и жизнеутверждающая симфония энтузиастов первых пятилеток, мужественные марши героев Отечественной войны и гимн отваге покорителей космоса. И щедрое солнце. И прозрачное майское утро. И счастье...

Во Дворец съездов собирались делегаты XV съезда ВЛКСМ, лучшие из 23-миллионной армии комсомольцев и гости из 72 стран мира.

Мы вошли в Спасские ворота, когда часы на башне пробили восемь раз. Мы думали, что будем первыми. И ошиблись. В фойе Дворца уже гремела музыка. Уже были завязаны сотни знакомств, сообщены сотни новостей, заполнены первые страницы в алых делегатских блокнотах с ленинским профилем на обложке: адреса и гектары пашни, телефоны и тонны чугуна, математические формулы и слова новой песни.

Двое горячо спорят.

Два шахтера. Идет сугубо профессиональный разговор. Василий Никонов — с Луганщины, Казбек Уразаев — из Киргизии. Оба работают в очистных забоях. Записывают адреса, чертят что-то в блокнотах.

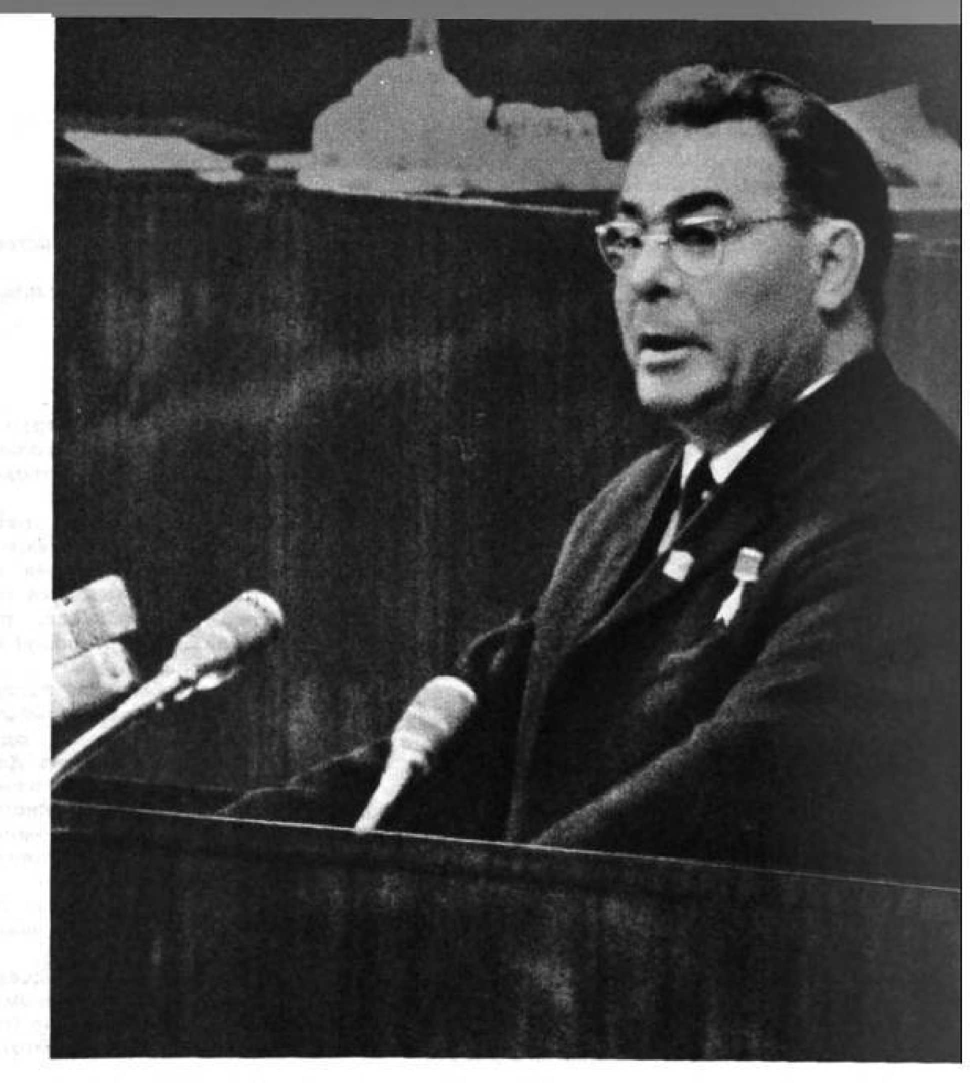
А песни звучали теперь во всех концах Дворца. И опять мелодии разных времен. Они сплелись воедино, и эта единая песня, составленная из многих, была наполнена одним чувством, одним порывом. Ничего удивительного: у комсомольцев двадцатых годов и комсомольцев шестидесятых — одни цели, одни стремления и один мудрый наставник — ленинская партия.

...В фойе стояли знамена. Они приехали на съезд комсомольцев 1966 года из музеев, но вовсе не выглядели реликвиями прошлого. Прошедшее огонь гражданской войны знамя кавалерийской бригады, знамя, под которым сражался с врагами Советской республики Николай Островский — первый лауреат премии Ленинского комсомола, присужденной накануне XV съезда ВЛКСМ. Знамена легендарного Комсомольска-на-Амуре и Днепростроя, старших братьев Братска и Норильска. Боевое знамя женского Таманского авиаполка, в котором воевали 23 Героя Советского Союза.

Песня.

(Продолжение см. на стр. 26)

Выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

КОМСОМОЛА

Репортаж ведут корреспонденты «Огонька» А. БОЧИНИН и О. КУПРИН

Знамя комсомола в руках космонавта А. Леонова.

А в перерывах — задорная пляска.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов с делегатами съезда.

Одна из самых волнующих минут XV съезда комсомола. Чувство тысяч делегатов и гостей вложено в короткое громовое слово: «Вьет-нам! Вьет-нам!»

«Уделить особое внимание развитию устойчивого зернового хозяйства и других отраслей производства в нечерноземной зоне».
Из Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

Поздно приходит к нам на северо-запад весна. Уже зелень Подмосковья, будто молоком, разбавлена цветом яблонь и черемух, и над Валдаем в теплом воздухе бродит веселый, зеленый дух берез... А у нас все еще стынут сырые пашни — хоть руками своими грей их. А у нас кусты только чуть тронуты слабой зеленью, и на опушках едва-едва начинают просыпаться синие перелески и белые ветреницы. Да еле уловимо под расползающимся холодком туманов оживают поля...

Едем с Таисией Тимофеевной Меркуловой, инструктором Псковского райкома партии, по оживающим полям. Чувствуется в ней приподнятость от встречи с этой сердитой весной, нахмуренным редколесьем, далью мокрых дорог. Красивое русское лицо Таисии Тимофеевны успело уже посмуглеть на деревенском ветру: много ездит по колхозам, разъясняет добрые съездовские вести.

Таисия Тимофеевна появилась в районе тринадцать лет назад. Была она горожанкой, окончила в Пскове педучилище, но учительницей не стала, потому что избрали ее секретарем райкома комсомола. Так и шла в здешних деревнях ее молодость — в заботе о вечерних школах, о недоучившихся в войну ребятах, о том, чтобы стали они настоящими людьми.

Посылали Таисию Тимофеевну учиться в Москву, и там она вышла замуж за сотрудника научно-исследовательского института. Однако же москвичкой не стала: и мужа своего в псковича перековала и сама вернулась в свой район инструктором райкома партии — все к тем же деревенским заботам. Надеялась встретить знакомых комсомольцев на полях, на фермах, учителями школ. Встретила немногих. А перемен в районе много было. Только добрых ли? Распахивали исконные клевера, сеяли требовательную кукурузу. Даже в самых бедных колхозах поспешили, выполняя указания свыше, отказаться от индивидуальных коров, будто обрели силу снабдить всех желающих колхозным молоком. Ну, и пришлось ездить за молоком в райцентр. Заодно и работу там присматривали. Вот что говорит статистика: с 1960 по 1965 год выбыло из псковских деревень в город 115 тысяч человек... Целая армия пахарей.

Осели землепашцы в сланцевых шахтах да в заводских цехах. Ходят в кино, танцуют по вечерам в клубах: уезжали ведь не только из-за нехватки молока и плохих заработков...

По утрам в деревенском небе кричат журавли — здороваются, возвращаясь в родные края из теплых стран. Ждут человека поля — пустые, слежавшиеся, пепельно-серые. Скоро распашут их те, кто остался на земле.

А в городе бывшие пахари дважды в месяц подсчитывают свои заводские рубли. И одна мыслишка, должно быть, не дает покоя: нынче кое-где колхозный рубль повесомее будет. Многие пишут из города осторожные письма деревенским родственникам: как там, мол, изба, и не найдется ли в соседнем колхозе работы? В свой-то неудобно как-то возвращаться...

Пишут такие письма и председателю колхоза «Красное знамя», Псковского района, Анатолию Петровичу Дементьеву. Анатолий Петрович председателем три года, до этого был тут же, в колхозе, 10 лет заместителем председателя. Чтобы никто ни о чем не забывал, висит у него в правлении такая таблица здешних урожаев:

«Колхоз «Красное знамя» получил с гектара в 1959 году — 6,33 центнера зерна.

1960	— 9,54
1961	— 3,7
1962	— 4,92
1963	— 7,40
1964	— 12,6
1965	— 15,3».

И цифры эти, как бы говорят: «Вот что получается, если ничего не давать земле, а только брать, и брать, и брать от нее...». И еще говорят цифры: земля не оставляет без ответа самую малую заботу земледельца.

В подкрепление таблице Анатолия Петровича можно привести несколько статистических сведений.

В соседний, такой же нечерноземный — то есть песчаный, суглинистый, оподзоленный,— эстонский гектар за последние четыре года вкладывалось в среднем по четыре центнера удобрений. В псковский же соответственно за эти четыре года — несколько килограммов, полцентнера, центнер, полтора центнера. И вот результаты: эстонский гектар в 1965 году дал 21,9 центнера зерна. Эстония, послужив как бы примером для своих соседей, доказала, что при соблюдении агротехники и правильном удобрении нечерноземный гектар мало в чем уступает черноземному.

По-своему это доказывают и псковичи. Весь скудный паек удобрений они вносят под лен, и урожаи льна за несколько последних лет у них лучше, чем у эстонцев. Под зерновые культуры псковичи пока почти ничего не вносили: нечего им было вносить. И получают поэтому они все еще низкий урожай зерна: в 1965 году в среднем по области — 7,9 центнера с гектара.

Анатолий Петрович Дементьев исхитрился раздобыть побольше удобрений и распорядился не класть все под лен, а дать и зерну по два центнера. Итог—колхоз «Красное знамя» получил в 1965 году и льна вдвое больше, чем среднеобластной урожай (по 5,9 центнера волокна с гектара и по 6,9 центнера льносемян), и зерна по 15,3 центнера.

Удобрения удобрениями, но есть в «Красном знамени» еще один козырь — характер председателя. Анатолий Петрович, человек на первый взгляд мягкий и застенчивый, проявил железную волю относительно сроков посева: весна в прошлом году запоздала, а районный график... Короче говоря, Анатолий Петрович в несозревшую землю сеять не стал. За «отставание» подвергся даже критике со стороны районной газеты.

Потрепав нервы председателю, и график и критическая статья канули в канцелярские корзины и в архивы. А поле отблагодарило за «индивидуальный подход» хорошим хлебом. Рабочий день колхозника в минувшем году был оплачен по 3 рубля 20 копеек. Это к вопросу о весомости нынешнего колхозного рубля.

Много в Псковской области низинных, сырых полей. Они нуждаются в осушении. Государство, сняв расходы по мелиорации с колхозов и с республиканского бюджета, приняло мелиорацию на общегосударственный бюджет. В прошлом году заметно продвинулись в стране мелиоративные работы. В Латвии, например, было осушено 80 тысяч гектаров. А в Псковской области, где заболоченных земель больше, чем в Латвии,— всего 2 600 гектаров. В 31 раз меньше, чем у соседей, в Латвии.

Крепко утвердилось на командных высотах советского сельского хозяйства пренебрежительное отношение к землям русского северо-запада. Рассуждали: мы на Украине и на Кубани по 30 центнеров на круг получим, зачем же вкладывать деньги в неурожайные псковские и вологодские подзолы?

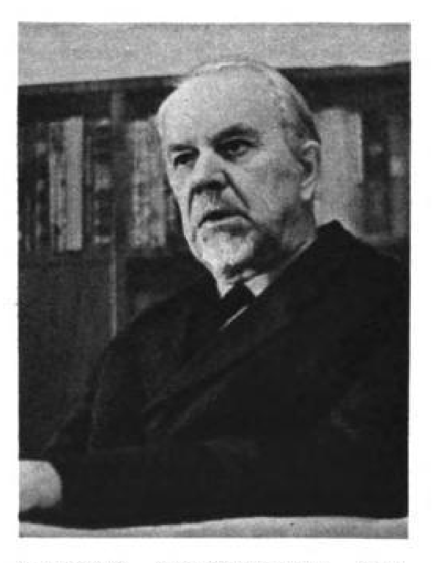
Но прав оказался Дмитрий Николаевич Прянишников в своей статье «Резервный миллиард (Химизация земледелия нечерноземной полосы)». Еще в тридцатых годах он писал: «...В погоне за даровым плодородием мы оставили

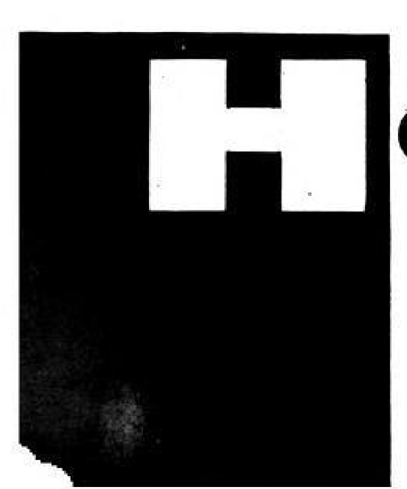
Таисия Тимофеевна Меркулова, инструктор Псковского райкома партии.

Три года председательствует Анатолий Петрович Дементьев в «Красном знамени».

Анатолий Александрович Слинин — автор нового сорта льна «псковский-1».

Нечерноземный гектар

Н. ХРАБРОВА

Фото В. Сальмре.

почти без культуры области, не знающие засухи, и... начинаем распахивать земли в областях, где земледелие заведомо является азартной игрой... теперь предстоит обратить внимание на тот климатический район и на те почвы, на которых Западная Европа исключительно построила свое интенсивное хозяйство, а именно: на нечерноземе, не знающий засухи и способный при удобрении дать устойчивые урожаи датского типа, т. е. 30 центнеров зерна с гектара...»

Эстония, которая до Советской власти получала в среднем по 9—11 центнеров с гектара, а нынче удвоила свои довоенные урожаи, может служить «масштабной линейкой» для нечерноземной полосы.

А разумно ли вкладывать средства в псковский нечерноземный гектар? Что дают подсчеты не на опыте преуспевающей Эстонии, а на опыте самой Псковской области? И есть ли у нее такой опыт?

Да, есть. Это высокая рентабельность тысяч удобренных гектаров под посевами льна. Лен — главное богатство Псковской области, главный источник ее доходов. В самые трудные годы псковский крестьянин, как мог, берег землю, отведенную под лен, как мог, удобрял ее, рискуя подчас остаться без хлеба. Есть в Псковской области такие хозяйства, которые с одного гектара льна получают по 1 500 и даже по 2 000 рублей дохода. А уж 700—800 рублей — это средний показатель по районам. Для сравнения: хороший кубанский черноземный гектар зерновых дает по 400 рублей дохода.

А будет льняной гектар приносить псковичам еще больше выгоды. Нынче 30 процентов льняных площадей в области засеяно «псковским-1». Этот новый сорт вывел Анатолий Александрович Слинин, ученый, занимающийся селекцией льна в Псковской области с 1928 года. Очень выгодный сорт: дает большой выход конечной продукции — льноволокна.

Но лен — старожил псковского нечернозема — любит влагу и неяркий долгий свет в пору роста, в пору белых ночей. А зерно? Зерно тоже все это любит. И любит так же, как и лен, побольше удобрений.

Недалеко от Пскова, на землях бывшего совхоза «Родина», три года назад поселилась Псковская областная опытная станция. Основана-то эта станция давно — в 1910 году. Но выпала ей на долю бродячая судьба. Несколько раз приходилось перемещаться, сниматься с возделанных полей и все начинать заново. Три года назад, при последнем перемещении, достались ученым запущенные, истощенные земли. Имея перед совхозом преимущества в снабжении, станция сразу же стала улучшать их. Первый посев дал 12,6 центнера с гектара, второй — 14,8, а посев третьего, 1965 года принес урожай в 18,7 центнера.

Что же делала станция для такого резкого подъема урожая?

— Ничего нового,— говорит Анатолий Васильевич Струков, директор.— Пашем вовремя и добросовестно, сеем только в созревшую землю, обрабатываем гербицидами, прилично удобряем и убираем без потерь. Быстрый подъем урожая в нашей полосе под силу каждому хозяйству при двух условиях: первое — надо иметь удобрения, второе — надо уметь удобрять.

Да, это не совсем просто — удобрять здешнюю землю. Уж очень разные тут почвы. Без специальных анализов невозможно определить, где они закислены, а где нейтральны, где бедны калием, а где — фосфором. Удобрение, внесенное невпопад, не только не даст ни малейшей пользы, но может пойти во вред.

Теперь в области две агрохимлаборатории, одна из них в Пскове, при опытной станции. В коридоре стоят аккуратные, удобные для переноски ящики. В них, как соты,— небольшие картонные коробочки. В тысячах коробочек — тысячи горстей земли. Тысячи маленьких, сыпучих кусочков родных полей, поднятых и привезенных сюда с хозяйской заботой: какая ты тут, земля, чем тебе можно помочь и чем ты одаришь нас?

Четырнадцать почвоведов — полевиков агрохимлаборатории — уже вышли в поле. С первых майских дней до новой зимы шагать им по колхозным пашням, собирать образцы почв.

В группе анализов девушки пропускают образцы через колбы и пробирки, а картографы в соответствии с анализами рисуют карты — агрохимические портреты пашен. Закисленные, бедные фосфором и калием почвы окрашены красным. На картах некоторых хозяйств красный цвет тревожен: нужна немедленная помощь!

А есть ли она — скорая помощь для земли?

По счастью, есть. Это известь. Сразу вылечивает кислотные заболевания почв, немедленно, в первый же год дает 1—2 центнера прибавки к урожаю. Это она вылечила эстонские кислые почвы, и, выздоровевшие, они усвоили каждую крупицу удобрений и вернули все золотыми потоками зерна.

Серафим Иванович Иванов, председатель колхоза «Передовик», получив от агрохимиков карты и рекомендации к ним, вот что сказал:

— А вы ведь как будто очки нам дали. Вслепую-то мы сколько извести понапрасну внесли куда не надо — в нейтральную почву...

Есть в работе агрохимиков такой закон: обследовать почвы через каждые четыре-пять лет. В 1970 году они снова вручат Серафиму Ивановичу карты. И думается, что тогда уже поля будут окрашены спокойным зеленым цветом густых всходов. Потому что к тому времени пять раз пройдут по следу агрохимиков машины с известью, органикой, минеральными удобрениями — и переродится псковский нечерноземный гектар.

Леонид Иванович Румянцев, начальник отдела химизации областного управления «Сельхозтехники», рассказал нам:

— Нынче на известкование, на культурно-технические и мелиоративные работы мы получаем вдвое больше средств, чем в прошлом году.

...В телогрейке, в сапогах, порабочему озабоченная, идет по северо-западу России нынешняя весна. Несет полям новые машины и новую химию, мысли ученых, любовь и труд земледельца, заботу правительства.

НАРОД ВЫДВИГАЕТ ДОСТОЙНЫХ

ОДНО СЕРДЦЕ И ТЫСЯЧА СУДЕБ

З. ХИРЕН

Фото Р. Лихач.

Заслуженная учительница школы РСФСР Нина Васильевна Красильщикова

В бурном утреннем потоке мальчишек и девчонок, устремившихся со смехом и гиканьем в классы, возможно, сразу и не заметишь женщину, которая стоит неподалеку от широкой лестницы, заполненной детворой и педагогами. Зато сама она не оставит без внимания ни одного из 870 учащихся 201-й столичной школы. Запомнит, кто как одет, обязательно остановит того, кто вчера не послушался учительницу, кто набедокурил дома, кто получил двойку. И сразу побеседует. Ясно, что у подобных бесед довольно горький привкус. Куда приятнее было бы рассказать корреспонденту об одаренности этого яркого народа...

Нина Васильевна Красильщикова — завуч 201-й столичной школы — работает здесь тридцать пять лет. И если подсчитать учащихся, прошедших за эти годы через ее руки, а точнее, через ее душу, цифра получится внушительная: десятки тысяч людей, ныне занятых в самых различных областях жизни страны. Кто-то очень метко сказал: художник живет в своих картинах, писатель — в книгах, а учитель — в поступках и мыслях своих воспитанников.

Прежде чем познакомиться с Ниной Васильевной, я случайно наткнулся в библиотеке на рукописный альбом одного из очень давних школьных выпусков и прочитал там заметку Нины Васильевны: «Тяжело было, когда вы не хотели как следует учиться, когда я замечала, что вы не искренни, но всего тяжелее бывало, что после какой-нибудь учительской неудачи я начинала думать, что не смогла вас научить... Не все вы и не всегда учились хорошо. Но не всегда всему тяжелому, выпадавшему на мою долю, были причиной вы. Когда мне бывало особенно трудно, вы были единственным моим утешением. Мне бы очень хотелось, чтобы вы всю жизнь, которую только начинаете, были честными, прямыми, искренними, терпимыми к окружающим».

Я спросил Красильщикову, когда учились девочки этого выпуска. Она сказала: в самую тяжелую годину, в разгар Отечественной войны. Одна из учениц школы, Зоя Космодемьянская, стала героиней нашего Отечества, погибла под Москвой. А года через два после того эти вот девочки — тогда еще пятиклассницы — отправились в совхоз под Малоярославец помогать в уборке урожая. Маленькими, красными от холода руками собирали картофель, выдергивали свеклу. Стояла дождливая, холодная осень. Поля находились в четырех километрах от ночлега школьниц. А спали они в покинутых солдатских блиндажах... Многие девочки потеряли отцов на войне...

Окончили школу после войны, был прекрасный выпускной вечер, и все эти юные «фронтовички» пришли в бальных платьях. И тогда-то одна из них сказала: «Наша школа состоит из света, стекла, смеха». За окнами зеленели тяжелые ветви старых вишен. Кто-то из гостей стал восхищаться садом, школой, а эта вот девочка заметила: «Главное, что всем нам здесь было хорошо».

— Нет, кажется, ни одного человека в школе, на которого мы сердились больше, чем на Нину Васильевну,— пошутила другая.— Но нет, кажется, и такого, которого мы любили бы больше, чем ее...

И тут надо сказать откровенно: наше собственное знакомство с этим педагогом было вовсе не таким уж идиллическим. Нина Васильевна не без сарказма сказала о тех, кто изображает учителей какими-то чудотворцами. Нет, это тяжкий труд. Да, в школе немало прекрасных педагогов — бывших ее учениц. Но ни одну из них она не уговаривала стать учительницей, считая, что этому делу можно посвятить себя лишь по зову сердца. Не позавидуешь тем, кто случайно избрал эту профессию. Жизнь такого человека превращается иногда в трагедию...

Спрашиваю Нину Васильевну, когда она сама почувствовала истинное призвание к педагогике.

— Это произошло при очень, я бы сказала, печальных обстоятельствах. Я только что окончила второй Московский государственный университет, и меня послали в Уфу преподавать русский язык и литературу. Поселилась на окраине, до строительного техникума, куда меня определили, добираться далеко. Надо было миновать лес, глубокие овраги. Особенно тяжко приходилось осенью, в дожди, а педагогические советы в те времена затягивались до полуночи.

Бывало, сижу на этих заседаниях и ничего не слышу, только об одном думаю: как страшно будет возвращаться домой! Однажды даже волк повстречался. И вот выхожу после одного такого педсовета на улицу: темень, льет дождь, навстречу поднимаются две фигурки. Я испугалась. «Что вам надо?» — спрашиваю, а в ответ слышу: «Так ведь мы ваши ученики, мы пришли, чтобы вас проводить домой, чтоб вас никто не обидел».

Не знаю, поверите или нет, но эти вот слова и фамилии этих двух учеников — Зайцев и Габитов — запомнила на всю жизнь. Тогда-то я и поняла, что уже никогда не расстанусь с профессией учительницы...

Это была не последняя наша встреча с Ниной Васильевной Красильщиковой. Еще одна — на учительском собрании, где ее выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Войковскому избирательному округу столицы.

ГЛУБОКАЯ ДРУЖБА, ТЕСНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В яркую демонстрацию советско-арабской дружбы вылилась поездка советской правительственной делегации во главе с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным в Объединенную Арабскую Республику.

Посланцы Советского Союза были тепло и сердечно встречены рабочими Хелуанского промышленного комплекса, строителями Асуана, земледельцами провинции Ат-Тахрир, жителями Порт-Саида, студентами Каирского университета.

В дружественной обстановке проходили переговоры между А. Н. Косыгиным и Президентом ОАР Гамаль Абдель Насером.

«Наш визит в Объединенную Арабскую Республику,— отметил А. Н. Косыгин,— является еще одним свидетельством той глубокой дружбы и тесного взаимного сотрудничества, которое существует между нашими странами».

На снимке: встреча на улицах Каира.

Фото ЮПИ.

ОПРОКИНУТОЕ НЕБО

Борис ИВАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

ПОТОМУ, ЧТО Я С СЕВЕРА, ЧТО ЛИ

К Есенину я опоздал.

В клубе Сахара-Сити — городке строителей Асуанской плотины, где мы договорились встретиться, было немноголюдно. У стойки маленького бара скучал черный, как южная ночь, нубиец. Седые волосы густой пеной покрывали его голову. За квадратным столиком сидела смуглая женщина, угощающая своих детей — мальчика и девочку — мороженым. Мальчик быстро справился со своим стаканом и начал канючить еще порцию.

— Ахмед! — строго сказала мать. В ее голосе прозвучало: «Нет, и не проси».

Тогда Ахмед стал приставать к сестре, за что получил шлепок. Мальчик присмирел на минуту, словно обдумывая, что же делать дальше, затем проворно спрыгнул со стула и, подкравшись сзади к сестре, дернул ее за волосы. Та вскрикнула и заревела. Мама хотела отшлепать его посильнее. Но не тут-то было. Мальчик побежал по залу и спрятался за колонну.

Мама, делая вид, что очень сердится, взяла девочку за руку и вышла на улицу. Вначале Ахмед даже обрадовался своей свободе. Он прыгал, бегал, что-то напевая себе под нос.

— Какой козленок!— сказал бармен, подавая мне чашку кофе.

Я спросил у него, не было ли здесь недавно молодого человека в очках, нашего, советского. Бармен кивнул утвердительно и подал мне записку. На листке из блокнота размашистым почерком было написано: «Ждал терпеливо. Дела. Буду через час. Есенин».

Я решил ждать. Мое время не контролировалось ни графиком, ни расписанием.

Между тем дробный топот по каменному полу прекратился и вместо него потянулось по залу длинное и тоскливое: «У-у-у-ы-ы-ы...» Страшно без мамы!

— Допрыгался!— сказал бармен.

Мальчик замолк, передохнул и начал реветь с новой силой.

В широко открытую дверь заглядывало высокое голубое небо, низкие деревца акаций, зеленая лужайка с коричневыми проплешинами, покрытыми сеткой морщин и трещин, как ладонь много потрудившегося крестьянина. Прижавшись к стене, мама наблюдала с улыбкой за поведением сына.

Вдруг Ахмед замолк. Глаза у мальчика округлились. Он с любопытством смотрел на противоположную дверь. Там в лучике света стояла девочка в красной кофточке, с большим бантом-«пропеллером» на белой длинной косе. Она заговорщицки смотрела на Ахмеда, показывая головой в ту сторону, где пряталась мать. Ахмед мгновенно все понял. Радостно взвизгнув, он опрометью бросился на улицу.

— Катя!— раздался требовательный женский голос.

Белокурая девочка так же неслышно исчезла, как и появилась в баре.

Хороший сев приносит богатую жатву — подумалось мне в эту минуту. Урожай дружбы снимет подрастающее поколение двух наших народов.

— Еще чашечку?— спросил бармен.

Я отказался.

В бар вошли двое. Они взяли по бутылке «кока-колы» и скрылись в соседней комнате. Через минуту оттуда послышалось по-русски:

— Ось низового и верхового бьефа... Записал? Так...

Молчание. Потом по-арабски:

— А что вот это?

Ответ по-русски:

— Пустое, не надо. Вода... Скважины по проекту размещаются между пикетами, вдоль оси плотины. Это важно.

И снова по-арабски:

— Хорошо. Ясно...

Я заинтересовался. Как это люди, говоря на разных языках, понимают друг друга? И кто они? Пошел в соседнюю комнату, предупредив бармена, где буду, если появится Есенин. Двое сидели на диване, разложив на коленях чертежи, схемы. Познакомились. Оказалось, что перед сменой инженер Павел Морозов знакомил своего коллегу Хайри Камель Сулеймана с «Пояснительной запиской по русловой и инъекционной завесе».

— Чтоб работа четко шла,— сказал Павел Морозов.

— На стройке время дорого,— уже по-русски добавил Хайри Сулейман.

— Наконец-то! Здравствуйте!

На пороге стоял Виктор Есенин. Среднего роста. С вьющейся светлой шевелюрой. Из-под очков смотрели на меня застенчиво большие серые глаза, опушенные длинными ресницами.

Во всем его облике сквозило что-то неуловимо близкое Сергею Есенину, особенно когда Виктор снимал очки. Как позднее я узнал, их роднило не только рязанское небо, село Константиново, но и деды, которые были братьями.

Пути по жизни оказались разными. Да и время, когда родился Виктор, было другим. Это было время первой пятилетки, время созидания, полное романтики, энтузиазма и трудностей. Оно и определило будущее Виктора. Поэт —человек, избранник судьбы. Строитель—человек, сам вершащий свою судьбу.

— Кто в юности не писал стихов!— говорит Виктор.— Пробовал и я. Но критики прямо сказали, что мои стихи так же далеки от знаменитого образца, как и наше родство.

И Виктор Есенин поступил в Московский строительный институт. После его окончания поехал на Куйбышевскую ГЭС. Три года трудился там. Свет электрической лампочки не менее нужен людям, чем свет слова. А слава? Что ж — слава приходит не с одних высот Парнаса. Она и в гуле турбин, и в окнах новых домов, и в шорохе комбайнов...

Слава о мастерстве советских гидростроителей долетела до Африки. Своим крылом она коснулась и Виктора Есенина. Невелика у него

Окончание. Начало см. «Огонек» № 20.

Павильон СССР на Международной Выставке сельскохозяйственной техники.
Фото А. Гостева.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Новейшая техника 20 стран — от гигантских советских тракторов до миниатюрного прибора, облегчающего труд земледельца,— представлена в павильонах Международной Выставки сельскохозяйственной техники. Торжественное ее открытие состоялось 16 мая на ВДНХ. По поручению Советского правительства выставку открыл первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров.

...Едва была перерезана лента, как в коммерческом центре забурлила жизнь. Представители французской «Рон-Пуленк», итальянской «Фиат», финской «Хухтамяки Юхтюма», американской «Эллис Чалмерс», японской «Комацу» и многих других фирм, объединений, организаций встречаются здесь, ведут переговоры, сходятся и расходятся, решая дела. Новинки, представленные разными странами,— не только предмет для обозрения любопытства ради, это и образцы для мирового рынка.

Заместитель директора выставки Лев Александрович Попов, в «хозяйстве» которого велись и ведутся коммерческие переговоры, заключаются сделки и соглашения, сдержан на комментарии. «Дипломатия» внешнеторговых отношений имеет свою этику. Что же касается нашей, советской, стороны, можно уже подвести первые итоги. Заключено несколько взаимовыгодных контрактов с Румынией, ГДР, США.

На площади в 200 гектаров, в павильонах из стекла и стали, на открытых площадках, собраны тысячи экспонатов — продукция 700 предприятий, фирм, синдикатов. Наибольшее количество образцов сельскохозяйственной техники представили СССР и Германская Демократическая Республика. В числе участников выставки Чехословакия, Польша, Болгария, Венгрия, Франция, Швеция, Великобритания, Япония...

Что же здесь самое ценное, достойное внимания прежде всего? Все важно, все необходимо. Лучшими будут признаны изделия, воплощающие последние достижения мировой науки и техники, сельскохозяйственного машиностроения. Кому будет принадлежать пальма первенства? На этот вопрос ответит специальное жюри.

А. СТАСЬ

должность на строительстве Асуанского комплекса. Он инженер технического отдела. Бумаги, согласования, уточнения. Работа не дерзкая. Но, как говорится, не место красит человека.

— Эх, сейчас бы на Оку!— мечтательно говорит Есенин.— Знаете, как в мае цветут наши луга? Все краски России смешались в них. Скоро поспеет клубника. Не на грядках — в клеверах. Нарвешь ее с корнем, поставишь в банку с водой — аромат на всю избу... Каждый год отпуск провожу в Константинове. «Как бы ни был красив Шираз, он не лучше рязанских раздолий».

Он прочитал эти строки громко. Двое изучающих «Записку» подняли головы.

— Есенин!— сказал Сулейман.

Виктор было обернулся на зов, но, быстро поняв, что его фамилия на сей раз адресована не к нему, продолжал свой рассказ.

В честь семидесятилетия со дня рождения Есенина в клубе Сахара-Сити состоялся вечер. На нем выступил и Виктор. Он говорил о родине поэта, о его земляках. Потом читали стихи. На вечер были приглашены и арабские специалисты, рабочие. Их интерес к русской советской литературе и искусству за последнее время заметно вырос. Если раньше взаимообогащение шло в основном в сфере технической, то теперь этот процесс пошел дальше, глубже и коснулся уже сферы духовной. Объяснить это можно ростом благосостояния арабских строителей, повышением их культурного уровня. Новая черта, которую удалось мне подметить во время третьей поездки на Асуан.

В комнату вошли еще двое. В руках у них были шахматные часы. И тут только я заметил, что на столиках расставлены шахматные доски.

— Турнир,— сказал Есенин.

— Ну и как?

— Продуваем... У них сильная команда. Экс-чемпион Египта играет, инженер.

— Участвуете?

— В команде болельщиков... Я больше люблю рыбалку. Никак не выберусь на Красное море. Вот где рыбы!.. Но на Оке вкуснее.

На диване зашуршали бумагой. Сулейман и Морозов скатывали чертежи в рулоны. Пора было расставаться и нам. Договорились встретиться на Оке. Время, правда, не уточнили. Но, как говорится, гора с горой не сходится... Всякое в жизни бывает. На Оку к Есенину съезжу обязательно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО ВЧЕРА

Под решетчатыми деревянными мостками журчит вода. Над головой убегают вперед пунктирной линией электрические лампы. По стенам тянутся кабели, шланги, трубы. Прохладно, сыро и шумно. Разговаривать приходится громко. Но звуки, отталкиваясь от стен инъекционной галереи, возвращаются обратно, смешиваются с гулом и рокотом бурильных станков, насосов. Так что поначалу трудно понять даже соседа. Проходит минута-другая, и ухо начинает улавливать сначала отдельные слова, а затем и целые фразы. Ко всему привыкаешь.

У бурильного агрегата колдует со своими арабскими друзьями Николай Дмитриев. Он главный специалист инъекционных работ. И не только по должности на строительстве Высотной Асуанской плотины. Он вообще один из пионеров этого важного и тонкого дела. Все новое пробивается не сразу, с трудом. Бывают на первых шагах и срывы и неудачи. Как правило, рядом в это время торчат скептики и маловеры. В общем, диалектика. Не обошла она стороной и Дмитриева.

Близ Караганды строили Чурубай-Нуринское водохранилище. Вода нашла себе пути ниже донной отметки. Надо было замазать все щели. Каким образом? Просто это делать наверху, ну под водой. Можно увидеть, нащупать. А под землей, да еще на глубине в несколько десятков метров? Попробуй обнаружь, где эти пустоты, щели и щелки, по которым бежит, просачивается вода. Тогда и предложено было провести серию уколов, иными словами, начать инъекционные работы. Игла — бурильный станок. Это ясно. А состав лекарства? Из каких компонентов должен состоять раствор? Глина, цемент? Их соотношение? Чего больше, чего меньше? Над рецептом бились долго. Сечение труб, муфты. Тоже уравнение с двумя неизвестными.

Одна беда тащит за собой другую. Начались метели, морозы. Раствор стынет, трубы лопаются.

— В общем, что долго рассказывать. Всегда приятнее смотреть спектакль, чем репетицию,— улыбаясь круглыми глазами, говорит Дмитриев.— С грехом пополам с задачей на Чурубай-Нуре справились. Приобрели опыт. Он очень пригодился на Иркутской стройке. Там уже все шло по выверенной схеме. А здесь, в Асуане... Впрочем, я уже вчера объяснял. Бурим не только сверху, но и из этих вот галерей, проложенных в теле плотины. Щит опускаем крепкий, на века.

В галерее долго не пробудешь. С непривычки зябко. Возвращаюсь тем же путем, по мосткам. На улице в глаза плеснуло солнце. Ослепило.

— Защитные очки надо!— сказал кто-то, трогая меня за плечо.

Зажмурился. Переждал секунду. Из голубого-розового тумана постепенно вырисовалась фигура человека. Ба, да это Павшинский! И не один.

Впереди чернел портал новой галереи. Она сооружается на поверхности плотины из широченных полуколец. С ростом плотины галерея уходит под землю. Юрий Павшинский познакомил нас со своими попутчиками: Евгением Красотченко (маг и волшебник по бетонным сооружениям), инженерами Исмаилом Магибом (отзывчивый, прямой человек) и Ваги Дарвишем (все понимает с полуслова, даже по-русски). Краткие характеристики раздавал Павшинский. И по тому, как он это делал, чувствовалось, что отношения между ними скорее товарищеские, чем официальные. А что может быть ценнее на работе, когда знаешь—рядом надежный помощник, советчик и по разуму и по сердцу.

Четверо направлялись к зданию электростанции. В их разговоре привычные уху слова и термины: краны, статоры, метры, кубы. Скучные для очерка слова. Однако за каждым из них дни и годы труда, подвига, упорства. Вот краны! Что в них романтического? А с ними связана была судьба урожая в долине Нила.

Приближался паводок. Нил раздувался, подымался, как на дрожжах. В это время разбирали эстакаду водоприемника. Надо было срочно переставить и затворы из низового канала в верховой, чтобы регулировать сброс воды. А это тонны, тонны и тонны. Советские специалисты предложили вести работы основным козловым (опять слово-то какое невзрачное!) краном. Это облегчало труд и экономило время. Арабские коллеги сомневались. Выдержит ли кран нагрузку? Они рекомендовали лебедки и штанги. Спорили день. А Нил кипел. Дискутировали второй. Нил грозил вот-вот выйти из берегов. Наконец истина родилась. Затворы были быстро переставлены козловым краном. Потом говорили, что плотина совершила первое чудо — спасла урожай от наводнения.

Евгений Красотченко еще выше поднял голову. Это его предложение одержало верх. Помог опыт. Ведь за плечами Красотченко строительство Уралмашзавода, Куйбышевской и Волгоградской гидроэлектростанций.

— Хлипких не держим,— в шутку сказал Павшинский.

К автостоянке здания электростанции, к Намызыку, прибывали автобусы, «Волги», «газики». Вечерняя смена выходила на работу. Завершался и мой день на стройке. Солнце быстро падало за изломанный горизонт Нубии. Луна словно подгоняла его, спеша занять место в зените. Запад окрасился в оранжевый цвет. Густо-синим становилось небо на востоке. Над медно-красной пустыней, над древними городами и селами Египта тоскливо полились призывы муллы к молитве и трапезе. Арабский Восток отмечал рамадан.

Вспыхивали огни на строительной площадке Садд аль-Аали. Они разгорались все ярче и ярче, затмевая звезды на небе.

Третий раз за этот год на цветных вкладках «Огонька» воспроизводятся картины с выставки художников Советской Прибалтики, которая была открыта в Москве.

Редакция обратилась к народному художнику РСФСР Георгию Григорьевичу НИССКОМУ с просьбой рассказать нашим читателям о своих впечатлениях от выставки.

ЗВОНКИЕ ГОЛОСА

Радостное, приподнятое настроение, я убежден, у всех посетителей оставила выставка художников трех прибалтийских республик. Это собрание произведений художников-энтузиастов, энтузиастов живописи, графики, прикладного искусства.

Вся экспозиция наглядно демонстрирует, как мастера Латвии, Литвы и Эстонии сумели сохранить великолепные традиции национального искусства своих народов и приобрести современность — в этом большое национальное достоинство.

В коротких заметках мне не хочется выделять имена тех или иных художников. Одному зрителю может понравиться больше одно полотно, другому — другое, третьему—графический лист или произведение прикладного искусства. Это естественно и справедливо. Но, если я скажу, что создатели всех работ, представленных на выставке, мне милы, дороги и творчески близки, то здесь не будет никакого преувеличения. Это будет искренне и честно.

За прошедшие 25 лет художники Прибалтики отмели западноевропейское влияние и черпают творческие силы в сокровищницах народного искусства. Эта самостоятельность, самобытность и придает выставке радостный колорит.

Как широк диапазон тем живописных полотен! В «Огоньке» № 18 вы можете увидеть картины латвийских художников. Здесь и напряженная работа коммунистов-подпольщиков, и радостная, ликующая песня юности, и своеобразный, такой характерный для Латвии пейзаж.

В этом номере воспроизведены картины живописцев Литвы и Эстонии.

...С душевной болью эстонский художник Э. Окас напоминает о трагедии Хиросимы. Это—страстное публицистическое произведение. Страстность его достигается не только тревожным колоритом. Вы посмотрите: спокойная, симметричная композиция, спокойны и мужественны люди. Этим внешним отсутствием динамизма особенно подчеркивается внутренняя напряженность, глубокий драматизм выражения лиц. За сдержанностью форм и чувств ощущается великий протест против жестокости и бесчеловечности войны.

Одна из особенностей эстонской живописи — это ее графичность. Так, например, в картине «За чтением газеты» В. Лойка, кроме того, что фигуры написаны, они как бы еще контурно обведены. Это придает своеобразие живописной манере художника.

По-иному, но тоже с графической четкостью, как бы разбив композицию на большие плоскости, написал В. Охакас красивый, лирический пейзаж «Уголок старого Таллина».

А натюрморт В. Лембер-Богаткиной привлекает зрителя мягкой, акварельной живописностью.

Многообразие индивидуальностей, различие ярких талантов отличало эту выставку.

Художники Литвы ищут и находят интересные, живописно-пластические решения картин. Композиции и колорит их полотен часто имеют в основе декоративное искусство литовского народа. Интерес к сегодняшнему дню, желание выразить современность в современной живописной форме — вот творческий почерк мастеров этой республики.

В каждое время художника окружают не только новые вещи, но и новая природа. В небе, которое было полвека назад, нельзя было увидеть самолет. Небо, пересеченное трассами реактивных лайнеров, ракет и спутников, надо по-новому почувствовать и по-новому написать. Море, где теперь глаз художника готов в любую минуту увидеть мчащийся на подводных крыльях, взметнувший водяной вихрь корабль, нельзя писать так же, как и 300 лет назад, когда, почти не бороздя волн, медленно двигались бригантины.

Настоящий мастер всегда чутко улавливает все новое в жизни, подчеркивает его в своих работах и заставляет увидеть это зрителей.

В Литве появились грандиозные стройки. И как интересно, выбирая ракурс, чтоб показать для сравнения старые строения, создает композицию В. Мацкявичус!

Меняется пейзаж литовской деревни, и в творчестве А. Мотеюнаса, конечно, находит отражение новый контур села с трубами, подъемными кранами, большими строениями электростанции.

И. Шважас написал тихий уголок родной природы, где на берега спокойных рек выгоняют в ночное лошадей. Поиск колорита, простой и ритмичной композиции направлен на эмоциональное выражение темы.

...Поздний вечер. Покой. Солнце уже село и освещает природу откуда-то из-за края земли. В это время все приобретает фантастическую, необыкновенную окраску. Вот и лошади стали белая—голубоватой, гнедая—красноватой. Таинственно и красиво.

Художники прославляют свой народ, свою землю. Когда я летом проезжал по дорогам трех республик, я видел рыбачьи поселки, хутора, я встречал людей трудолюбивых и приветливых. И мастера искусства воспевают их в талантливых произведениях.

Выставка — это рассказ о деловых буднях, о труде, о творчестве. И еще что приятно — удивительная забота художников о быте своего народа: они создают красивую и удобную мебель, очаровательные ковры, прекрасную посуду, изящные игрушки. По правде говоря, небольшой ковер, из тех, что представлены на выставке, я с удовольствием повесил бы на стену, как станковое произведение искусства, и любовался им.

Я считаю, что с искусством человек встречается все время дома, на улице — это столы, торшеры, люстры, вазы, посуда... Удачно сделанная витрина магазина — это тоже произведение искусства. И поэтому мне так дорого внимание художников Прибалтики ко всем деталям быта.

Высока живописная культура, артистична художественная обработка янтаря, дерева, стекла, кожи, тканей. В этих изделиях прикладного искусства особенно талантливо проявилось естественное стремление народа к красоте, к совершенным формам.

Искусство, как и таблица умножения, международно. Язык его понятен всем.

И если художники с упоением, как это делают мастера Прибалтики, воспевают жизнь, красоту своего родного края, если они вносят национальный характер в свое творчество, то тем самым обогащают мировое искусство.

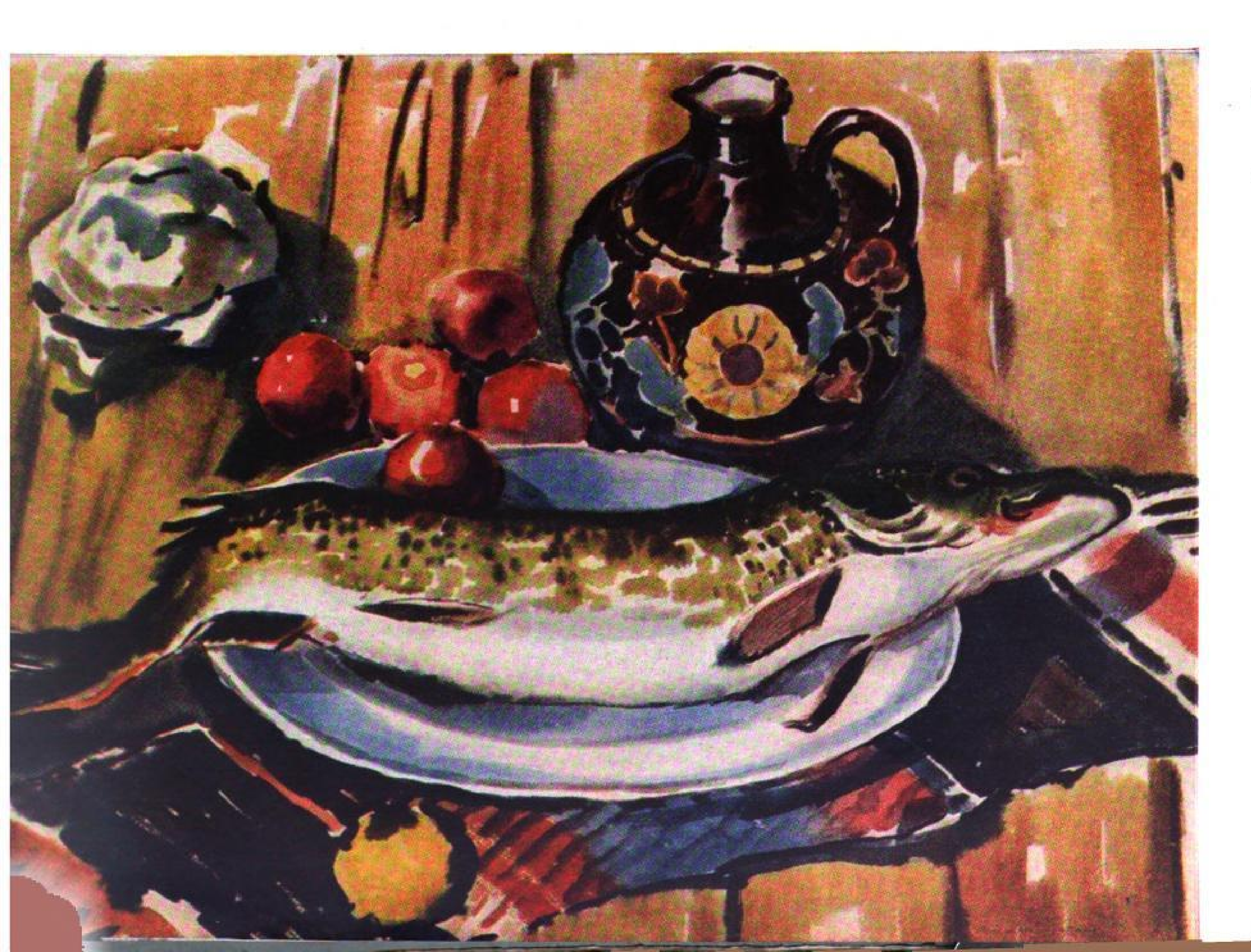
А. Скирутите. РОЖДЕНИЕ РЫБАКА.

Э. Окас. ХИРОСИМА

В. Охакас. УГОЛОК СТАРОГО ТАЛЛИНА

В. Лойк. ЗА ЧТЕНИЕМ ГАЗЕТЫ

В. Лембер-Богаткина.

НАТЮРМОРТ С РЫБОЙ

пульс времени

Владимир КОТОВ

Ежедневное утро

Как это здорово,
как это мудро,
что ежедневно есть светлое утро,
когда от ресниц
темнота уплывает,
пульс времени
небытие обрывает,
и взор озирается
ясно и сонно,
и мир озаряется
явью и солнцем,
и прочь убегают
вчерашние тени,
и нету резона
в ночном сновиденьи.
И вот,
распрямляясь белою астрой,
новенький день
подмигнет тебе:
«Здравствуй!
Руки свои протяни мне
и дай мне,
я приобщу тебя
к радостной тайне,
к тайне мечты,
что тебе напевала,
к тайне того,
что еще не бывало.
Смотри, как она
в твои окна лучится!
Сегодня случится!
Сегодня случится!..»
Но и бывает, ребята, такое:
лежишь ты,
раздавлен вчерашней тоскою,
и ночь не взяла,
и рассвет не расцвётил,
и сам ты пока ей не смог,
не ответил,—
руби этот мост!
И бросай его в пропасть!
В сегодняшний день
только мужество — пропуск!
И хочется крикнуть любимой:
«Да брось ты!»
Жить надо,
как петь,—
всей душою
и просто,
без наваждений,
без одури,
чисто,
чтоб красными были
все серые числа,
чтоб лодкою звонкой
отважно и мудро
причалило к жизни
еще одно утро!
Особенно утром
и в дождь и в ненастье
так хочется счастья,
так хочется счастья!

Вторая половина века

Что?
Время непростое?
Непростое.
Течет по капле?
Нет, летит лавиной.
Век буйно разметался
на просторе
своей второй,
тревожной половины.
И в первой
тоже не было покоя,
почти не знали бéды берегов.
Но в первой
было сделано такое,
что ляжет в основание веков.
Все жарче схватка!
Желтый Дьявол кружит
и оборотнем
в двери к нам скользит.
Заходит в тыл,
раздваивает души
и даже другу нашему грозит...
Но комиссары рассчитали верно
и взяли в руки
времени рычаг,
так что вторая половина века
лежит у нас с тобою на плечах.
И пусть не знать нам никогда покоя,
беспечного блаженства —
век таков!
Но мы с тобой
должны свершить такое,
что ляжет в основание веков.

Делают ставку на...

Ученые мистеры,
те, что сидят
там, далеко,
в небоскребах,
за нами во все телескопы следят
в оба!
Они ожидают,
дела вороша
(и каждый одно пророчит!),
когда ж это нас
мещанская ржа
насквозь проест и проточит.
Для всех подрастающих в мире юнцов
вывели дядюшки нормочку:
каждый и всякий в конце концов
уползает в свою норочку.
И думают лишь о своей судьбе
самые милые дети,
и каждый, мол,
делает лапкой к себе,
как все живое на свете.
Без всяких походов,
без всяких виз,—
и это должно, мол, случиться! —
не капитализм,
так эгоизм
во все уголки просочится.
Нет, дяди не бьются о стену лбом.
Хозяев в успехе заверя,
они в человеке,
в каждом,
в любом
делают ставку
на зверя.
Отсюда и хлещет —
понять не пора ль?
(не буду тонуть в описанье) —
вся их пропаганда,
и вся их мораль,
все пляски вполне обезьяньи.
Ревет, как река,
модерн-агрегат,
душу сосет заверченную,
и вон вытрясает из паренька
разумное,
доброе,
вечное.
«Поймите, все просто!
На общий манер.
(В сомнениях брови не хмурьте!)
Сам будешь мультимиллионер
или собачкой у мульти».
Не устают эти дяди потеть,
им точно известно от века:
в юнце-то
звериное проще поддеть,
чем в нем же
поднять человека!
Поднять человека!
Товарищ, стой!
Важнее этого нету!
Вот для чего и пришел наш строй
на юную нашу планету!
Товарищ,
еще раз пойми,
не ленись
(людям в берлоги вернуться ли?):
вот для того
и пришел
ленинизм,
для того и была
Революция!

Звени,
продолжай, человек,
свой разбег!
И утверждаю сегодня я:
в великой борьбе
победит человек —
не доллар,
не зверь,
не животное!

Разговор о поэзии с девушкой в светлом пальто

Девушка в светлом пальто
мне сказала, тряхнув волосами:
«Идейное —
это не то,
вы ж это знаете сами...»
Доверьем ее облучен,
смотрю я:
почти красавица,
идет,
и ее каблучок
не лужиц —
небес касается
и манит:
скорей, мол, сюда
новым стихом,
новой песнею!
Когда про любовь —
это да,
остальное, мол, все
не поэзия.
Да, я знаю,
на нашей земле
и в нашем железном веке,
конечно, приятно замлеть
в бездумной любовной неге.
Но во имя идей и путей,
которых немало бывает,
люди
спасают
людей
и люди
людей
убивают.
Девушка в светлом пальто!
Что ты хочешь, мечтою согрета?
Чтоб, услышав твое «не то»,
я навеки забыл про это?
Чтобы я, за перо берясь,
лишь одним заполнял странички,
чтобы прожил я жизнь, «борясь»
за твои каблучки и реснички?
Чтобы замер поэт у ног,
вскинув глазки:
а где, мол, награда?
Пусть я буду всю жизнь одинок,
но такой мне подруги не надо.
Во имя идей и путей —
кто чем жив,
кто на что уповает —
люди
спасают
людей,
и люди
людей
убивают.
А поэзия
стой в стороне?
Закисай
без борьбы и без света?
Ты бы стала
прекрасней втройне,
если вдруг поняла бы
все это.

Юрий ГРАЧЕВСКИЙ

Рисунки Л. Хайлова.

АННА И

Год назад в артели «Рыбак Севера» стряслась беда: окатной волной смыло и унесло в море двух колхозниц с рыбоприемного пункта. Одна была незамужняя, бездетная, жених к ней прилетал на похороны, матросик срочной службы. А другую погибшую оплакали в три голоса: муж и двое малолеток — Антоша и Густя.

Вдовцом оказался моторист Никифор Вайгачев, тридцати четырех лет, мужик непьющий, сознательный, прославивший себя и свой карбас «Помор» на всех путинах. Жили они с покойной согласно и мирно, никому и пригрезиться не могло, что не успеет год минуть, как приведет вдовый новую хозяюшку в дом.

«Живое живым!» — это установлено задолго до нас, и вдовому жениться никаким законом не запрещено. Не осудили и Никифора за его поспешность, только детей все пожалели, потому что мачеха им досталась незавидная: Анна Обушнова, которую и не звали в колхозе иначе, как Нюрка непутевая.

А славу худую нажила себе недаром. Разве такую к детям приведешь? А он осмелился, привел.

И вот как это у них получилось.

Сбежала Нюрка из колхоза еще в ту пору, когда Никифор женился. Случайно или намеренно, но два эти события впритык совпали, как совпала смерть Никифоровой жены с Нюркиным возвращением. Помнят, что Никифор сперва женихался с одной, а зарегистрировался совсем с другой. Не пожелал, видимо, родителей своих обижать, которые, как и большинство в Обугóлье, не считали Нюрку достойной.

Кто теперь установит причину! И чтобы начало с концом связать, надобно дождаться конца... Но после вайгачевской свадьбы выпивать начала Анна и погуливать, а потом и вовсе сбилась с круга. И когда в своем селе ей совсем уж обидно стало находиться, то подалась тайком в город — легкожития искать. А из какой ямы Никифор ее вытащил на второй год вдовства, ему одному известно. Но то ли виноватым себя перед ней чувствовал, то ли стих чудной напал с горя — осмелел, привез в Обугольe, объявил законной супругой и поселил у себя в доме, всеми до этого недоразумения уважаемом и чтимом.

Ночь переночевали не таясь, и наутро заявились оба в правление.

Был седьмой час. Море, причесанное ночным бризом, скромно плескалось у берега. Но и в предлетнюю пору, страдную, у многих односельчан, а особливо у баб, срочно возникла нужда пробежать мимо конторы и у высокого правленческого крыльца подзадержаться как бы ненароком. Так что покуда молодожены Вайгачевы вентилировали с председателем свой вопрос, внизу образовалась пестрая толпа.

Обсуждали Анну открыто. Одни притом осуждали безоговорочно, но нашлись и такие, что пристыдили осуждавших, и толпа не застоялась — размыло ее невидимой волной... Слишком уж затянулся вайгачевский визит к председателю.

Заявление Никифор составил заранее и в городе согласовал с юристом, уплатив в консультацию положенный рубль. И хотя все ссылки на статьи Устава сельхозартели адвокат подобрал соответственно, председатель к документу отнесся без сочувствия. Изучал долго и придирчиво, а изучив, отрицательно покачал бритой головой:

— Не пойдет.— И хотел вернуть бумагу.

Но Никифор подготовил себя к такому исходу и, заложив руки за спину, не принял заявления.

— А решаете не вы, Пал Мокеич, решает собрание,— постарался объяснить как можно мягче, потому что у самого Никифора, колхозника примерного, никогда и никаких стычек с председателем не случалось. И он понимал, что отказывает Мокеич не ему.

А председателя с Анной связывает давняя тесемочка. Не простил ее выходку, когда та, будучи нетрезвой, материла тишайшего Мокеича при всем честном народе. Как осмелился он ей выговор сделать: почему, мол, Анюта на засолку является не дружно со всею бригадой, а по своему личному настроению? А знал ли председатель, какие у нее имелись в ту пору настроения?.. Но сейчас ей было стыдно вспоминать, и она старалась не сойтись с Мокеичем взглядом. Старательно вчитывалась в красочную инструкцию по затариванию беломорской сельди, будто впервые на такую наткнулась. Хотя плакатик этот и лет десять назад, до ее бегства из родного села, висел так же вот одесную от председателева кресла.

И хотя просьба о восстановлении Вайгачевой Анны, урожденной Обушновой, в правах члена артели составлена от ее имени, но все переговоры взялся вести муж, Никифор. И это затрудняло положение председателя, который не желал бы обидеть одного из самых безотказных во всем «Рыбаке Севера» трудяг. Но и возмущения своего Анютой, державшейся и сейчас, как ему казалось, вызывающе, Мокеич преодолеть не мог. Зачем-то обрядилась в костюмчик стиляжного пошива, такой мохристый, будто его наизнанку вывернули: распороть бы мохорчатую юбчонку да вместо половика и постелить в сенях.

И то, что его колхозница, пропадавшая в бегах чуть не десять лет, воротилась назад такой же молодой и привлекающе красивой, еще более раздражало и мешало решать дело спокойно. И невольно переносил Мокеич это неприязненное чувство с самой Анюты на ее новоявленного супруга, угодившего в ловко расставленный ею перемет. В мужчине Мокеич привык ценить силу и достоинство. И больно ему было видеть, как помор сам угодил в сеть. И не жалость вызывал у него такой мужик, а огорчение.

— Собрание своим чередом, а я-то лично буду напротив,— заявил тем самым тоном, который колхозники, знающие своего председателя, привыкли считать непреклонным, а каждое слово, этим тоном произнесенное,— окончательным.

— Зачем же напротив, Пал Мокеич?— применил Никифор крайний тон, просительный.

Но председателю и в этом робком вопросе послышалось нечто неприятное — то ли недостойное, то ли неуважительное. «Видать, и сам Никифор потянется теперь за своею вертихвосткой. С какой стати черную пару в будний день надел?— прикидывал Мокеич сердито.— На гулянку, что ли, собрался или на похороны?» И сей вопиющий, по его разумению, выпад он тоже успел приписать разлагающему влиянию Анютки. Собьет она отныне мужика с доброй стези.

— А затем буду напротив, что филонов и прочих отсевков нам в передовом хозяйстве плодить не надоть!

— Но ведь руки-то рабочие в данный момент ой как надобны!— сообразил, на что бить Никифор.— А Анна-то Борисовна чуть не с малых лет на разделке рыбы... Специалистка!

Председатель вдруг замер, услыхав ее отчество — Борисовна. Никто у них в Обугольe Нюрку по батюшке не величал до сих пор. И Мокеич, задумавшись, представил себе ее отца, Бориса Обушнова, статного помора и справного колхозника. Одно время они с Борисом были напарниками, вместе ходили в море на промысел. Потом война их раскидала. Мокеича вскоре доставили в Обугольe без ноги. А Обушнов в первую же зиму погиб на Карельском.

А вспомнив все это, председатель оставил заявление у себя. Однако и тут повторно оговорился, что «он лично будет напротив». Пока же идет путина, разрешил ей поработать в прежней бригаде, но как бы по сезонному набору.

— Однако при первом же каком нарушении, невыходе или даже опоздании учти, Обушнова!..

— Вайгачева она,— аккуратно поправил муж.

— А это картины не меняет,— не принял поправки председатель и пальцем погрозил не как замужней, а как девчонке-шкоднице.

Ее этот жест не обидел, а скорее примирил с председателем, напомнив о тех стершихся из памяти годах, когда Мокеич возил ее на своей моторке записывать в первый класс. А покуда их мурыжили в пришкольной канцелярии, налетела моряна и угнала лодку, которую Анюта по легкомыслию своему зацепила за бон не прочно, а кое-как. И пришлось им домой в Обугольe топать берегом. А каково было Мокеичу три версты отковылять на протезе! И он ей вот так же пальцем грозил, а уши не решился нарвать: она уже тогда была сиротой. И возврат к прежнему тону Анна восприняла как и возврат к прежним взаимоотношениям, то есть как председательское прощение.

— Спасибо вам, Пал Мокеич,— отблагодарила тихонько, не отрывая глаз от плаката-инструкции, чтобы не углядел Мокеич навернувшихся слез.

С этого и началась ее замужняя жизнь.

Дети встретили Анну молча. Весь год после гибели их матери соседушки Вайгачевых, взявшие на себя временное попечение о сиротах, стращали малышей: если будут неслухами, то папаня живо приведет мачеху в дом.

И он привел. И когда приведенная отцом сунула им гостинцы, щедро закупленные в городе, то Антоша не принял предназначавшийся ему автомат с трещоткой, хотя и мечтал о таком вот самом чуть ли не с рождения, а показал мачехе язык. Отец стукнул его за это по затылку, но мальчик не заплакал, как обычно в тех случаях, когда считал наказание справедливым, а продолжал смотреть на отца, даже и не отвернувшись.

Густя куклу приняла, но тут же схоронилась за миткалевой занавеской. Поздороваться с чужой теткой, какую батяня назло им откуда-то привез, она вслед за братом наотрез отказалась. И как ни уговаривали ее взрослые высунуться из-за укрытия, девочка не согласилась. Так и отужинать пришлось без детей.

С утра за чаем тревожно раздумывал Никифор, как же уйдет он в море и оставит их до-

ДЕТИ

ма втроем. На то, что Анна заменит им мать, не осмеливался он рассчитывать. Но и не предполагал, что дети столь непреклонно встретят незнакомую, к которой не может у них быть того же предубеждения, что и у взрослых... Как бы не обидела их Анна в сердцах!

Но жена его обнадежила:

— Ступай смело, мы и сами-то управимся. Антоша нам дровец из сараюшки натаскает, а как я с берега ворочусь после смены, то мы с Густей ужин живо изладим. Нас ведь две хозяйки-то! Верно, Густя?— И хотя девочка нарочно не ответила, мачеха рукой по волосенкам ее провела осторожно.— Ну вот и договорились. Ладнушки!

И прикинулась, будто не заметила, как Густя, уклоняясь от ее ласки, дернулась пугливо и плеснула чаем себе на колени. А чашка была только-только налита. С ревом выскочила Густя из-за стола, и боль, которую испытала, ошпарившись, девочка невольно приписала мачехе. Так и помнилось ей весь день, что не погладила ее чужая тетка, приведенная отцом им назло, а хлестнула больнехонько.

— Не плачь ты, мы ее так накажем за это!— успокаивал Антоша сестренку, когда они остались наконец одни.— Не обрадуется.

— А как накажем-то?— заинтересовалась Густя и перестала плакать.

— Моя бы воля,— произнес брат совсем по-взрослому,— так я бы ее живо выгонил. «Не живи с нами, и все...» Да не пойдет она добром, нет.

— Не пойдет она добром, нет...— повторила девочка слово в слово. Шестилетняя Густя уже все слова знала, но не научилась пока выговаривать их твердо.

— А если тут останется, нас она живо со свету сживет!

— А давай сами убегим от ей?— предложила сестренка свой план.

— Отца бросать жалко,— рассудил брат, как старший.— Лучше мы ей... вот что...— Девочка замерла, предчувствуя, что Антоша, неистощимый выдумщик, сейчас непременно что-то сообразит.— Мы ей сами дорожку укажем!

— Как дорожку?— загорелась Густя, для которой все сказанное братом-второклассником кажется необычайно интересным, но чересчур мудреным. И потому требует повторения.

— А чтобы сама оставаться с нами не схотела. Поскидала бы барахло в свой чемодан — и айда, пока батяня-то в море... Пошто в чужой-от дом шла? Обкрутила мужика, обманила его? Звали тебя, непутевую!— В свою очередь, и мальчик повторял слова более старших и более опытных.

— Не поскидает она в чемодан до ночи,— покачала Густя в сомнении головой,— он у ей вон какой здоровущий!

— А мы ее напугаем, так она враз сбежит.

— Чем напугаем?

— Мы ее в подполье загоним.

— А как загоним?

— А как я тебя летось загонил, когда ты баловала. Потом сразу смирная стала.

— Так я-те сама пошла, а энту силком надоть.

— Силком ее не одолеть,— прикинул Антоша.— Вишь, какая гладкая. Она нас обоих враз скрутит.

— Гладкая она, враз скрутит,—повторила Густя мягко. У нее получилось «врас скрутить».

— Да мы ее на хитрость возьмем.

— На хитрость возьмем,— мечтательно прошептала девочка.

— Мы творило-то снимем, а половичком дыру прикроем. Она как ступит — и тама.

— И тама...

— А потом и устрекает без оглядки!

— Без оглядки!— Представила Густя, как они раз и навсегда избавятся от ненавистной мачехи. Но вдруг спохватилась, забеспокоилась:— А как убьется, тоды что?

— Не, не убьется,—заверил ее брат.— Напугается только и не станет больше с нами находиться. Батяня воротится, а ей уж и нету. «Где она?»— спросит. А мы ответим: «Ушла она, не полюбила у нас жить».

И план этот обрадовал обоих, потому что не было, как им казалось, у них иного способа, чтобы пришлую тетку от родного дома отвадить.

А Анна, отстояв смену, в тот первый вечер бегом бежала в мужнин дом, и радуясь и пугаясь при мысли, как там встретят ее дети и справится ли с ними одна, без мужика. Он лишь под утро воротится со своим карбасом, день переспит — и опять на промысел. Весна, путина в разгаре, пикша косяками сей год идет— не упускай добычу, помор! А им без него втроем жить...

Бежала, и думалось: мужчина завсегда при деле, потому он и правый завсе. А бабьи промыслы, что неправые помыслы. Вот нужно и ей прочно к делу приставать, чтобы с мужиком сравняться. И коли уж сбылась мечта, свела ее судьба с Никифором — пусть и поздно, но свела!— себя не пожалеет баба, а от него и в деле не отстанет.

Не обижалась на детей, что так недобро ее встретили. Сама росла без матери, без отца, помнит свое сиротство. Отвыкать нелегко, а привыкать и того не легче. Натерпишься от

ла две пары глаз, удивленно и испуганно взирающих во тьму.

Долго и настороженно нацеливались они друг в друга взглядами — Анна и дети. И не отваживались высказать друг другу ни словечка.

— Ты зачем молчишь? — с тревогой поинтересовался мальчик, убедившись, что она их видит.

— Больно,— простонала.

Наверху откликнулись живо и в два голоса:

— А ты живая, что ль?

— Живая ты?

И в вопросах детей слышались смятение и страх.

— Подсобите... Встать бы...

— А! Мы-то подсобим, а ты нас напорешь, поди.

— Не напорю...

Она уже начинала понимать, что произошло.

— Сейчас мы те чалку бросим.

— Побыстрее...

— Годи!

И наверху послышался суетливый топот.

Она ведь так и вовсе могла убиться. Но, кажется, всего лишь ногу повредила: не встать, не наступить. Боль острая, ножевая...

И вдруг острее боли ранила мысль: а что же будет завтра? Как доковыляет она до колхозных причалов и как простоит смену целую? Теперь-то никто не усомнится, что правой оказалась бригадирша, подозревая ее, Анну. Вот, глядите, на второй же день симуляцию сочинила Нюрка непутевая!.. Уж лучше бы насмерть убилась, чем опять такой стыд терпеть.

И она заплакала, всхлипывая и причитая, как в детстве. Так ей жалко себя стало, так обидно!..

— Ты чего ревишь?— не одобрил ее слез Антоша.— Лучше вылазь-ка!

— Ты лучше вылазь!— повторила Густя.

Кое-как с помощью спущенной ей чалки выкарабкалась из погреба и добралась до лавки.

— Тряпицу какую-нибудь и воды принесите постуденей.

Дети все быстренько добыли, проявляя расторопность не по возрасту. Действовали все трое молча и деловито.

Обмотавши ногу компрессом, Анна умыла лицо. Долго плескала из бадейки леденящей колодезной водой, чтобы смыть следы слез. Потом объявила как смогла спокойнее:

— Сейчас ужин станем готовить...

— Ужин станем готовить,—впервые и за ней повторила Густя.

Когда на заре появился Никифор и, стараясь не греметь бахилами, оставил их в сенях, дети все равно уже не спали. Приготовившись к самому страшному, покорно и бессловесно ожидали, какое им вынесут наказание.

Сел он на том месте, где и всегда садился, возвращаясь с промысла,— у окна в деревянном резном кресле, которое смастерил для себя его отец, искусный резчик. И те наличники узорные, какими украсил старик Вайгачев чуть не все обугольские избы, художники из самого Архангельска до сих пор наезжают срисовывать.

Приоткрыв оконце, Никифор старался так курить свою трубочку, чтобы дым без остатка убегал наружу. Всю жизнь ему казалось, что, куря этаким манером, не совсем уж нарушает он старинный поморский завет — не дымить табачищем в избе. Зимой же подсаживался поближе к зеву печи, туда дымок враз уносится, и табачный дух не застаивается в доме.

Не чувствовал себя усталым после ночи. Усталость наваливается чуть позже, когда после горячего чая неумолимо склонит в сон.

Куря, поглядывал вниз на свой штабель, запасенный с майского ледохода. В эти дни лес, упущенный сплавщиками где-то наверху, щедро оседает у них в Поморье на отмелях. И обугольские жители охотно занимаются зачисткой своего берега. Отныне это ихний лес по закону. И Никифор подумывал о том, что не худо бы дать дому ремонт — подгнившие венцы сменить, а в сенях подновить полы и подправить творило. Хозяйский глаз его успел уловить, что снято оно нынче с петель, а потом лаз прикрыли неровно. Решил, что Аннушка сняла, но не хотел допытываться, зачем. И без излишнего спроса можно покамест обойтись. Пусть пообвыкнет женщина, почув-

них, пока привыкнут. Но ради Никиши бажо́ного, которого она за все те годы, пока не с ней он был, так и не сумела от сердца оторвать, считая своим, похищенным у нее несправедливо, ради него готова все стерпеть и все вынести. Если уж все эти годы одна сносила и обиды и насмешки, которые большей частью она и не заслуживала, то с ним теперь ей ничто не страшно. Ведь это такое счастье, что понял он все оправдания тем неприглядным поступкам, из коих так криво скраивались ее последние годы — пропащие. Оправдания, которые она одна для себя находила, а он понял их и принял как справедливые. Значит, и другие примут их и поймут рано или поздно. Пускай не сразу, она подождет. Выдержки у нее достанет. Дольше ждала. Одна была — выстояла. А отныне-то ей жить и жить!

И она всем докажет, как ошибались они, держа ее вовсе не за ту Анну, какая есть она на самом деле. И ребятишкам Никифоровым постарается она хоть отчасти, а заменить мать. Они еще невелички — успеют осознать. А вот обижаться на них не следует, на несмышленышей. Они обидят, а ты вспомни, как самой тяжко бывало к новым людям привыкать, как сперва не ладилось у тебя с людьми, а потом день за днем и слаживалось. Не вдруг... Нужны лишь время и терпение. Много надобно в жизни терпения, тогда и дождаться можно всего, чего ждешь.

Вот и бригадирша Аксюша Бадьина, ставшая, пока не виделись, матерой бабищей, первейшей ударницей на весь Мезенский район, а подозрительно так спросила под конец смены: «Утром-то появишься снова к нам? Иль надоело? Поди, и не ждать тебя боле...» Недоверие проявила.

А ведь как Анна старалась! Пять бочек за смену одна обеспечила и затарила. Поболее всех. А одной стоять потому пришлось, что вроде бы ей напарницы не досталось. Не признали бабы пока за свою...

Отмучилась день. А это один лишь день — первый. А сколько их впереди, дней! И каждый день предстоит доказывать, что не паршивая ты овца в стаде, не хуже ты остальных, а то и лучше. Что не по заслугам люди тебя осудили... Но даже и эта мысль не казалась ей сейчас горестной, а ободрила ее и согрела, как стакан белого вина, что сперва горьким кажется, а потом веселит. Представила она, сколь лестно будет ее Никише услышать не те слова о ней, что он слышал все эти годы, а совсем иные, сочувственные слова и уважительные. Молодчина, мол, твоя Аннушка, и ты, парень, молодчик, что взял ее, пригрел! А что добьется она такого признания, заслужит его и выслужит, теперь в том и не сомневалась, потому что и силу обрела она и волю, с того самого мига, как стала жить не одна.

И двухкилометровая тропка от рыбных причалов до вайгачевского дома, срубленного повыше всех изб — на угóре, откуда морюшко до самого окоема видится,— не показалась ей ни долгой, ни утомительной. Свободно взбегала она вверх и вверх, а море всю дорогу играло рядом с нею. Плескалось нежно, напевно, будто подпевало ей в лад. Родное ее море, домашнее — Белое.

Но в тот час было оно не белым, как в зиму, не серым — обычным, даже и не тем голубым, каким бывает летними безоблачными утрами. А было оно розовым, предвечерним и таким покойным и добрым, что доброе это спокойствие передалось и ей, Анне. И в сени новой своей обители поднималась она совсем без тревоги, смутно надеясь, что все худое уже позади...

Того, что стряслось с ней в тот самый миг, Анна не помнит. Удар, боль, тьма... А когда очнулась, приоткрыла глаза, то увидела два светлеющих пятнышка высоко над собой — два детских лица. Они расплывались, колеблясь, как свечные огоньки. Но постепенно различи-

ствует себя хозяйкой в дому. Он не станет ее ни в чем неволить. Натерпелась она, бедная, настудила душу, нелегко ей и отогреться. Как тут она с детьми-то? Похоже, что хоть тихо все. Добро бы...

Так, скинув пиджак и оставшись в одном тельнике, большой и ширококостный, восседал в отцовском кресле хозяин дома и глава семьи. Откидывая то и дело темно-русую прядь со лба, которую с юных лет так и не приучил лежать послушно, Никифор с ревнивой настороженностью наблюдал, как взгревает Анна самовар. Все опасался, что нерасторопностью или неловкостью Анна, сама того не желая, потянет его к сравнениям и не в свою пользу. А та орудовала ходовито, складно, как и положено женщине, хозяйке. Оглядывал придирчиво, словно бы сравнивая с кем-то.

Но что с детьми? Хотя чай еще не подан, на редкость чинно восседают оба за столом. Отца стараются взглядами обходить, а украдкой, по-цыплячьи пощипывают хлеб. И каждый норовил выщипнуть мякиша побольше. При этом Антоша зубом щербатой вилки начал обрисовывать яркий клеенчатый узор. А за ним и Густя принялась выписывать по клеенке те же вензеля своею вилочкой поменьше.

А Никифор не отрывал взгляда от ладной Аннушкиной спины, обтянутой дырчатой кофточкой — из модных ниток связана. И новая хозяйка, затопивши печь, после года пустоты и домашней неразберихи настроила его на спокойный лад.

— Ну, как вы тут без мужика день-от отжили?— вопросил чинно, по старшинству, выждав положенное.

— В порядке,— ответила Анна, не оборачиваясь.

— Мирно ли?

— Минул день — и ладно,— пропела торопливой скороговорочкой.— Всяко время переходчиво.

— Аксинья-то Бадьина, бригадирша ваша, довольна ли тобою осталась?

— А на нее, на придиру, нешто угодишь?..

— Не боись, это она по первости несговорчива, потом обмякнет.

— Добро бы обмякла.

— Отборзится... А вы,— обратился Никифор к детям,— слушались ли тетю Нюру?

Дети и совсем дыхание затаили. А Анне показалось, что Антоша вот-вот наберется отчаянного мужества и откроется отцу, как они ее обидели.

— А вот и трещечка спеклася у нас!— успела Анна перехватить ребячье признание, вставляя фразы и вовсе не обязательные, но без коих ни одна трапеза в поморском дому не обходится:— А трещечки не поешь — не поработаешь!

Страшно боялась, что малыши успеют повиниться перед отцом. Спешила хоть едой заткнуть им рты. Обернулась, чтобы перебросить на стол сковородку с запеченной треской. Но только ступила на поврежденную ногу, как с прежней ножевой силой резанула вчерашняя боль и заставила прикусить губу, лишь бы не вскрикнуть.

— Эх, да что это с ногой-то у тебя?— испуганно вскрикнул за нее муж.

— Да вот,— увидела, как ребятишки склонили головы, уткнувшись носами в клеенку,— жилу, должно, растянула.

— Как же это ты догадалась-то?!

Антоша и Густя слышали уже угрозный свист взметнувшегося над их повинными спинами тяжеленного отцовского ремня с гербовой флотской пряжкой на конце. Вот когда злая мачеха сведет наконец счеты с ними, с сиротами беззащитными. И не станет им от нее житья в своем дому.

— Да я в погребушку спускалася, чтобы капусты набрать...

— Ну?

— Ну и скользнула по косолапости своей... Сама и виновна,— успела вынести полное и окончательное суждение.

Он вздохнул, укорив себя за то, что и сам за весь год вдовства мало заботился о доме. Запустил.

— Да нет, ты не виноватая.

— А кто же еще кроме?— испугалась Анна за детей.

— Моя тут вина преобладает,— огорчался Никифор.— Давно бы мне надоть все там переоборудовать и свет в сени утянуть. Живем как при царе-косаре. Радиву слушаем, телевизер смотрим, а в хозяйстве никакого себе облегчения произвести не хотим... Ладно, вот путину сбросим — займуся.

— Ты, небось, и в прошлу путину́-те так же загадывал, а после руки и не дошли.

— Сей год дойдут. Вдвоем нам хозяйствовать, не одному.— И, обнадежив ее, как сумел, принялся за треску.— Постой,— отложил опять вилку,— как же ты до причалов-то нынче добредешь?

Дети тоже перестали есть, ждали, что она ответит.

— Доковыляю как-нибудь. Невелик и путь, если заранее выйти...

— Может, дома пересидишь денек-другой, покуда оклемаешься?

— Что ты, Никиша!— вскрикнула с испугом.— Льзя ли мне... Немыслимо даже!

— Я сгоняю на мотоцикле, сообщу: так, мол, и так, моя вина...

— Нет уж, и не вздумай! Тебя я спать сей же час повалю.

А он уже и сидя задремывал, укачанный легкой волной, что носила его более суток по беломорским пространным водам, пока гонял он свой «Помор» вслед за рыбьим стадом. Не подвел быстроходный карбас. Не зря сказано: каков моторист, таков и улов.

А теперь вот та же волна мирненько прибила его к обугольскому берегу, к своему дому. И тепло домашнее, семейное, впервые после года неприкаянности и бесприютства разлилось и по его жилам. И потянуло в сон. Так и всхрапывать начал, сидя в кресле.

Дохлебав чаек из блюдечка, Антоша повернул чашку кверху дном, как всегда делал, потому что так делала его и Густина мать. А сверху положил недогрызенный кусочек сахару. Еле слышно, чтобы не разбудить отца, отблагодарил:

— Спасибо, тетенька.

И Густя тоже перевернула свою чашку поменьше: на ее посудине изображена Красная Шапочка, а на братниной — Серый Волк. И, отставив Красную Шапочку подальше от Серого Волка, тоже шепотком повторила вслед за братом:

— Спасибо, тетенька.

— Ну, гуляйте,— торопилась Анна прибрать со стола.

— Не, мы гулять ныне не станем.

— Не станем мы,— прошептала и Густя, сползая с высокого некрашеного табурета, оттертого до скользкой желтизны.

— Отчего же так? Нынче вёдро!

— А мы с Густей тебя на причалы поведем,— солидно, по-мужски доложил Антоша о своем намерении, возникшем, по-видимому, только что.

— Мы поведем,— понятливо отозвалось его маленькое эхо.

— На одной-те ноге тебе самой не допрыгать.

— Не допрыгать тебе...

— Глупые,— едва сдержала Анна слезы.— Тяжело вам будет...

— А ты мне в плечо уприся — я-то сильнющий, по два ведра полнехоньких на коромысле таскаю... А Густе просто руку подай. Вот так — глянь! — И подставил плечо.— Идет?

— Ладнушки, спробуем...— торопилась Анна причесаться у комодного зеркала, накинув Никифорову латаную спецовку поверх модной кофточки.

— А мне руку просто,— взяла ее девочка за рукав спецовки.— Вот так... Идет?

— Спробуем...

И двинулись в путь.

А когда явились они втроем на рыбоприемный пункт — Анна и дети, держась друг за друга,— то даже бригадирша, строгая и непреклонная, не нашла, чем же ей нынче попрекнуть непутевую. И, чтобы нарушить нечетное число приемщиц, сама стала с ней в пару.

И день летел свободно и быстро, как та шлюпочка под холстинным парусом, которую они с Никишей задолго еще до его первой женитьбы ладили сообща. И даже боль в ноге была ей приятна — каждый миг боль эта напоминала, что и у нее, у Нюрки непутевой, есть и муж и дом и что завтрашним утром, когда она проснется, не надо будет со страхом думать о том, как дожить до вечера. У нее отныне, как и у всякой бабы, столько забот, что и дня не хватит.

Четверть века радует своих читателей журнал «Украина». В дни его юбилея «Огонек» обращается к «Украине» с самыми лучшими пожеланиями и поздравлениями.

ЖУРНАЛУ „УКРАИНА"— 25 ЛЕТ

На обложке первого номера журнала «Украина», вышедшего в мае 1941 года,— суровые лица бойцов в строю, на параде. То было тревожное время, на Западе уже полыхал пожар войны, и мы чувствовали ее зловещее дыхание.

И вот еще журнал. Июль 1943 года. Листаем пожелтевшие страницы ежемесячника, издававшегося в те годы в Москве, читаем страстное стихотворение выдающегося украинского поэта Максима Рыльского «Украина»:

Тобі, склонившись на коліна,
Ладен віддать я всі дари,
Бо ти — безсмертна Україна...
Живи ж, борися, побори!

Народ-воин поборол лютого врага и поднялся на леса строек, снова стал сеятелем и созидателем. С ним, с народом-тружеником, и шел все послевоенные годы журнал «Украина».

Остановлю внимание читателя на одной из майских обложек этого года. На ней изображено лицо украинки. Это портрет Раисы Недашковской. Раиса — еще совсем молодая киноактриса, но ее знает уже весь мир. В прошлом году в мае мне посчастливилось быть участником декады украинской литературы и искусства в Узбекистане. Случилось так, что в нашей ферганской бригаде была Рая. Видели бы вы, сколько аплодисментов выпало на долю молодой киноактрисы! Раиса Недашковская вместе с Иваном Миколайчуком олицетворяли древнее и вечно молодое искусство Советской Украины.

У руля журнала — редакторами, членами редколлегии или сотрудниками — были известные писатели, художники, журналисты. Среди них Александр Довженко, Юрий Смолич, Василь Касиян, Иван Цюпа, Александр Ильченко, Дмитро Прикордонный, Давид Копыця, Василь Кучер, Иван Стативка, Алексей Полторацкий.

Журнал «Украина» выходит с 1963 года еженедельно. С ростом периодичности вырос и тираж еженедельника. Только за три последних года он увеличился в четыре раза.

Литература, искусство, экономика, история, быт, спорт — наши постоянные отделы. В последнее время редакция активно ведет рубрику «Наши рассказы о героях». Инициативу журнала поддержал Министр обороны Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

Нельзя не сказать об отделе юмора и сатиры, довольно популярном в журнале, «Украина смеется» и о его фельетонном подотделе «Музей нечистой силы». В последний попадают чинуши и бюрократы, казнокрады и волокитчики.

Постоянны рубрики нашего еженедельника: «Доброе слово про добрых людей», «Великим Октябрем окрыленные», «С братских родников», «Фестиваль поэтов Украины», «Сделано на Украине», «Картинная галерея Украины», «Звезды мирового кино», «Блокнот добрых советов», «Дорогами Отчизны», «В семейном кругу», «Страницы природы»...

Сейчас мы начали большой разговор с читателем о подготовке к 50-летию Советской власти и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Материалы к этим великим датам мы будем тесно увязывать с пропагандой и выполнением решений XXIII съезда КПСС. Одной из постоянных тем будет дружба наших народов. Редакция наметила к 50-летию Великого Октября подготовить номер о каждой советской республике. Первый номер, посвященный Российской Федерации, уже вышел.

Василь БОЛЬШАК,
главный редактор журнала
«Украина»

україна

П. ВОЛКОВ

У Антона Павловича

Недавно музей-заповедник А. П. Чехова в Мелихове отметил свое двадцатипятилетие. Музей был создан незадолго до Великой Отечественной войны; к тому времени в усадьбе оставался только полуразрушенный флигель, где осенью 1895 года Чехов написал «Чайку», остатки парка да заросший прудик «величиной с аквариум». Яблони и вишни чеховского сада почти целиком вымерзли и засохли.

После войны был заново отстроен дом, перенесена на прежнее место кухонная изба, восстановлен сад. К столетию Антона Павловича усадьба приобрела тот самый вид, какой имела при его жизни.

При восстановлении тщательно изучались документы и семейные архивы.

Сергей Михайлович Чехов, племянник писателя, руководивший работами, много раз советовался с Марией Павловной Чеховой и получал бесценные указания очевидицы. Местные старожилы, отчетливо помнившие облик знаменитой усадьбы, тоже приняли горячее участие: их замечания и уточнения оказывались подчас весьма существенными.

Многие вещи, взятые чеховской семьей при переезде в Ялту — письменный стол, кровать, умывальник, столовые приборы, фотографии и т. д., — перекочевали обратно в Мелихово. Таким образом, и внутреннее убранство дома стало близко к подлинному. В Мелихово привезены — после пятидесятилетнего произрастания на крымской почве — любимые Чеховым цветы: розы, ирисы, кусты сирени...

Последний раз я побывал в Мелихове совсем недавно. Была та самая нежная пора года, когда «пахнет весною», пахнет, как писал Чехов из Мелихова, «где-то в душе, между грудью и животом»... Полотно дороги влажно чернело, и кое-где на нем рыжели морщинистые от ветра лужи. В те далекие времена в такую распутицу до Мелихова можно было добраться «не иначе, как на воздушном шаре», как шутил Чехов.

По «муравьиной тропке», переговариваясь, шли школьники. День входил в трудовой ритм; от конторы совхоза имени Чехова, расположенной рядом с заповедной усадьбой, то и дело отъезжали тракторы с прицепами, грузовики. Люди отправлялись на фермы.

Музей в столь ранний час был еще закрыт. Я обошел усадьбу. Пройдет еще день-другой — и все здесь заблагоухает, зацветет, распустится. Работники музея и мелиховские школьники с весны до осени окружают заботою каждый цветок, сохраняя по возможности те самые породы и на тех же самых местах, как при Чехове. У прудика — сахалинская гречиха, под окнами флигеля — диковинные сорта сирени; а немного поодаль ежегодно разбивают огород, где вызревают, как у Марии Павловны, артишоки, спаржа и другие южные культуры... Полоски гелиотропов у крыльца, лилии, георгины. И повсюду в огромном изобилии розы...

Помните, как любил и гордился своим садом Антон Павлович, какие нежные и заботливые наставления давал сестре, когда случалось ему уезжать от своих цветов, будто речь шла об оставленных детях! «Около лилий и тюльпанов поставь палочки, а то их растопчут. У нас две лилии: одна — против твоих окон, другая — около белой розы по дороге к нарциссам».

В другом письме он просил: «До моего приезда не обрезайте розы. Срежьте лишь те стебли, которые замерзли зимой или очень больны — но осторожно: имей в виду, что больные иногда выздоравливают...»

Когда на асфальтовой площадке перед музеем стали останавливаться автобусы с шумными группами школьников и экскурсантами из домов отдыха, я обогнул усадьбу и мимо аккуратного чеховского пожарного сарая — он и по сей день служит мелиховцам — пошел по деревенской улице туда, куда давеча шли ребятишки. К школе.

Нет, Мелихово сейчас совсем не такое, как на рисунках Левитана или Марии Павловны, либо на старых фотографиях.

Один из самых старых крестьян, М. Симанов, рассказывает:

— Деревня у нас была нищенская. Восемнадцать нищих из нашей деревни по дворам ходили. Полов в домах не было, спали на нарах... Антон Павлович посмотрел и сказал: «Вот где Сахалин!»

В сегодняшнем Мелихове дома выглядят зажиточно: высокие, добротные, под железом и шифером, с террасами и балконами. Почти на каждой крыше телевизионные антенны. Надворные постройки крепки и поместительны. В селе есть магазин, столовая, где, к слову сказать, готовят не хуже, чем в первоклассном ресторане; клуб с широкоэкранным зрительным залом — здесь мелиховцы смотрят новые фильмы.

В облике встречных прохожих, в их открытых, ясных, доброжелательных лицах вы не найдете ничего общего с прототипами персонажей чеховских «Мужиков», которые были «забиты, запуганы, раздражены»...

Мелихово. Рисунок И. Левитана.

Редкий фотопортрет А. П. Чехова.

...Если бы Антон Павлович прошел сейчас по улицам села, как бы возрадовалось его сердце! «Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят»,— предвидел он в мелиховские годы...

О прошлом больше всего напоминает здесь ветхая деревянная церковь XVII века. Сейчас она реставрируется как архитектурный памятник.

Школа, стоящая за деревней в рощице старых берез,— памятник, какой воздвиг себе здесь Чехов. Просторное, светлое и удобное здание по сей день остается образцом разумной планировки, как и образцом заботы об учащихся и учителях.

Конечно, юные земляки Чехова, которые каждый день ходят сюда, едва ли сохраняют торжественное ощущение того, что они учатся в одной из школ, построенных самим Антоном Павловичем! Для них это просто школа и школа, родная начальная школа, где они постигают премудрость грамоты, учатся считать, получают свои первые пятерки и первые двойки, шалят на переменках... Гордиться тем, что учились в чеховской школе, они будут после, когда вырастут; тогда они будут гордиться и тем, что родились и выросли в Мелихове.

В школе шел урок. В сенях стояли и лежали на полу сапожки, башмаки и галоши: дети, приходя, переобуваются, чтобы не натаскать в классы уличную грязь; на вешалке висели пальтишки.

Из-за двери класса доносился размеренно-терпеливый голос:

— «Отсель грозить мы будем шведу»... шведу... Миша! Не вертись, оставь Таню в покое!.. «Отсель»—значит «отсюда». «Шведу», то есть шведскому королю Карлу XII. Он был врагом России. «Здесь будет город заложен...»

В дверную щель видна русая головка с косичками и мальчишечий вихор... А голос мне знаком: это Нина Сергеевна Симанова, молодая учительница. Симановы— одна из самых известных в Мелихове фамилий.

Когда-то деды и прадеды нынешней учительницы Нины Сергеевны были ближайшими соседями Чеховых. Семья Чеховых была хорошо знакома с ними и очень внимательна к их нуждам. Три поколения этой семьи хранят воспоминания об Антоне Павловиче.

Прапрадед Нины Симановой, искусный сапожник, однажды «похитил» с помощью кухарки Марьюшки истрепавшиеся сапоги писателя, и за ночь сделал их «лучше новых». Под утро сапоги были «подброшены» на прежнее место. Так старый Адриан Афанасьевич хотел отблагодарить Антона Павловича за его доброту. Чехов много раз навещал тяжелобольную жену Симанова, поставил ее на ноги и, конечно, наотрез отказался взять плату за лечение... Проделка с сапогами раскрылась. Антон Павлович был тронут деликатным вниманием крестьянина и от души поблагодарил его.

Сын старика Адриана, Прокофий, избранный сельским старостой, был своим человеком в усадьбе Чеховых. Он отличался передовыми для крестьянина того времени взглядами и посильно помогал Антону Павловичу строить школу.

И, наконец, дед Нины Симановой, ныне восьмидесятилетний Михаил Прокофьевич до последнего времени был смотрителем музея-заповедника. В ту пору, когда Чеховы жили в Мелихове, он был примерно ровесником нынешних учеников своей внучки Нины... Многое помнит Михаил Прокофьевич. Помнит, как они вместе с Антоном Павловичем выпускали мальков в новый, выкопанный на чеховской земле пруд. Чехов попросил мальчика сказать деревенским ребятам, чтобы подождали ловить: «Пусть подрастет рыбка». Однако через месяц сам Миша первый не выдержал уговора, отправился на пруд удить и был застигнут Антоном Павловичем на месте преступления...

— Слышу, Антон Павлович за спиною кашляет,— рассказывает Михаил Прокофьевич.— Стыдно мне стало. Бросил я удочки да бежать!.. Пришел домой, вижу, удочки стоят, а Антон Павлович меня встречает. «Миша,— говорит,— зачем убежал? Обидел ты меня этим! Пруд у нас общий; рыбу вместе пускали, значит, тоже общая. Лови, если хочешь, и ребятам скажи...»

Самое трогательное в рассказах мелиховских старожилов — Михаила Прокофьевича Симанова, Ивана Григорьевича Короткова, отцу которого Антон Павлович безвозмездно помог купить лошадь, и других стариков,— пожалуй, то, что Чехов до сих пор для них не столько великий писатель, сколько близкий, родной человек — Антон Павлович. Человек огромной доброты, самоотверженности и благородства.

«Меня уже считают своим»,— писал Чехов в октябре 1892 года из Мелихова.

«Своим» он остался здесь и по сей день и останется навсегда, хотя все меньше становится людей, своими глазами видевших Чехова. Личность его превращается мало-помалу в легенду, но при этом нисколько не теряет в своем живом, человеческом обаянии. Он здесь вечен. Мелиховцы так и говорят: «У Антона Павловича», «В гости к Антону Павловичу»...

«Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни»,— сказано в одном из писем Чехова, написанных незадолго до переезда в деревню.

Каким же на деле оказался этот «кусочек» жизни в Мелихове!.. Чехов — земский врач, в участок которого входят «двадцать пять деревень, четыре фабрики и один монастырь». Пациенты исчисляются многими сотнями. Прием больных и разъезды отнимают уйму времени и сил, а работает Чехов, как мы бы сказали, «на общественных началах». Средства к жизни ему дает только литература, а часто бывает так, что «о литературе и подумать некогда»...

Два года он «ловит за хвост холеру»— готовится отразить нашествие эпидемии.

«У меня уже два дня болит голова. Сейчас вернулся из фабрики, куда ездил на беговых дрожках по грязи и где принимал больных. Утром до обеда меня возили к младенцу, страждущему поносом и рвотой...» «Бывают дни, когда мне приходится выезжать из дому раза четыре или пять. Вернешься из Крюкова, а во дворе уже дожидается посланный из Васькина». «Работы у меня больше, чем по горло. Разъезжаю по деревням и фабрикам и проповедую там холеру. Завтра санитарный съезд в Серпухове...» «Вчера вечером мок на проливном дожде, не ночевал дома и утром шел по грязи и все время ругался». «Езжу, читаю лекции печенегам, лечу, сержусь...» «Утро. Приемка больных. Сейчас принял № 686».

Это не строки из рассказов А. П. Чехова. Это будни земского врача Чехова. Строки из его писем...

Чехов строит школы в Талеже, Новоселках, Мелихове, Михайловском. Он попечитель Талежской и Чирковской школ. Попечитель заботливый, принимающий к сердцу все нужды школ, экзаменующий учеников... Он организатор библиотек, земский гласный; член санитарного совета и строитель больниц; присяжный заседатель в суде, заведующий переписным пунктом во время Всероссийской переписи 1897 года.

Станция Лопасня обязана ему почтовым отделением, а мелиховская округа — дорогой, прудами, колодцами, деревьями и садами...

«Я выкопал в поле пруд и обсадил его деревьями. Получился оазис». «...Посадил 60 вишен и 80 яблонь». Чехов — ходатай по крестьянским делам — строит дома беднейшим крестьянам, пожарные сараи и, наконец, церковную колокольню... Почему Чехов, атеист, вдруг оказался в этой роли? Да только по своей душевной деликатности. Из уважения к чувствам крестьян, которые просили об этом...

В записной книжке Антона Павловича есть слова: «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья...» Такой «потребностью души» он сам обладал в высшей степени. Довольным, счастливым он чувствовал себя, кажется, только тогда, когда не знал ни сна, ни покоя. «Летом трудненько жилось, но теперь мне кажется, что ни одно лето я не проводил так хорошо,— пишет он.— Завелись новые знакомства и новые отношения. Прежние наши страхи перед мужиками кажутся теперь нелепостью. Служил я в земстве, заседал в санитарном совете, ездил по фабрикам — и это мне нравилось».

Но, в свою очередь, и Мелихово одарило Чехова, как писателя, обилием впечатлений, несравненным знанием народной жизни. В его рассказах и повестях —«Случай из практики», «Дом с мезонином», «Три года», «Моя жизнь», «Ионыч», «Крыжовник», «Мужики», «В овраге», «Невеста» и других,— в пьесах «Чайка» и «Дядя Ваня» использовано многое из того, что писатель видел и пережил в Мелихове.

Не раз так или иначе возникает в них дорогое сердцу Мелихово и мелиховская округа.

Можно без преувеличения сказать, что мелиховское семилетие — центральная полоса в жизни А. П. Чехова, писателя и человека. Все, что было до Мелихова, было как бы подготовкой к нему. Да и последние пять лет озарены отблесками Мелихова...

МЕДАЛЬ ВРУЧЕНА РОДИТЕЛЯМ

Иван Барановский (довоенный снимок).

Константин БЕЛОВ

В № 29 «Огонька» за прошлый год был напечатан очерк «Италия помнит Ивана-Паоло». В нем говорилось о подвигах советского воина Ивана Барановского в Италии во время второй мировой войны. В очерке рассказывалось и о том, как погиб Барановский.

Коротко напомним о его последнем подвиге.

Группа борцов Сопротивления, схваченная немцами и чернорубашечниками и приговоренная к смертной казни, содержалась в комендатуре городка Альяны. Здание комендатуры охранялось усиленным нарядом фашистов. Партизаны искали пути освобождения своих товарищей. Барановский предложил пойти на хитрость: он под видом монаха проберется к комендатуре и забросает ее гранатами.

В черном балахоне, не обратив на себя внимания часового, Иван подошел к дверям комендатуры и метнул одну гранату в дверь, а другую в окно. Но вражеский пулеметчик успел еще до взрыва сразить смельчака очередью. Партизаны бросились в атаку и захватили здание. Узники были освобождены. Боевые друзья похоронили Ивана Барановского с воинскими почестями и после войны поставили ему памятник.

В многочисленных письмах, адресованных в редакцию журнала, читатели выражают гордость за своего соотечественника, который приумножил славу советского человека на итальянской земле. Читатели также спрашивают, удалось ли нам установить, где жил Иван Барановский до призыва в армию, кто были его родители, интересуются подробностями его жизни.

В прошлом выступлении мы говорили о том, что нам было известно о Барановском со слов его итальянских друзей. А сообщили они немного: Иван-Паоло жил до войны на Кавказе, работал на паровозоремонтном заводе, в армии был сержантом, раненным, оказался в плену.

Мы начали поиск родственников Ивана Барановского. Обратились к письмам. Зинаида Антоновна Черкашина (фамилия по мужу) писала из Грозного: «Мой родной брат Барановский Василий тоже до войны жил на Северном Кавказе. В армии служил младшим командиром, а в 1942 году пропал без вести. Возможно, итальянские товарищи неправильно запомнили его имя...»

Вскрыв другое письмо, которое писала Анна Семеновна Барановская из Краснодарского края, мы узнали, что ее брата звали Иваном. Родился он в 1918 году, работал на железной дороге. В армии ему присвоили звание сержанта. В первый год войны пропал без вести.

Казалось, все данные налицо и родственники Ивана-Паоло найдены. Но мы решили посоветоваться с работниками Советского Комитета ветеранов войны. Оказалось, что поисками родственников Барановского занимались также Министерство обороны СССР и Комитет ветеранов войны.

Как нам стало известно, коммуна города Альяны наградила партизана Ивана-Паоло мемориальной серебряной медалью. Медаль направили в Советский Союз для вручения родственникам Барановского. Были подняты архивы всех военных комиссариатов Северного Кавказа. Удалось установить, что и в Кабардино-Балкарии до войны жил Иван Барановский. Его год рождения тоже 1918-й, работал слесарем в паровозном депо. Старшим сержантом пропал без вести в начале войны. Удивительное совпадение!

Какой же адрес подлинный? Кому вручить награду? Работникам Кабардино-Балкарского военкомата удалось узнать, что в ста километрах от Нальчика, в городе Тырныаузе, живет бывший узник фашистских концлагерей Петр Петрович Романенко. Он подтвердил, что вместе с Иваном Барановским, сыном Тимофея Поликарповича и Агафьи Федоровны Барановских, сидел в концлагере, а затем бежал с ним с поезда в сентябре 1943 года. Судьба медали была решена: ее вручили родителям Ивана, живущим ныне в селе Светловодском, в Кабардино-Балкарии.

Мы попросили Тимофея Поликарповича прислать в редакцию довоенную фотографию сына и вскоре получили ее. Бывшие итальянские партизаны Манфредини Донорио, Лидо Маньи, Орацио Борджиоли рассказывали, что Иван-Паоло был светловолосым, а на снимке он оказался брюнетом. Вкралось сомнение: неужели это не он? А может быть, виноват фотограф?

Снимок немедленно послали в Италию. Оттуда пришел ответ: да, это Иван-Паоло.

И вот мы у родителей Барановского, в селе Светловодском. Тимофея Поликарповича, которому исполнилось 80 лет, дома не застали. Он уехал лечиться в Пятигорск. Нас встретили Агафья Федоровна и дочь Ивана Тимофеевича — Нина, ныне учительница.

Уже третий десяток идет, как окончилась война, а родители только недавно узнали, где сражался и погиб их сын. Сколько слез выплакала за эти годы Агафья Федоровна! И сейчас, вспоминая о сыне, она кончиком головного платка то и дело вытирает глаза. Агафья Федоровна знала, что Иван был в концлагере. Знала и то, что он совершил побег. Но о гибели сына ей ничего не было известно. И она ждала его...

Агафья Федоровна рассказала, что через год после победы приезжала в Светловодское одна женщина и говорила, будто сын ее, Петро Романенко, вместе с Ваней у немцев в Германии в плену были. Потом увезли их в Италию. Они бежали с поезда. Только Петро с Иваном вскоре расстались.

Агафья Федоровна вспоминает и о том, как к ним позже приезжал сам Романенко, интересовался, вернулся ли домой Иван. Его волновала судьба друга. Но, узнав, что тот не вернулся, решил: видимо, погиб.

Мы беседовали со многими односельчанами героя. Юношеские годы Ивана очень схожи с тысячами судеб его сверстников. Школа, комсомол, летом работа в колхозных ученических бригадах. Затем учеба в ФЗУ. Романтика тех лет влекла Ивана к военной службе. И он становится инструктором Осоавиахима. В 1939 году его призывают в Красную Армию.

Из села Светловодское мы выехали в город Тырныауз, где живет товарищ Барановского Петр Петрович Романенко.

Долго он говорил об Иване, с которым свела его судьба в фашистской неволе.

Теперь мы располагаем сведениями о подпольной организации военнопленных в концлагере и об участии в ней Ивана Барановского.

Петр Романенко познакомился с Иваном Барановским в ноябре 1942 года в товарном вагоне, набитом узниками. Поезд шел из Люкенвальда в Дессау. Разговорившись, они узнали, что жили до войны недалеко друг от друга. И земляки подружились.

В концлагере Дессау они строили бараки, со станции таскали уголь на военный завод. Барановский был у пленных подпольным командиром роты. Ему удалось наладить связь с конвоиром Келлером, в прошлом рабочим. Келлер с симпатией относился к русским. С его помощью Иван собрал радиоприемник и ночью украдкой слушал радиопередачи из Москвы. Все узники были в курсе событий на фронтах войны.

Как-то коменданту лагеря сообщили, что пленные знают о поражении немецких войск под Сталинградом. Гестаповцы решили провести обыски. Но Келлер предупредил Барановского и вынес с территории лагеря разобранный приемник.

Интересен и такой эпизод. Весной 1943 года Барановский познакомился с девушкой-украинкой, которая была служанкой у немецкого врача. Она выполняла роль связной между концлагерями Дессау и Рослау. В Рослау действовал подпольный штаб военнопленных нескольких концлагерей. Девушка связала Барановского со штабом. Ему передали зашифрованную записку, в которой сообщали, что в определенный день назначается общее восстание узников концлагерей. Пленным Дессау предлагалось перебить охрану зенитной батареи, что охраняла город от налетов союзной авиации, и открыть из орудий огонь по военной комендатуре и отделению гестапо. Разгромив фашистов, узники должны были уйти в лес.

Иван Барановский составил детальный план восстания. И ждал сигнала.

Повстанцы Рослау должны были захватить находившийся в городе авиационный завод Юнкерса и сесть на самолеты. Как только «юнкерс» появится над Дессау и сделает круг, начнут действовать и военнопленные под командой Барановского.

...Рано утром обычную охрану в концлагере Дессау неожиданно заменили жандармами. Двери закрыли на замки. Фашисты продержали пленных взаперти два дня, а потом погнали на работу. Видимо, гестаповцам не удалось обнаружить связь узников Дессау с подпольным штабом. Келлер рассказывал Барановскому, что в концлагерях Рослау предатели выдали план восстания. Двенадцать руководителей штаба были повешены.

В начале сентября невольников лагеря Дессау срочно погрузили в вагоны и повезли в Италию. Немцы торопились доставить их в Геную. Здесь ожидалась высадка с моря англо-американского десанта, и пленным предстояло построить оборонительные укрепления. Эшелон с пленными простоял на станции в пригороде Генуи двое суток. А затем поезд отправили обратно в Германию. Вероятно, русским побоялись доверить строительство оборонительных рубежей.

В прошлом очерке описывался побег Барановского и его друзей с поезда. Сейчас мы узнали о неизвестных ранее деталях этого побега. Келлер предупредил пленных, что эшелон отходит ночью, и предложил бежать с поезда, сказав, что охрана не поднимет тревоги.

Когда поезд пошел на подъем, Барановский прыгнул первым. За ним последовали еще двое и Петр Романенко. Падая, Барановский сильно ушиб ногу и не мог двигаться. Товарищи всю ночь несли Ивана на руках.

...Больше месяца прошло с тех пор, как бежали они, а партизан так и не встретили. Добрались до провинции Пистойя.

Однажды — было это недалеко от Флоренции — группа Барановского наткнулась на оборонительную полосу, которую сооружали немцы вдоль шоссейной дороги. Дорога усиленно охранялась фашистами. Чтобы попасть в горы к партизанам, надо было перебраться на другую сторону укрепленной полосы.

Пастух, с которым повстречались четверо русских, сообщил, что вдоль шоссе установлена секретная сигнализация.

Петр Романенко пошел в разведку. А когда вернулся, друзей не обнаружил. Так он навсегда расстался с Иваном Барановским.

А случилось вот что. Ивана и его двух товарищей обнаружил патруль, и они едва ушли от преследования. Впоследствии Барановский, оказавшись у итальянских партизан в горах Иль Тэсо, не раз вспоминал своего друга и все надеялся увидеть его.

...Иван Тимофеевич Барановский погиб на итальянской земле. Его помнят многие граждане Италии. Они соорудили ему памятник. Нам кажется, что за совершенные подвиги Иван Барановский достоин награды и от своей Родины.

На горном солнышке. Фото Ю. Кривоносова.

По тревоге.

Прометеи

Они не похищают огонь, а изгоняют, убивают, расстреливают его. Но, в общем, это то же похищение, только с целью оградить человека от огня. Не всегда огонь — благо. Такова его природа, как, впрочем, и многих других явлений, представляющих палку о двух концах. И Прометей стал бы к лафету пожарной пушки, появись он на нашей истыканной нефтяными скважинами земле.

— Кабы я был министром нефтедобывающей промышленности,— говорит один бакинский прометей,— я бы организовал в Баку научный центр по борьбе с огнем на нефтяных промыслах.

— Кабы я был министром нефтедобывающей промышленности,— говорит другой бакинский прометей,— я бы при каждом нефтяном или газовом месторождении создал бригаду укротителей фонтанов.

Бакинские прометеи не мифические. Первый — полковник Ткаченко, Константин Владимирович, начальник республиканского Управления пожарной охраны. Дело совсем не в том, что он имеет свой начальнический кабинет и целый ряд нижестоящих пожарных начальников, а в том, что он тушит пожары сам. И тогда этот в высшей степени добродушный голубоглазый человек превращается в свирепого, черного, закоптелого коршуна, прилетевшего за своей добычей. Он сам готовит взрывчатку, сам подводит заряд к огромному горящему факелу — и гремит взрыв, который отрывает пламя от фонтана.

А потом фонтан надо закрыть, укротить вырвавшиеся из-под земли газ или нефть. Этим уже занимается другой прометей. Тут совсем адова работа. Надо подойти вплотную к устью ревущей скважины, к разбитым, искореженным затворам и их восстановить. Инженер Николай Христофорович Мхчиян делает это с мужеством барса и грацией эстрадного иллюзиониста. Между прочим, в миру он тоже очень тихий, скромный человек.

Он уже почти лишился слуха, пребывая многие часы в грохоте и шуме, от которого лопаются барабанные перепонки. Бессчетно подвергает он себя риску для того, чтобы исправить ошибку какого-нибудь растяпы или недоучки. И это вовсе не его «служебное дело». Так же как не «служебное дело» полковника Ткаченко по тревожной телеграмме «SOS!» оставлять свое управление, мчаться на аэродром, лететь в Туркмению, Казахстан, на Украину, в Краснодарский край, в Сибирь. Лететь в Афганистан или еще куда-нибудь. И вместе с ним летит инженер Мхчиян. Это когда где-то «ЧП». В сложных ситуациях, когда нужен особенно высокий класс, зовут на выручку Баку. И это, в общем, вполне резонно.

Когда-то в нашей стране был один нефтяной район — Баку. Крупные нефтяные пожары происходили только здесь, особенно в первые годы Советской власти, когда поджогами и диверсиями враги хотели лишить нашу страну топлива. Молодой брандмейстер Ткаченко приехал в Баку из Балаклавы, где умирал от скуки и безделья, и сразу попал в серьезную переделку. Горели деревянные нефтяные вышки на Бухте Ильича. В это время Николай Мхчиян работал простым буровиком и кончал институт.

Время летело вперед. Техника на промыслах усложнялась и требовала более надежной охраны от огня и борьбы с ним. Нефть обнаружилась во многих районах страны. Короче говоря, надо было искать новые, более эффективные методы борьбы с пожарами на нефтяных промыслах. Полковник Ткаченко создал в своем управлении научно-исследовательский отдел. В самом деле, тут одной головы не хватит. Нужны механики, химики, теплотехники.

Пожарную науку в Баку возглавляет инженер Виталий Петрович Сомов, сын Петра Сомова, чьим именем назван приписанный к морским промыслам пожарный корабль. Сыну было одиннадцать лет, когда отец его погиб под горящим фонтаном, поэтому счеты у него с фонтанами особые. Но дело не в личной трагедии. Ему ясно: в единоборстве с огнем будущее принадлежит науке.

А вот другое мнение. Инженер Мхчиян предлагает заглянуть в корень зла. Он убежден, подсчитал, готов доказать с цифрами в руках, что лишь 17 процентов всех несчастий с фонтанами происходит не по вине человека, а все остальное от нарушения технологического процесса: из-за неправильного бурения, неловкого простреливания скважины, небрежной ее эксплуатации. Все, что делает он, Мхчиян, и его ученики, работающие в разных концах страны,— это самодеятельность. Нужны постоянные, хорошо оснащенные бригады при каждом месторождении. Их главная функция — инспекторская. Они должны не допустить возникновения фонтана. А уж если он возник, суметь его закрыть.

Вот что волнует сегодня бакинских прометеев.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

Петр Иванович Хромин тридцать лет работает в пожарной охране.

Стволы с корабля направлены на очаг огня.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Кровь доноров Т. Митюхиной и В. Астаховского спасла десятки жизней.

Фото Г. КОПОСОВА.

Идет операция на сердце в Институте сердечно-сосудистой хирургии АМН СССР. Сейчас в организм больного начнет поступать кровь.

Легендарная птица — пеликан! Первый в истории нашей планеты донор. В трагическую минуту эта трогательная птица разрывает себе грудь, собственной кровью утоляя жажду птенцов. И нет ничего удивительного, что служба крови многих стран в качестве символа своей основной идеи выбрала изображение пеликана с зияющей раной на груди.

1898 год. Русский акушер Вольф спас от неминуемой гибели женщину, у которой во время родов открылось неукротимое кровотечение. Помогло переливание крови—одно из первых в мире успешных переливаний крови от человека человеку.

Попытки использовать в качестве спасительного средства кровь здоровых людей и даже животных известны очень давно. Но неудачи преследовали врачей столь закономерно, что в некоторых странах, в частности во Франции, были изданы специальные указы правительства, запрещавшие подобные операции.

1901 год. Австриец Карл Ландштейнер открыл три группы крови, позднее чех Ян Янский открыл четвертую. Эти открытия явились началом новой блестящей страницы в истории медицины.

Родилась и начала стремительно развиваться новая область медицины — гемотерапия.

Врачи старшего поколения помнят, сколько надежд вызвали у них первые успехи применения этого лечебного метода. Действительность превзошла самые смелые ожидания. Достаточно вспомнить хотя бы некоторые достижения современной медицины, ставшие возможными благодаря переливанию крови.

1932 год. Первые раздельные переливания плазмы крови и эритроцитов.

Плазма крови сама по себе — незаменимое средство для лечения тяжелых ожогов, травматического шока. Она же служит незаменимым источником высокоэффективных лечебных препаратов.

Ученые научились многократно усиливать целебные свойства крови, разделяя ее на составные части и используя их как лекарства в чистом, концентрированном виде.

Эритроцитная масса — взвесь красных кровяных телец, отделенная от жидкой части крови — плазмы,—оказалась намного эффективней цельной крови в борьбе с некоторыми видами малокровия и других заболеваний кровотворной системы.

Переливание лейкоцитов и тромбоцитной массы помогает лечить больных, в организме которых не хватает лейкоцитов (белых кровяных телец) и нарушается свертываемость крови.

1939—1946 годы — внедрение во врачебную практику препаратов, полученных из различных составных частей крови.

Фибриноген обладает свойством останавливать тяжелейшие кровотечения. В недавнем прошлом такие кровотечения нередко называли неукротимыми — их не удавалось останавливать даже переливанием большого количества цельной крови. Своевременное введение нескольких граммов фибриногена останавливает такие кровотечения.

Фибринолизин обладает свойством растворять свежие сгустки крови. Сегодня этот препарат — важнейшее средство лечения острых тромбофлебитов, тромбозов периферических артерий и других так называемых тромбоэмболических заболеваний. В последнее время его стали применять при инфаркте миокарда, тромбозах и эмболиях мозговых сосудов.

С помощью альбумина лечат больных с тяжелыми поражениями печени, почек, желудочно-кишечного тракта, приводящими к белковой недостаточности.

Гамма-глобулин — белок, выделяемый из плазмы крови. Своевременное введение 3—6 миллилитров этого препарата ребенку, бывшему в контакте с больным корью, полностью предотвращает возникновение заболевания или значительно облегчает его течение. Гамма-глобулин к тому же оказался эффективным средством профилактики инфекционного гепатита (болезни Боткина), лечения некоторых инфекционных заболеваний, тяжелых форм воспаления легких.

И, наконец, 50-е годы. Первые успешные операции на сердце с применением аппарата искусственного кровообращения (АИК).

Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями—проблема номер один современной медицины. Именно болезни сердца и сосудов—в наше время основная причина смерти людей. Развитие сердечно-сосудистой хирургии — один из реальнейших путей лечения таких болезней. Хирурги-кардиологи устраняют многие дефекты сердца, ликвидируют пороки его развития, расширяют суженные болезненным процессом пути циркуляции крови и даже заменяют пораженные клапаны сердца искусственными.

Такие операции нередко спасают жизнь и возвращают работоспособность, казалось бы, безнадежно больным людям. Производятся они при помощи аппарата искусственного кровообращения, который заменяет сердце и легкие больного на время операции, обеспечивая необходимую для жизни циркуляцию крови. Чтобы АИК мог работать, система его полостей и трубок вначале заполняется большими количествами донорской крови.

Именно большие количества донорской крови и позволяют применять в широкой врачебной практике все эти лечебные методы, проводить сложные современные хирургические операции.

Быть донором почетно. Люди, регулярно дающие свою кровь во имя спасения сотен и тысяч больных, заслуживают самого широкого признания и благодарности. Вот имена лишь некоторых.

Почетный донор СССР Варвара Петровна Соболева дает кровь с 1942 года. Уже после Великой Отечественной войны она помогла спасти жизнь тридцати семи людям, в том числе восьми детям.

Почетный донор СССР Мария Давыдовна Фрисман также начала давать кровь в годы Великой Отечественной войны. К ее помощи неоднократно обращались в тех случаях, когда донорской крови не хватало, а для спасения больного требовалась срочная операция.

В последние годы в нашей стране стало развиваться коллективное донорство. Ежегодно дают кровь 215 рабочих 2-го литейного цеха ЗИЛа во главе с начальником цеха Иваном Ивановичем Козяевым. 35—40 литров их крови позволяют провести 2—3 сложнейшие операции на сердце. Ежегодно дают 140 литров крови шестьсот доноров Министерства внешней торговли. Среди коллективных доноров — студенты и преподаватели Института народного хозяйства имени Плеханова, 1-го и 2-го московских медицинских институтов и многие другие.

Армия доноров в нашей стране растет. Их кровь позволяет сегодня производить до 2,5 миллиона переливаний в год. И все же сегодня крови не хватает и для переливания и для производства необходимых лекарственных препаратов.

Почему? В объяснение — несколько цифр.

Чтобы обеспечить одну операцию с применением АИК на открытом сердце, а также для последующего лечения оперированного, требуется не менее 5 литров крови.

Для бесперебойной работы аппарата «искусственная почка», который используется в процессе лечения некоторых тяжелейших заболеваний, требуется для одного больного от 2 до 7 литров крови.

На одно обменное переливание крови взрослому человеку расходуется до 17 литров крови. Такая мера спасает жизнь человека при некоторых ранее абсолютно неизлечимых тяжелых отравлениях так называемыми «кровяными ядами».

Чтобы приготовить один литр плазмы, необходимо не менее 2,5 литра крови.

Из одного литра плазмы при максимально эффективной технологии можно приготовить всего 10 ампул гамма-глобулина по 2 кубических сантиметра каждая и одну дозу альбумина.

Для изготовления одной лечебной дозы фибриногена — от 2 до 6 граммов — необходимо переработать от 2 до 6 литров плазмы.

Все эти цифры означают, что для сохранения жизни ребенка с врожденным пороком сердца или женщины, погибающей от кровотечения после родов, нужна помощь многих здоровых людей.

ЧЕСТЬ ДАРУЮЩЕМУ КРОВЬ

Ведь у каждого донора за один раз берется не более 200 кубических сантиметров крови.

Проблема переливания крови из медицинской задачи становится задачей социальной.

Снабжением лечебных учреждений кровью и ее препаратами в Советском Союзе занимается специальная служба со своими институтами, станциями и отделениями в каждом уголке страны. Эта служба ежегодно заготавливает много донорской крови.

Эта служба богата опытными и преданными делу энтузиастами.

Эта служба располагает всеми возможностями, в том числе современным оборудованием и оснащением, для значительного увеличения объема заготавливаемой крови.

Но для этого необходимо дальнейшее и быстрое развитие донорства.

В связи с невиданно возросшими потребностями в донорской крови особенно важное значение приобретает успешно развивающееся в нашей стране массовое патриотическое движение за безвозмездное донорство, начатое по инициативе москвичей и ленинградцев. Это движение является одним из ярких проявлений гуманизма, чувства общественного долга, товарищества и взаимной помощи советских людей.

Коммунистическая партия и Советское правительство всячески поощряют патриотическое движение за безвозмездное донорство.

Каждый, кто изъявляет желание стать донором, в день дачи крови освобождается от работы с сохранением содержания и получает еще один свободный и оплаченный день отдыха. Все доноры пользуются преимущественным правом получения путевок в дома отдыха и санатории, для доноров установлены знаки отличия и различные поощрения.

Два с половиной миллиона переливаний крови в год! Эта внушительная цифра говорит еще и о том, что успех современной медицины во многом определяется запасом донорской крови.

Нет крови — и нельзя проводить сложную операцию, такую необходимую больному.

Не хватает всего одного флакона донорской крови — и в трагическую минуту может погибнуть человек.

Нет донорской крови — и беспомощным подчас начинает себя чувствовать врач.

Поэтому сегодня безвозмездное донорство должно стать общенародным делом. Каждому из нас, нашим близким, друзьям, товарищам, сослуживцам может понадобиться кровь донора. И каждый из нас хотя бы один раз в году может и должен стать донором.

Донорами должны стать родственники, сослуживцы и друзья тяжелобольных людей, для лечения которых требуется кровь или ее препараты. Как бы хорошо ни было развито донорство в отдельных районах страны, как бы ни были велики успехи централизованного консервирования и транспортировки крови, снабжение кровью местных лечебных учреждений должно проводиться за счет развития донорства на местах. Это важная часть работы всех общественных организаций по укреплению здоровья наших людей.

При массовой поддержке всего населения нашей страны задача дальнейшего развития донорства в Советском Союзе будет успешно решена.

Министр здравоохранения СССР, действительный член Академии медицинских наук СССР профессор Б. В. ПЕТРОВСКИЙ,

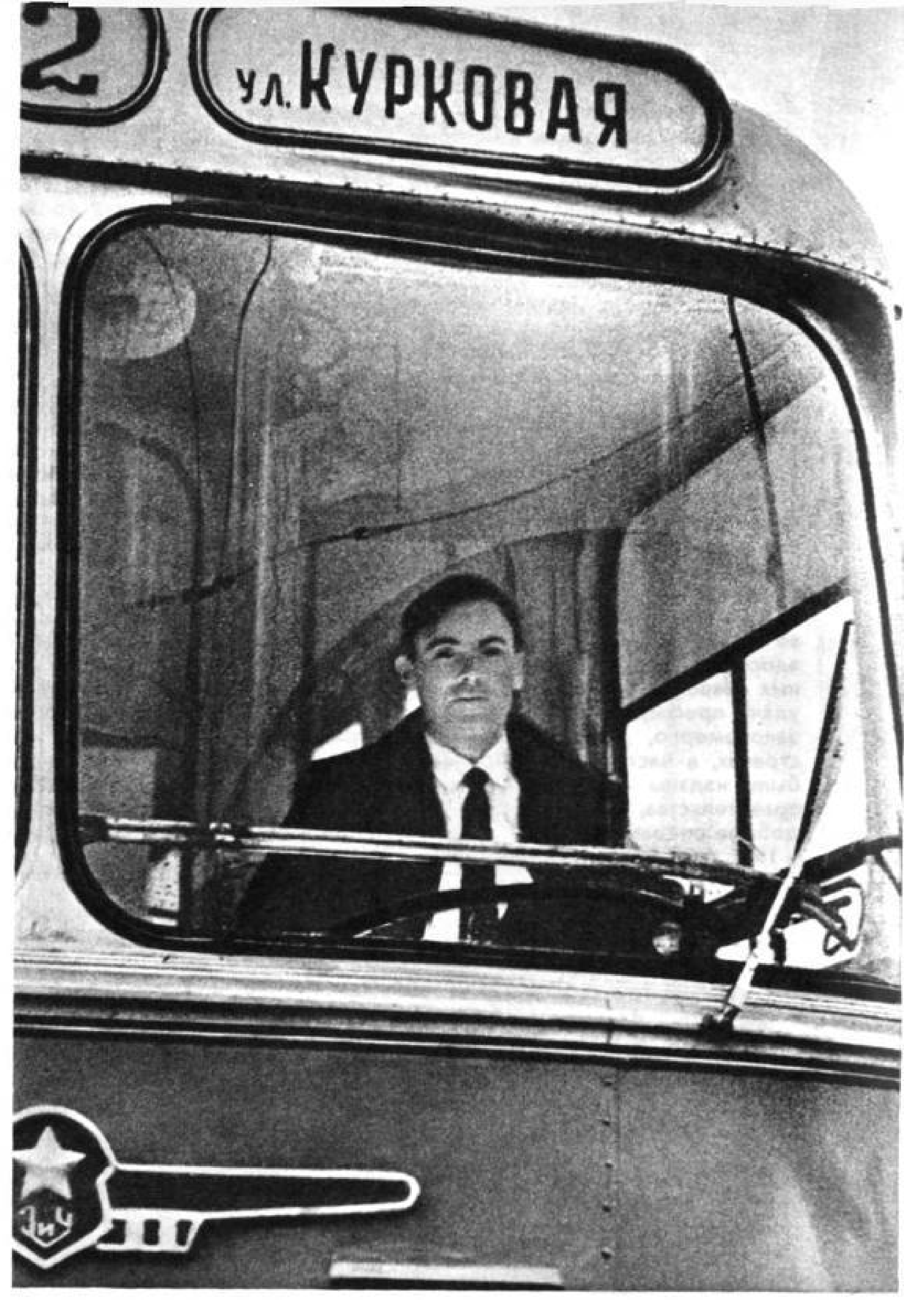
действительный член Академии медицинских наук СССР профессор А. А. ВИШНЕВСКИЙ,

действительный член Академии медицинских наук СССР профессор И. А. КАССИРСКИЙ,

член-корреспондент Академии медицинских наук СССР профессор А. Н. ФИЛАТОВ,

профессор А. Д. ГУЛЯЕВ,

директор Центрального ордена Ленина института гематологии и переливания крови доцент А. Е. КИСЕЛЕВ

Николай Георгиевич Индюков — мастер своего дела и хорошего настроения.

К 60-летию

ГОДЫ И ФИЛЬМЫ

«Алле-гоп! Парад-эксцентрика!» — пестрели крупные буквы на брошюре ФЭКСА. ФЭКС — это «фабрика эксцентрического актера» — полутеатральная, полукинематографическая студия. Сорок лет назад здесь начал свой путь в искусство народный артист СССР Сергей Аполлинариевич Герасимов. Сперва он был театральным актером, потом перешел в кино. Кинематографическая жизнь началась с роли шпиона в комедии «Мишка против Юденича»... А через некоторое время Герасимов сам стал учить актерскому мастерству студентов Института сценического искусства. Пишет сценарии для фильмов. И, наконец, актер и педагог становится кинорежиссером.

Вместе с фильмом «Семеро смелых», рассказывающим о комсомольцах-полярниках, в кино пришел художник со своей темой, своими красками, своим видением жизни. «Я хочу показать героя, которого бы я любил, как брата, как друга, с которым бы я мог посоветоваться по самым сокровенным вопросам, волнующим меня, волнующим мою страну»,— говорит Герасимов. Именно с такими героями встречаемся мы в его фильмах: «Комсомольск» и «Учитель», «Сельский врач» и «Тихий Дон», «Большая земля», «Молодая гвардия» — мужественными, яркими, сильными. Испытания, выпавшие им на долю, не пригибают их к земле — таковы герои Герасимова... Сейчас он заканчивает работу над фильмом «Журналист». Впереди новые планы, новые картины...

С. РУСАКОВА

С. Герасимов самый «богатый» педагог: у него много учеников, и они сами успели прославиться. Здесь С. Герасимов со своими ученицами — А. Ларионовой, К. Лучко и З. Кириенко.

Игорь **МИНУТКО**
Фото А. УЗЛЯНА.

Тула — мой город. Здесь я живу. О своих земляках я мог бы рассказать многое. И хорошее (больше хорошего), и спорное, и огорчительное — то, что тревожит туляков.

Сейчас я хочу говорить о хороших людях. О тех, без кого просто невозможна была бы жизнь современного города. Поговорить о них сегодня необходимо: они сами дали повод к такому разговору.

В четвертом квартале минувшего года учреждения бытового обслуживания Тулы и области завоевали переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС. Получили награду те, кто обслуживает нас в магазинах, парикмахерских, ателье. Я бы включил в эту армию еще и работников городского транспорта, почты, столовых, ресторанов. Конечно, не берусь утверждать, что тут у нас полный ажур. Это было бы неправдой. Но за последние годы в сфере бытового обслуживания наш город сделал немало. И, главное, среди работников этой самой сферы множество замечательных людей — чутких, настоящих мастеров хорошего настроения. Как его порой не хватает на работе, дома, на улице! А много ли нужно, чтоб оно появилось у человека? Иногда самая малость.

...Утро. Половина восьмого. Час «пик» для заводского люда. Спешат на заводы и фабрики парни в беретах, девушки в шуршащих плащах, немолодые рабочие с утренними газетами, торчащими из кармана пиджака. Трамваи, автобусы, троллейбусы переполнены. Тесно. Неудобно. Понятно: проблема любого большого города. У нас в Туле — полмиллиона жителей, и большинство из них именно заводские рабочие.

Из депо, сверкая вымытыми стеклами, выходит троллейбус, маршрут номер два: Курковая — площадь Победы. Ведет его Николай Георгиевич Индюков. Это ас городского транспорта. Девятнадцать лет назад пришел в трамвайное депо слесарем, потом стал водителем трамвая, водителем первого класса. А когда в Туле появился троллейбус, то в первый рейс — по проспекту Ленина — машину повел Николай Георгиевич.

Сейчас путь его троллейбуса лежит через старые рабочие районы Заречья: Курковая — Заварная — Сакко и Ванцетти... Салон сразу заполняют спешащие люди. С каждой новой остановкой все больше пассажиров. Конечно, можно отгородиться от них стеклом кабины: пусть кондуктор воюет с недовольными. Но это не для Николая Георгиевича.

Вот он открывает дверцу:

— Чуток потеснимся, товарищи! Впустим маму с сыном. Здоровенький малыш, тяжело его на руках держать. А вы, бабуся, не спешите: пока не выйдете, машину не отправлю. Молодой человек, помогите, пожалуйста, бабушке... Есть, поехали.

Легко, плавно идет троллейбус. Следующая остановка.

— Арсенальная! Входите, входи-

С толстой сумкой на ремне... Крайняя справа — Нина Михайловна Андреева.

Утро в «Восходе». Через пять минут появятся первые покупатели. Вместе со своими подругами их встретит Наташа Семенова (вторая слева).

17 600 отличных костюмов сшил Николай Павлович Винокуров.

А — МОЙ ГОРОД

те, места для всех хватит. Опаздывать-то никому неохота.

И вот Оружейный завод. Бронзовый Петр Первый у нового здания заводоуправления.

— Счастливо, товарищи! Доброго рабочего дня!

В ответ — улыбки: у людей хорошее настроение.

...Утренние часы самые напряженные и на почтамте. Почтальоны с туго набитыми сумками торопятся в подопечные дома. Разносить письма, газеты, журналы — какое это однообразное занятие. Да, для равнодушных. Нине Михайловне Андреевой ее работа вовсе не кажется скучной. Она знает: в ее сумке — радость и беда, надежда и обман... Незримые нити, связывающие людей, в ее руках. И новости со всего света. Около пятидесяти писем в день, около тысячи газет и журналов.

У одной из дверей — квартира эта старая, с высоченными потолками — Нина Михайловна чуть помедлила, не решаясь нажать кнопку звонка. Здесь пожилая женщина ждет весточки от сыновей. Не пишут. Забыли. Андреева звонит, передает газету.

— Писем пока нет, Галина Ивановна. Только вы не тревожьтесь, обязательно напишут. Заняты они. Знаете ведь, сколько работы на стройках! («Бессовестные! Неблагодарные! Придется мне самой им написать».)

— Спасибо, дочка,— светлеет лицо матери.

Зато как приятно приходить в дом восемь по Красноглазовскому переулку. Здесь живет семья Хатилиных. Со всего Союза идут к ним письма, бандероли. Открыто, широко живут люди...

Транспорт, почта — в этом мы нуждаемся ежедневно, но не целый день. Однако есть и такие профессии, которые обеспечивают вам, а заодно и всем тем, кто вас окружает, хорошее или прескверное настроение именно на весь день. Да что там, на один день — иногда и на год. Признаюсь, у нас в Туле сшить красивый, безукоризненный костюм — трудная проблема. А ведь какую это приносит радость — отличный костюм, который сидит на тебе ладно, который тебе к лицу!

Мне повезло: мой костюм сшил Николай Павлович Винокуров. Попасть к нему — нелегкое дело. Известный человек в городе. Вот Николай Павлович выбирает для вас фасон, и уже на душе праздник.

— Так, так, повернитесь, пожалуйста. Ну что ж, для вашей фигуры рекомендую вот эту модель: пиджак удлиненный, на две пуговицы, а брюки сделаем без манжет, расклешенные, с напуском на каблук. Самые модные, и вам пойдут.

В этом костюме я не узнал себя: стал стройным, в осанке даже появилось что-то спортивное...

И теперь, когда я встречаю на улице парней в отлично сшитых костюмах, думаю: может, тоже клиенты Винокурова? С 1939 года работает Николай Павлович закройщиком — последнее время в новом ателье «Силуэт». Он дает моим землякам до 800 костюмов в год. Посчитайте — за вычетом четырех военных лет — получается 17 600 костюмов. 17 600 человек с хорошим настроением. Не на всю жизнь, конечно, но все-таки...

Хороший костюм — это праздник, можно сказать, поэзия. А теперь немного прозы. Магазины. Вот где, можно сказать, настоящая кузница настроения. Будем откровенны: не всегда самого лучшего. И вовсе не оттого, что нечего купить. Все можно купить. Или, скажем скромнее, почти все! Только одного часто не хватает в наших магазинах, правда, немаловажного,— вежливости, внимательности продавцов. Впрочем, и здесь уже замечаешь отрадные перемены.

Недавно у нас на проспекте Ленина открылся новый гастроном с символичным названием — «Восход». Великолепный магазин — во всю длину дома, со сверкающей сплошной витриной. Чистота, простор, нарядный кафель. И какие тут продавщицы! Внимательные, вежливые, и посоветуют.

Коллектив в «Восходе» молодежный — вчерашние выпускницы кулинарной школы или профессионально-технического училища. Скажу несколько слов об одной из продавщиц. Наташа Семенова. Тоненькая, высокая, совсем юная — 19 лет. Работает в гастрономическом отделе, в прошлом году окончила училище. Комсомолка, учится в вечерней школе. Вот пока и вся биография. Любо смотреть, как она быстро, споро, легко действует. А еще приятнее слушать:

— Рекомендую вам швейцарский сыр, только что привезли. Хотите поострее? Пожалуйста, российский.

— Буженина совсем свежая. Дома вас благодарить будут.

— Что вам угодно, молодой человек? Просто посмотреть? Смотрите на здоровье. Только, будьте добры, чуть в сторонку. Что? Когда я кончаю работу? Простите, но на такие вопросы не отвечаю... Давайте ваш чек, дедушка... Вам от какого куска отрезать?

Как приятно бывать в таком магазине! Придет человек расстроенный и купит-то пустяк, а уйдет с добрым настроением. Только прошу вас, девушки, оставайтесь всегда такими. Не дайте душам покрыться пылью равнодушия...

Не успел я рассказать обо всем, не «охватил» всю сферу обслуживания. Тут еще и быткомбинат, и кафе, и рестораны, и бани, и парки...

Конечно, не все, далеко не все еще сделано. Но сделаем обязательно. Сообща. Не только они — труженики службы быта, но и все мы, для кого эти люди трудятся. От нас ведь тоже многое зависит. Например, как важно соблюдать коряво выраженное, но доброе правило: «Будьте взаимно вежливы!» А что, давайте попробуем! Вот увидите: исчезнут поводы для плохого настроения. И Тулу станут называть: «Город хорошего настроения». Утопия? Нет. Все в наших руках.

Николай АСАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Рисунок П. Пинкисевича.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ:

Движение воды

Ровно в девять утра Кириллов поднялся в приемную академика. Ни Гиреева, ни Богатырева еще не было. Марина Саввишна, без удовольствия поздоровавшись с ним, отрезала ледяным голосом:

— Вряд ли Иван Александрович сможет вас принять. У него сегодня очень загруженный день.

— Поживем—увидим,—невозмутимо ответил Кириллов и прошел к окну.

Там он и остался стоять, пока не увидел, как подошла запыленная «Волга» с дубнинским номером и из нее вылез Богатырев. И в ту же минуту показалась машина Гиреева. Гиреев выскочил легко, прямо неся среброволосую голову, вокруг которой вроде бы посверкивало сияние — совсем как венчик над головой святого. Он был без пальто, без шляпы, и Богатырев, подошедший к нему от своей «Волги», выглядел старомодным провинциальным врачом: серая шляпа, длиннополое пальто. Но поздоровался Гиреев дружески: видно, заранее сговорились встретиться прямо у подъезда, пока академика не завертело в потоке дел.

Академик пропустил гостя вперед, и они скрылись в здании. Кириллов обернулся к двери.

Войдя в приемную, академик встретил взгляд Кириллова.

— Вы с чем, Николай Иванович?

— Да вот поджидаю движение воды,— ворчливо ответил Кириллов.— В Евангелии писалось о каком-то целебном источнике: больные должны были ожидать возмущения воды, а тогда уж не зевай, ныряй, авось вылезешь здоровым.

Академик слушал в пол-уха, помогая гостю повесить пальто. Но что-то недоброе мелькнуло в его лице в ответ на слова Кириллова. Проведя гостя в кабинет, он сухо сказал с порога:

— Ну что ж, входите и вы. Наверно, еще вчера сговорились?

Кириллов небрежно уронил:

— А как же!

Марина Саввишна с глубоко обиженным видом — ведь говорила же Кириллову, что академику сегодня не до него! — вошла следом с папкой почты. Академик усадил Богатырева напротив, спросил:

— Наверно, не завтракали? Я нашего Кириллова знаю. Уж если вцепится в человека, то, как бульдог, зубов не разожмет!— и приказал секретарше: — Принесите кофе!

Богатырев усмехнулся, ничего не ответив, и Марина Саввишна вышла, гордо неся перекрашенное лицо. При академике она всегда не столько служила, сколько священнодействовала. Здесь все зависело от нее, кроме непредвиденного прорыва Кириллова. Но придется угощать и его. Другое дело — Богатырев! Он и сам член-корреспондент. А бывало время, когда Богатырев даже начальствовал над ее обожаемым шефом. С ним надо считаться. Не исключена возможность, что Богатырев снова окажется на коне... Все эти мысли не имели, конечно, отношения к делам, но хороший секретарь тем и хорош, что может предвидеть все возможные комбинации...

Секретарша принесла и поставила перед каждым малюсенькие чашечки с отличным кофе, а разговор все не складывался, не шел дальше «В Москве нынче очень жарко!», «Нас Волга спасает!», «Я решил в этом году съездить на Иссык-Куль!». Но вот Марина Саввишна исчезла, и Богатырев, не торопясь, приступил к делу.

— Мы повторили опыт Горячева и Чудакова. При атаке античастицами металлических мишеней металл словно бы перерождается. Аннигилируют именно связующие частицы ядра. Ядро становится «дырявым». Если удастся выделить античастицы с большей частотой явлений, то прикладное значение эксперимента неоспоримо.

— Рад, что вы подтвердили мои предположения,— любезно ответил Гиреев.

Кириллов улыбался про себя, но так, чтобы собеседники не заметили. С его точки зрения этот разговор ничем не отличался от предыдущей болтовни о погоде. Но уж если Богатырев приехал, то не для светской беседы.

Иван Александрович, по-видимому, тоже это понимал. Вот уже и чашки отодвинуты, а гость все топчется на месте. Гиреев не любил ходить вокруг да около. И спросил напрямик:

— Что-нибудь случилось, Павел Михайлович? Помнится, в прежние времена вы действовали резче.

— А вы еще вспоминаете прежние времена? — Богатырев с любопытством воззрился на собеседника.

— Не только вспоминаю, но и часто благодарю вас мысленно. В те годы вы меня здорово просветили.

— Просветил! — грубовато перебил Богатырев.— В те годы вы были не моложе ваших нынешних помощников. И просвещение вам не так уж требовалось, как обычное доверие. Я просто доверился вам.

Иван Александрович почему-то нахмурился, но Богатырев словно и не замечал этих перемен. Ничуть не смягчаясь, он после паузы вдруг сказал:

— А вы не могли бы отдать мне этих ваших молодцов — Горячева и Чудакова? Античастицы для вашего института, как говорится, не в профиле. А у меня в лаборатории эти молодцы могли бы еще натворить чудес.

— Ну, что касается чудес, так они мне и самому нужны! — довольно резко возразил Иван Александрович.

— Ну уж и нужны! — усмехнулся Богатырев.— Пусть ваш Красов сам придумает деревянный велосипед, да на нем и едет к славе.

— Вы что, читали этот опус? — подозрительно спросил Иван Александрович, вынимая из лежащей на столе папки многостраничный документ.

— А что это? — Богатырев протянул руку.

— Э, нет! Это сор из нашей халупы. Мы его за ворота не выбрасываем! — И Гиреев уложил документ обратно.

— Ну, уж если они пишут заявления, так тем более их следует отпустить.

— А все-таки, может, лучше выгнать? — ядовито спросил Иван Александрович.—Хотя бы для острастки. Чтобы другим было неповадно слезницы сочинять. Мы-то в наше время жалоб не писали!

— Зато доносы кое-кто очень даже писал. В том числе и на вас! — хладнокровно сообщил Богатырев.

— На меня? — Гиреев широко открыл глаза.

— А вы что, святым себя считали? Не забудьте, я-то ведь и тогда был вынужден администрировать. Даже над вашей лабораторией комиссарил. Если вспомнить, сколько этих хитреньких доносов и доносцев поступало в то время в мои руки, так диву даешься, как же лжив и хитер человек! И ведь знали подлецы, что по любому доносу человека могут головы лишить. Благо, не лично, так сказать, ножом зарезал, а просто сгинет человек в нетях. Вроде бы доносчик тут ни при чем, судьба, дескать...

— Но меня-то в чем могли подозревать? Я же все время был на глазах!

— А, дело прошлое, что вспоминать! — Богатырев досадливо махнул рукой. Но Иван Александрович смотрел так просительно, что он нехотя договорил: — Да вот, посудите сами: опыт с барием задержался— донос! Гиреев сознательно тормозит работу, ослабляя обороноспособность Родины. Понимаете? А вы в это время с воспалением легких лежали. Или: выехали вы в Казань, когда ваша супруга отыскалась. Донос. Но уже не из нашей вотчины, а прямо из Казани: беседовал с иностранцем! И хотя и я и вы знали, что иностранец этот — польский физик, еще до войны перешедший на нашу сторону, другие-то, кому надлежало вершить вашу судьбу, этого не знали! А фамилия в доносе не называлась, чтобы пострашнее выглядело.

— Н-да! — задумчиво протянул Гиреев. И, с любопытством глядя на Богатырева, спросил: — И что же вы делали с этими доносами?

— А что я мог делать? Запирал в сейф. До лучших времен. И писал соответствующие объяснительные записки, что-де от участия такого-то зависит само исполнение «проекта»...

— И верили?

— А куда им было податься? У них на каждого доносчика лежали подписанные

Продолжение. См. «Огонек» №№ 10—20.

мной характеристики. Тут уж, прямо скажу, я погрешил: порою и талантливого подлеца называл бездарностью! Так что в следящих и пресекающих инстанциях поневоле задумывались: тронь там кого-нибудь, а вдруг из «проекта» ничего не выйдет? Покричат, покричат, бывало, да с тем и отпустят...

— На вас? Кричали?

— А что я такое был с их точки зрения? Какой-то майор... Одно только и удерживало: особая важность задания... А, да хватит об этом! Я ведь только хотел узнать: отдадите вы мне ребятишек?

— Что-то мне этот разговор не нравится! — озабоченно сказал Иван Александрович.— Уж не сговорились ли они с вами заранее?

— Нет, это мы с Николаем Иванычем по старой дружбе стакнулись. Он мне намекнул, будто Красов решил от них избавиться...

— Красов пока еще не директор института,— холодно сказал Гиреев.— Так что закончим наш разговор на этом. И разрешите мне навестить вашу лабораторию.

— Пожалуйста, хоть завтра. Но и у меня к вам просьба: захватите с собой авторов эксперимента. А то вас всегда сопровождают какие-то чиновники от науки: Анчаров, Красов, наш бывший Кроха... А что они во всем этом понимают? — Бросив эту последнюю молнию, Богатырев встал. Уже прощаясь, у самой двери еще раз спросил: — Так не отпустите?

— Нет, нет, нет! — трижды произнес Гиреев. И, проводив гостя, обернулся к Кириллову: — Ну, что же у вас?

— Да я тоже по поводу этих молодцов заходил. Но Павел Михайлович все так хорошо прояснил, что не стану отнимать у вас время. Хотел только сказать, что на следующем партбюро будем рассматривать заявление Горячева о приеме в кандидаты... Я тут кое с кем говорил,— как будто парня ценят...

— Не рано ли, Николай Иванович? — проворчал академик.

— А что же, не все их в пеленках держать, выросли уже...

— Ну смотрите...— с досадой в голосе произнес академик и взялся за почту.

Кириллов догнал Богатырева в коридоре. Богатырев стоял, прислонившись к стене, и беззвучно хохотал. Справившись с этим приступом веселья, спросил:

— А здорово мы ему мозги вправили!

— Не сказал бы! — суховато ответил Кириллов.— Почему было не поговорить напрямик?

Богатырев искоса взглянул на секретаря партбюро, сказал насмешливо:

— Всякому овощу свое время! Вот если бы Иван Александрович действительно их выгнал, тогда можно было бы камни швырять и стекла бить. А мы пока обратились к его разуму. И скажите ребятишкам: в случае чего, у меня для них припасено пристанище. Мало ли что еще придумает товарищ Красов! А вот и он! Легок на помине! Ну, я пошел! Не хочу с ним встречаться! — И Богатырев торопливо отступил, чтобы скрыться за поворотом коридора.

Красов был еще далеко и шел медленно, степенно, как и полагается солидному человеку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ:

Мир или перемирие?

Без четверти одиннадцать Ярослав поднялся к Горячеву.

— Собирай личное имущество! — с порога приказал он.— Пошли!

Из портфеля, который Ярослав тащил с собой, выглядывали не бумаги, а мотки тонкого провода, рукоятка дрели, фасонистый паяльник с наборной ручкой и что-то еще. Он свое имущество собрал, как видно, полностью.

Ярослав сгреб со стола папки, над которыми сидел Горячев, сунул их в шкаф, а статуэтку Ники затолкал в портфель Алексея, показывая тем самым, что им сюда больше не возвращаться.

Личные бумаги Алексей собрал еще раньше и теперь стоял посреди комнаты, словно прощаясь с нею. Ярослав толкнул его в плечо — надо было идти — и пошел впереди, что-то насвистывая и немилосердно фальшивя.

Однако перед приемной академика он примолк.

В приемной никого не было. Секретарша, должно быть, прошла в кабинет.

Алексей покорно сел в самый угол длинного, черного, обитого кожей дивана, на который обычно присаживались все приглашенные к Ивану Александровичу. Диван в шутку называли «дыбой»: ожидание на нем превращалось в пытку. Академик был слишком занят, и можно было просидеть тут месяц, ежедневно видеть чинную спину шествующего директора, но на прием так и не попасть. Садились на диван в самом крайнем случае.

Ярослав остановился у широкого и высокого окна и принялся выстукивать ногтем свой похоронный марш теперь уже по стеклу. Стекло дребезжало жалобно и покорно. Ровно в одиннадцать — Алексей все время посматривал на часы — Марина Саввишна появилась в дверях кабинета, неприязненно оглядела посетителей, пробормотала: «Ах, пришли? Проходите!» — и уселась за свой стол, прямая, как доска. Ярослав громко сказал:

— Степень немилости старших узнается по степени презрения младших! Когда я стану директором института, я немедленно вас уволю!

— Руки коротки! — насмешливо крикнула им в спину секретарша, на мгновение забыв, что академик рядом и что при нем следует говорить шепотом. Ярослав рассмеялся, а секретарша — Алексей это видел — поглядела на него испуганно. Неужели она поверила, что когда-нибудь Чудаков будет ее начальником?

Иван Александрович восседал за огромным письменным столом, который вполне мог бы послужить фундаментом для дачного домика. Откинув на спинку тронного кресла голову в благородной голубоватой седине — молодые ученые сплетничали, что академик ежедневно моет волосы синькой,— он с интересом наблюдал за входящими. Справа от него, в боковом кресле, в свободной позе сидел Михаил Борисович, слева — заместитель.

Ярослав не удержался, шепнул:

— Ареопаг!

Кабинет был так велик, что сидящие у стола не услышали шепота, но дальнозоркий академик рассмотрел, должно быть, что губы Ярослава шевелятся. Он с усмешкой сказал:

— Поздно сговариваться!

И прозвучало это, как угроза мальчишкам, залезшим в чужой сад: «Ага, попались, получайте!»

Ярослав и Горячев приблизились к столу. Именно приблизились, а не подошли. Иван Александрович вполне благосклонно пригласил:

— Садитесь.

Они уселись у дальнего конца стола для заседаний, приставленного торцом к письменному. Очевидно, сцена приема была подготовлена заранее. У этого стола только и стояло два стула, остальные были отставлены к стене. Получилось, что им заранее приготовили места для подсудимых. Не хватало только стражей с обнаженными шашками.

Ярослав разглядел на столе перед Иваном Александровичем три их заявления, прижатые бронзовым пресс-папье, экземпляр статьи об эксперименте, который был послан академику еще без подписей, и тихонько толкнул Алексея ногой. Алексей вздрогнул.

— Ну-с, молодые люди, что это за история с бегством из науки? — спросил Иван Александрович, быстро оглядев лица «подсудимых». Возможно, весь ритуал беседы был разработан заранее, и организаторы надеялись, что «молодые люди» сразу упадут на колени. Но Ярослав спокойно улыбнулся и посоветовал:

— А вы спросите у Михаила Борисовича...

И Горячев простодушно подтвердил:

— Да, это все Михаил Борисович устроил...

Академик нахмурился, зло посмотрел на Красова. Тот выдержал взгляд, однако маска благодушия и спокойствия начала сползать с его лица.

— С Михаилом Борисовичем я еще поговорю! — грозно сказал Гиреев.— А вот вы попробуйте объяснить, на что рассчитывали, подсовывая свои заявления. Что институт развалится? Что руководство побежит к вам упрашивать: «Ах, голубчики, останьтесь!»

— Но вы же этим и занимаетесь, Иван Александрович! — холодно сказал Ярослав.

И академик словно поперхнулся.

— Смотрите, Чудаков еще иронизирует! — возвысил голос Михаил Борисович, но академик метнул такой огненный взгляд, что он сразу же умолк.

— Что же вам не понравилось в моем институте? — спросил Гиреев после паузы.

— Нам не нравится в нашем институте то, что он утерял свои старые традиции,— проговорил Алексей.

— Ого, у вас, Горячев, тоже прорезался голос? — насмешливо сказал Гиреев.— А мне вы всегда казались молчальником! Какие же традиции утеряны в в а ш е м институте? — отчетливо подчеркнул он.

— Я просмотрел все «Вестники» института со дня его создания,— угрюмо сказал Алексей, уязвленный насмешкой академика.— Тогда и вы, Иван Александрович, были молоды... Но, думаю, вас называли «молодым» без презрительной интонации! В «Вестнике» института печатались рядом студенты, аспиранты, руководители лабораторий, члены-корреспонденты и академики... И каждый из них работал на науку, а не на чужого дядю, чего с такой последовательностью добивается сегодня Михаил Борисович Красов. Лично я благодарен Михаилу Борисовичу: он когда-то пригласил меня в институт. Но вот что странно: благородные традиции заботы о науке, которые отчетливо проявились в институте в довоенные еще годы, теперь, после всех перемен в жизни, когда снова высоко ценится достоинство человека, в вашем институте, Иван Александрович, забыты начисто. Ведь вот привыкли же вы, Иван Александрович, считать институт своим? А Михаил Борисович пошел дальше: он считает своими чужие работы, чужие замыслы, даже чужие таланты...

— Как вы смеете! — воскликнул Красов.

— Продолжайте! — сказал академик.

— Я высказал все! — ответил Алексей.

— Нет, вам еще придется повторить ваши высказывания в другом месте! — со странной смесью угрозы и страха пробормотал заместитель Гиреева.— Вам еще покажут, как клеветать на авторитетных руководителей...

— А, да прекратите вы вашу демагогию! — сказал Гиреев, и заместитель сразу умолк.— Продолжайте, Горячев!

— Все очень просто, Иван Александрович,— с легкой усмешкой заметил Чудаков.— Мы не хотим везти на своем горбу в рай придурков от науки вроде Крохмалева или Подобнова. А они дороги нашему уважаемому шефу как память о прошлом или как родительское благословение...

— Иван Александрович, остановите этот поток оскорблений! — вдруг тоненько, каким-то сорвавшимся голосом воскликнул Красов.

— Успокойтесь, Михаил Борисович! — Академик поднял руку.— А вы помните, молодые люди, о преемственности в науке? Крохмалев и Подобнов начали раньше вас...

— Но не сделали сами ничего! — отчетливо и безжалостно проговорил Ярослав. И так же безжалостно добавил: — Как, впрочем, и сам Михаил Борисович, пусть он меня извинит. Я из интереса только что просмотрел все последние его труды. Это всего лишь популяризация чужих идей или подпись под чужими работами, которую Михаил Борисович скромно называет «соавторством».

— Но такие группы соавторов выступают не только в нашем институте! — вторгся опять заместитель.

— И очень жаль,— спокойно возразил Чудаков.— Благодаря этому странному обычаю невозможно отличить талантливого исследователя от бездарности, а бездарность как раз этого и ищет: талант у одного, а результаты раскраиваются пополам или на четвертушки... Сколько наших работ вы подписали, Михаил Борисович? Ты не считал, Алеша?

— Тринадцать! — спокойно ответил Алексей.

— Вот видите! — насмешливо сказал Чудаков.— И все тринадцать работ были опубликованы не только в нашей печати, а и за границей, и все тринадцать попали в сводку лучших, опубликованную в прошлом году американским исследовательским институтом. И Михаил Борисович вправе рассчитывать на выдвижение в академики...

— Ну, это как сказать! — с досадой буркнул Гиреев.

Алексей подумал: больше он ничего не захочет слушать и не услышит. У некоторых людей слух устроен весьма странно: избирательно. До них доходит только то, что им приятно. Остальные звуки рассеиваются. Правда, Ярослав сегодня добился того, чего хотел: высказался. Но сам Алексей, кажется, напрасно сеял семена разума. Их вытопчут. Иван Александрович постарается забыть самое неприятное, а его заместитель или Михаил Борисович никому не расскажут о сегодняшнем разговоре. Так что все напрасно. Конечно, увольнять с оргвыводами постесняются, а может, и побоятся. Но всего лучше уволить. Сам Алексей на месте академика так бы и поступил. Не наступай на любимую мозоль! Вот тебе!

Он вдруг весь напрягся. Иван Александрович изрекал выводы. Ему, видно, действительно надоела эта буря в стакане воды. Его благообразное лицо стало строгим, голос — отрывистым, словно он диктовал заповеди. Как бог на горе Синайской. Имеющий уши да слышит... Вы-то не имеете права притворяться глухими, слишком еще молоды...

Но то, что он вещал, звучало внушительно:

— Сегодня я отправляю статью в «Вестник». Она будет опубликована за двумя вашими подписями. Подпись Коваля снимается — он только технический работник. Подпись Бахтияровой тоже — она сотрудник другого отдела. Ваши заявления я возвращаю, вот они, можете порвать. Желание Бахтияровой уйти из института поддерживаю; даже лучше: скорее замуж выйдет. Все. Можете идти.

Ярослав взглянул на Алексея. Лицо у того побледнело. И не понятно, то ли он сейчас закричит, то ли потеряет сознание и повалится со стула. Надо было что-то сделать. Срочно.

Он насмешливо спросил:

— А не позволит ли высокая договаривающаяся сторона взять нам пятиминутный перерыв для обсуждения предъявленных условий капитуляции?

— Все шутите, Ярослав Ярославович? — недобро усмехнулся Иван Александрович.— Чем вы еще недовольны?

— Очень немногим, товарищ директор института. Не понимаю этой странной арифметики: сначала к нашей работе приписывают лишних авторов, а потом снимают половину действительно работавших. Если уж вы решили, что работа действительно наша, то позвольте нам самим судить, кто имеет право ее подписать. Точно так же непонятен и вопрос об увольнении. Если вы решили не принимать наши заявления всерьез и оставляете меня и Горячева на работе, то почему вы увольняете Нонну Михайловну?

— Заявление Нонны Михайловны поддерживает и ее отец,— сухо сказал академик.

— По-моему, Нонна Михайловна за папу не отвечает. На вашем месте я уволил бы Михаила Борисовича, ведь это из-за него весь сыр-бор загорелся. Но поскольку мои рекомендации силы не имеют, я позволю себе попросить у вас заявление Нонны Михайловны, которое и передам ей вместе с вашим пожеланием, раз уж вы ее сюда не пригласили... И напоминаю, Иван Александрович, что докладную в президиум Академии Нонна Михайловна тоже подписывала...

Алексей, понемногу начавший оживать, медленно поднялся.

— Пойдем, Ярослав, отсюда. Это уже не разговор о науке, а торговля.

— Горячев, сядьте! — прикрикнул академик.

Горячев покорно опустился на свой стул. Ярослав усмехнулся: фейерверка не получилось. Порох отсырел от слез... Но и у академика что-то сдвинулось в сердце. Он повертел в руках аккуратным почерком написанное заявление Нонны и протянул его Чудакову.

— Возьмите. Пусть Нонна Михайловна решает сама. А работу сдайте немедленно. И с какими угодно фамилиями.

Он встал, вслед за ним поднялись все. Это действительно было похоже на заключительный церемониал конференции двух высоких договаривающихся сторон. И обе стороны были одинаково недовольны договором, который они подписали.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ:

Победа теряет крылья

Они стояли в коридоре, торопливо закуривая. У Алексея дрожали руки, и спичка сломалась. Ярослав дал ему огня. Алексей закурил, глядя куда-то в сторону.

— Неужели нам так и придется все время?

— Будет и хуже!

— Но мир-то, кажется, заключен!

— На войне это называлось: перемирие для захоронения покойников...

— Ну, ты скажешь!

— А чего тут говорить, когда камеру-то у нас уже отобрали! Я решил поберечь твою нервную энергию до разговора с академиком, поэтому не передал самую свежую информацию. Сегодня утром камеру передали по распоряжению Михаила Борисовича Крохмалеву для постановки повторного эксперимента. Проверить он, конечно, ничего не сумеет, но изображать сможет неопределенно долго, по крайней мере до окончания эксперимента в Лос-Аламосе. Нам же с тобой остается столь же неопределенно долго выжимать новые частицы из старой пленки. Да еще, возможно, самим засесть за просмотровый аппарат, так как лаборантки тоже могут быть «по распоряжению академика» переброшены на какую-нибудь «архиважную» тему. Так что мы с тобой сейчас похожи на генералов, оказавшихся на передовой без армии...

Из приемной академика вышел Михаил Борисович. Лицо у него было багровое, на лбу бисерился пот.

— Ну, аники-воины! — сказал он, словно подслушивал их разговор.— Зайдите ко мне.

Тон его был благодушным, словно не ему только что наносили тяжелые удары. Алексей не сумел сдержать своего изумления. Однако прошел Михаил Борисович так, слов-

но тянул нитку от взрывателя: вот сейчас скроется за поворотом коридора и дернет, и под ногами у Алексея и Ярослава взорвется мина...

Алексею захотелось немедленно догнать его. Себя-то он взрывать не станет!

— Не торопись! — удержал его Ярослав.

— Что ему еще надо?

— Хочет произнести поучение. Академик не дал ему поговорить. А у него есть что сказать!

Они докурили, взглянули друг на друга, швырнули одинаковым движением окурки в урну и пошли плечо к плечу по коридору. Взрыва пока не было.

Михаил Борисович стоял в двери кабинета, покачиваясь с носков на пятки.

— Проходите! — милостиво пригласил он.

Сел он не за стол, а в угол, возле курительного столика, вокруг которого стояли низкие красные кресла из пластика и поролона. И стало понятно, что разговор будет неофициальный.

— Ну-с, поздравляю вас с успехом! — миролюбиво начал он.

— Вы тоже сражались геройски! — любезно поддержал Ярослав.

— Но ваш фланговый обход с этой докладной в Академию — это да! — Он задумчиво покачал головой. — Неужели Нонна принимала участие и в этом?

— Как раз ее советом мы и воспользовались. Нонна Михайловна сказала, что покойный Бахтияров, если ему ставили палки в колеса, всегда обращался туда.

— А не думаете ли вы, что ваша докладная записка может дискредитировать работу института? Ведь не все довольны работой ученых...

— Недовольны не работой ученых, а тем, что ряды ученых замусорены такими, как ваш Кроха, Подобнов...

— Зато на этом фоне ваш талант ярче! — любезно напомнил Красов.

Алексей сжал голову руками, пытаясь понять, к чему ведется этот светский разговор. И вдруг, словно в прошлом спортивном споре с Тропининым, ему показалось, что он стоит на скользких, грузных лыжах, и пол под ним весь в провалах и гребнях, а лыжи уходят, вырываются из-под ног, и он отчетливо и ясно услышал голос Габора: «Они вас утонут!» И мышцы Алексея напряглись. «Нет-нет-нет!» — сказал он себе с веселым бешенством.

— Что вы от нас хотите, Михаил Борисович? — спросил он, глядя на Красова в упор.

— А такого союзника, Яр Ярыч, как наш милый Алексей Фаддеевич, я бы себе не пожелал! — с грустным сожалением глядя на Чудакова, проговорил Михаил Борисович. — Он всегда торопится, а еще древние говорили, что спешить надо медленно... Что, в сущности, произошло? Алексей Фаддеевич получил служебный выговор, правда, без занесения в личное дело. А ему кажется, будто он выиграл Полтавскую битву...

— Напрасно вы, Михаил Борисович, думаете, что все в вашем уютном мире остается по-старому! — с холодным спокойствием сказал Алексей. — Мы ведь не одиноки! О том, что с такими, как вы, можно драться, узнают и другие ученые. А ваши милые помощники будут дрожать при одном воспоминании об этих днях.

Он говорил, не отводя взгляда от Михаила Борисовича, и с удовольствием видел, как высокомерие постепенно сползает с лица противника, как в глазах его загорается ярость, но не та спокойная, уверенная ярость, с какой Красов только что разговаривал, а трусливая, опасливая. И Ярослав, удивленно смотревший на Горячева, вдруг, улыбаясь, сказал:

— А ведь битву мы действительно выиграли, Михаил Борисович! И какие бы стратегические и тактические новинки вы теперь ни замышляли, я уверен, что в академики вам не пройти! Тут уж сам Иван Александрович постарается, чтобы не позориться перед коллегами. И Кроха не станет членом-корреспондентом, и даже Подобнов не получит повышения.

Михаил Борисович глухо сказал:

— Ну что ж, если битва вами уже выиграна, я посоветовал бы вам перейти в другой институт. Победителей не судят! Вы получите отличные характеристики и даже повышение по службе. Скажем, в Дубне вам, Чудаков, можно будет через месяц защитить докторскую, а Горячев получит долгожданное звание старшего научного сотрудника. Он, кажется, лет пять сидит на полутораста рублях? И никто никому не станет наступать на ноги...

— Увы! — с полным простодушием сказал Ярослав. — Мы были и в Дубне и в Приокске, но нас там почему-то испугались...

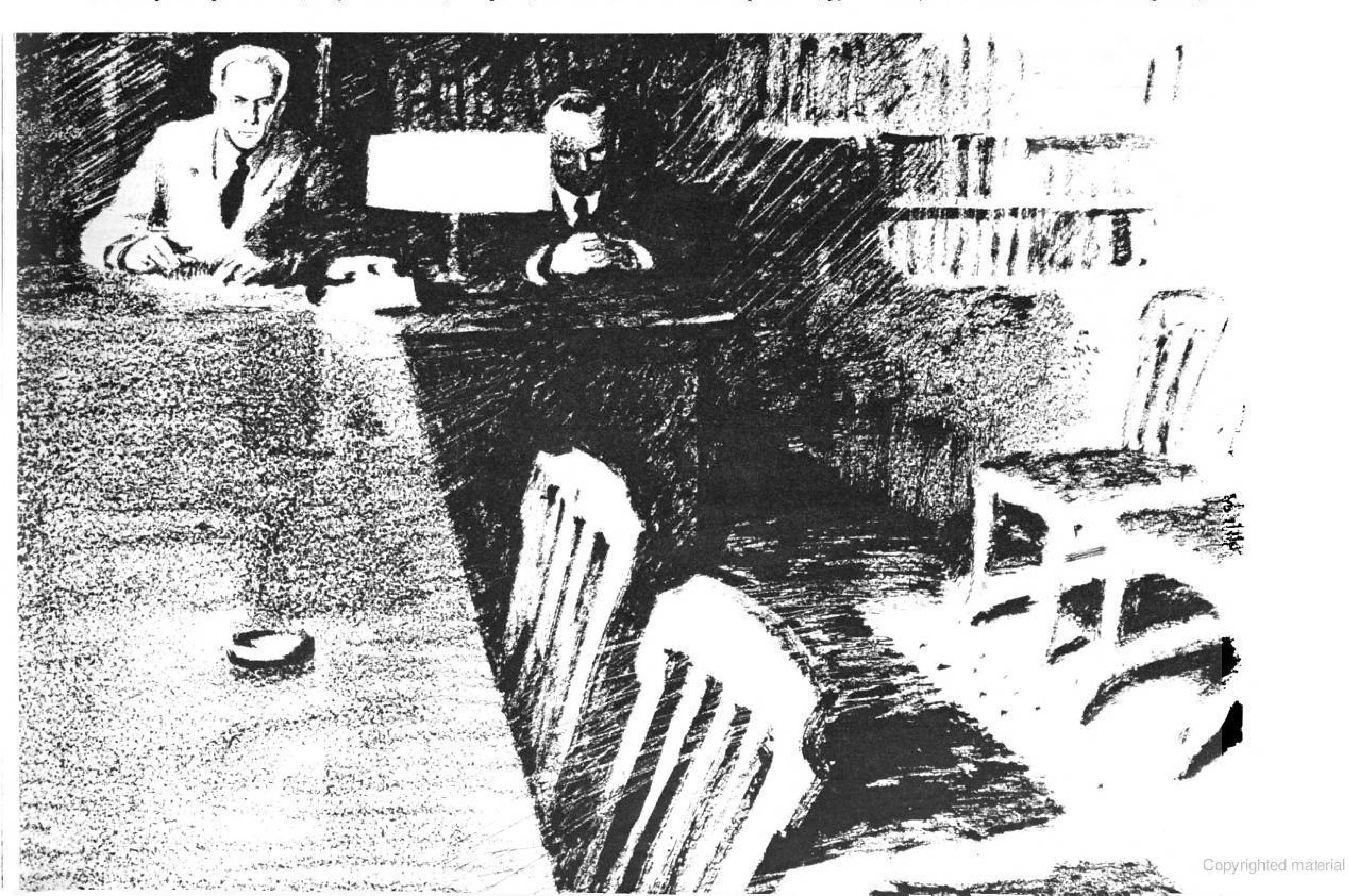
— Ну, это была ошибка! — ничуть не смутившись, возразил Михаил Борисович. — А всякую ошибку можно исправить. Если вам захочется съездить в тот или другой институт, я с удовольствием предоставлю свою машину. Тем более, что Нонна Михайловна знает дорогу и, наверно, не откажется прокатиться с вами еще раз.

— Нет, здесь нам почему-то больше нравится, Михаил Борисович, — спокойно возразил Чудаков. — Мы понимаем, что нам придется трудно, а вот Крохе и Подобнову — легче. Как и вам. Но ничего: наше место на передовой, там, где рвутся снаряды. Да и поработали мы тут немало. Нам очень хотелось бы, чтобы наш институт стал действительно авторитетным. А если мы уйдем, боюсь, что следом за нами вы уволите всех, кто еще может бороться с вами. Не правда ли?

— Вероятно, кое-кого придется уволить! — согласился Михаил Борисович.

— Ну вот, видите? Зачем же доставлять людям такие неприятности. Не лучше ли в этом случае уйти вам, Михаил Борисович, и увести с собой Кроху, Подобнова и еще парочку-другую прихлебателей? И воздух станет сразу чище, и для науки будет полезнее...

Алексей внимательно, с каким-то веселым даже удовлетворением вслушивался в грохот этой дуэли, не отрывая взгляда от Красова. Вот когда он увидел наконец настоящее лицо этого человека, похожее на лицо иезуита, отправляющего на костер очередного еретика с елейным выражением и напутственной молитвой. Интересно, мно-

Осип КОЛЫЧЕВ

НА ЗАКАТЕ

В воздухе, прозрачном до отказа,
Каждая хвоинсочка видна,
И в реке, как в толще плексигласа,
Видишь каждую песчинку дна.

И пронизываешь взглядом дали,
Прояснившиеся от грозы,
Вплоть до незатейливой детали,
До четырехкрылой стрекозы.

Скажешь... Словно мяч, взлетает слово,
Мягко ударяясь о закат,
И, от неба оттолкнувшись, снова
Эхом возвращается назад.

Чуть дрожат ольхи серебрекустой
Круглые зубчатые листы...
Тут и возникает наше чувство
Родины, России, чистоты...

Солнце раззолачивает травы,
И горит вечерняя звезда.
Далека
        дорога
                той Державы,
Где живет такая красота!

ЛАНДЫШИ

В лесу так гулко эхо рубки,
А ландыши в лесу сыром
Уже развертывают трубки
Под первый юношеский гром.

Ах, что за небо, что за небо
Обыкновенною весной!
Что Ладога и что Онега
Пред этакой голубизной!

Любой черемуховый кустик
Горячим цветом вспыхнул в срок:
В нем песен соловьиных устье
И нескончаемый исток...

Люблю весною в далях русских
Соревнованье мастеров —
Псковских, рязанских и тарусских
И подмосковных соловьев!

МОЯ ЛЮБОВЬ

Вот четверть века будет скоро,
Как мы идем с тобой вдвоем.
Моя любовь
        тебе опорой
На жизненном пути твоем.

Уже сединок белоснежность
Иную открывает даль...
Есть нестареющая нежность,
Как нержавеющая сталь.

ДОЖДЬ ПРОШЕЛ...

Дождь прошел.
        Как насыщены влагой
Кроны ясеней,
        сосен,
            осин!
Эта влага
        тебя с полушага
Обстреляет,
        как горстью дробин.
Дождь прошел.
        Но весь день беспрерывно
Бьет капель,
        никого не щадя.
Все деревья —
        запасники ливня,
Все цветы —
        кладовые дождя.

Н. БЫКОВ

Они и мы

Они хотят, чтоб замолчали музы
Познания, Строительства, Добра;
Чтобы ни Дубны вдруг, ни Старой Рузы,
Ни зги по мановению ядра.
Чтоб шар земной обугленным погостом
Носился в потрясенной пустоте,
Чтоб не летал мой сын
        к зеленым звездам,
Чтоб нерожденный внук осиротел.
Чтоб вообще ни дивностей, ни живности,
А мир — лишь зона ради их активности...
Они хотят...
А мы хотим иного!
В дождях — не стронция, а теплоты,
Солдатам — отпусков, сетям — улова,
Пернатым — сини,
        мыслям — чистоты.

Меня — в квадрат чудовищного ринга?
Я не хочу, я не хочу, я не хочу!
Живой и мыслящий,
        пускай тростинка,
Я тоже излучаю и свечу.

Я за разумное, извечное, земное.
Что Млечный Путь?
        Сырая борозда!
Я упаду на дно ее сквозное.
Взойди, моя зеленая звезда!
Но только не распад. И не глумленье
Над мыслящим и дышащим —
        живым.
Мы не хотим, чтоб поколений звенья
Осыпались, растаяли, как дым.

Они и мы... Как нéлюди и люди.
Но нелюдям не помыкать людьми.
Мы — люди. И поэтому мы судьи,
Мы не доспим, а мир свой доглядим!

Чтоб никогда не замолкали музы
Познания, Строительства, Добра,
Чтобы рассветы Дубны, Старой Рузы
Окрашивали в доброе ветра...

гим ли удается увидеть настоящего Красова, не попав на костер? Такой опыт и такую интуицию, как у Ярки, вероятно, мало кто имеет! Ведь, если сейчас Алексей пойдет к людям и попытается рассказать, что произошло в институте, никто не поверит. Скажут: «Не может быть!», «Ведь это такие ученые!».

Как раз в этот момент Красов вскинул взгляд на Алексея и спросил:

— Значит, обращение к разуму не вызывает ответа?

— Простите, но вы нас просто пугали! — поправил Чудаков.

— Пожалуй, вы правы. Тем более я обязан вас предупредить, что напрасно вы идете на ссору. И я буду академиком, и Крохмалев станет членом-корреспондентом, и Подобнов получит лабораторию. Ту самую, в которой вы останетесь просто сотрудниками! А что касается ваших работ, так вы ведь сами говорили мне, что физика до сих пор еще темная лошадь. Значит, кто ее оседлает, тот и поедет. Ошибки можно найти почти в каждой работе, особенно если она принадлежит противнику. А другие работы можно объявить неактуальными или малоубедительными. Впрочем, это, возможно, и не потребуется. Посмотрим, что вы сумеете сделать без камеры, без лаборантов, без помощников. И кто вообще согласится теперь работать с такими скандалистами? Напрасно вы думаете, что находитесь на передовой, вы попали в окружение! А жаль, жаль. Мне так хорошо работалось с вами, что я в отчаянии, теряя талантливых друзей! Тем более что, как говорится, я вас породил...

— Но убить нас вам уже не удастся! — вставил Алексей.

— Кто знает, кто знает! — улыбнулся Красов. Он уже вернул себе все самообладание и снова стал сильным.— Что ж, до завтра! Каждый сам выбирает себе путь. Вы выбрали труднейший. Посмотрим, как далеко вы уйдете. Если вы увидите Нонну, скажите, что я оставил машину у подъезда. Да, кстати, я слышал, Ярослав Ярославович, что вы уже отдали переплетать свою докторскую диссертацию? Думаю, что из нее получится неплохая подставка для чайника...

Выпустив этот последний снаряд, он поднялся, плотный, сильный, улыбчивый, чтобы проводить своих собеседников. Ярослав вдруг сказал:

— Одну минуту, Михаил Борисович! Мне думается, что вы достойны небольшого подарка. Примите его от нас обоих! — и требовательно обернулся к Горячеву: — Алексей, дай мне статуэтку!

Алексей, еще не сообразив, что собирается делать Чудаков, вынул из портфеля и передал ему статуэтку Ники. Михаил Борисович с любопытством смотрел на Чудакова. А тот вытащил из своего портфеля дрель с длинным проводом, поискал глазами розетку, увидел ее в углу, возле письменного стола, выдернул вилку настольной лампы и включил свой инструмент. Дрель зажужжала, и Ярослав, ведя сверло, как карандаш, написал на постаменте статуэтки:

«М. Б. Красову. Поздравляем с победой, но она бескрыла!»

И расписался за себя и Алексея:

А. Горячев.
Я. Чудаков.

Михаил Борисович не удержался от восклицания:

— Какая прелестная вещица! Но мне кажется, я где-то ее уже видел.

— Теперь вы можете любоваться ею постоянно! — проговорил Чудаков, отстраняя статуэтку и разглядывая надпись. Михаил Борисович склонился рядом с ним, читая. И недовольным голосом спросил:

— Почему же вы считаете, что моя победа бескрыла?

— О, крылатая победа благословляет только благородную битву! Она всегда с теми, кто воюет не за себя, а за весь мир! Пусть ее крылья осеняют нас!

С этими словами он зажал статуэтку в левой руке, а правой ловко и быстро отломил одно за другим оба крыла. Движения были так сильны, что крылья отломились как раз на предплечьях. Поставив статуэтку на стол, он сунул свой инструмент в портфель и коротко приказал:

— Пошли!

Ошеломленный Алексей едва успел оглянуться от дверей: бескрылая Ника стояла на краю стола с поднятой головой, но теперь лицо ее выглядело гневным. За дверью Ярослав протянул ему крылья и устало сказал:

— Возьми их на память.

— Зачем ты это сделал? — гневно спросил Алексей.

— Пусть помнит, какой он победитель!

И больше Алексей ничего от него не мог добиться.

(Окончание следует.)

В. Мацкявичус. СТРОИТЕЛЬСТВО МОСТА ЧЕРЕЗ НЕРИС

А. Мотеюнас.

ЛИТОВСКАЯ ВРЭС

И. Шважас. ВЕЧЕР

Три этапа большого пути

Иоганнес Р. Бехер в беседе с трактористами села Саксендорф (1956 г.).

22 мая Иоганнесу Р. Бехеру — одному из крупнейших писателей нашего века, замечательному немецкому художнику и теоретику социалистического реализма — исполнилось бы 75 лет.

Слова «исполнилось бы» я написал с душевной скорбью, ибо с осени 1958 года Бехера нет в рядах живых — смерть сразила его в разгаре активной творческой работы.

Как и все великие поэты, Иоганнес Бехер был художником, творчество которого вырастало из могучей философии жизни. Он был писателем, всегда учившимся у жизни, с молодых лет прочно связавшим себя с боевым авангардом народа — партией коммунистов. Именно поэтому его поэзия стала для лучших людей Германии, для всех передовых людей всего мира оружием борьбы и созидания.

Не буду пытаться рассказать в небольшой заметке о большом пути поэта. Это сделано в специальных исследованиях. Не буду пытаться охарактеризовать все стороны его многогранного творчества. О Бехере — лирике, авторе романов в стихах и прозе, драматурге, публицисте, теоретике искусства, общественном деятеле — написано немало. Попробую кратко определить три этапа его боевой жизни, оттенить их содержание чеканными строками сонетов, которые он так любил писать.

Год 1933-й. Начало кровавой полосы в немецкой истории, начало восхождения Гитлера... Горит рейхстаг, по стране идет волна антикоммунистического террора.

И вот в последний раз говорит в том году перед немецкими рабочими славный коммунист Вильгельм Пик. И речь его слушает поэт партии Бехер, слушает, чтобы затем поведать миру, что партия Тельмана, Пика, Ульбрихта жива, что она призвала народ к сопротивлению и борьбе.

За плечами этого поэта нелегкий и прекрасный путь. Стихами и прозой славил он Октябрь и Ленина, героев немецкой революционной борьбы и шаги советской пятилетки. Он сражался против фашизма и войны, он работал в подполье, его травила полиция. Мужественно стоял он в первых рядах борцов-коммунистов.

Теперь, в 1933 году, Бехеру пришлось покинуть Германию. Он уходил, чтобы вернуться. Он шел на новую борьбу за честь и свободу народа и отчизны. И гордое сознание революционера он выразил в сонете, обращенном к писателю-коммунисту, сыну немецкого рабочего класса, Вилли Бределю:

Ты — часть той лучшей,
той прекрасной силы,
Что к новой жизни
устремляет нас...
...И как борец впервые
познает
Всю мощь свою, когда настал
черед
Сражаться и ему во имя
жизни,
Так стал и ты в ту силу
вырастать,
Что нам назначит день,
когда опять
Вернуться сможем мы к своей
Отчизне.

Итак, изгнание, трудная пора... И в эту пору Бехер находит вторую родину в Советской стране. Это о ней он писал: «Когда я в 1917 году сделал попытку прославить в стихах победу великой русской Октябрьской революции, я чувствовал, что возникновение Советского Союза означало возникновение нового человеческого порядка, нового мирового устройства. С годами это предчувствие превратилось в великую уверенность. И на вопрос, что означал для моего творчества Советский Союз, я мог бы ответить так: «Советскому Союзу я признателен в такой же мере, в какой мере я признателен самой жизни, новой возвышенной жизни». Это нашу столицу воспел он в сонете «Москва»:

...Народ — твой зодчий.
Мощная страна —
Фундамент твой,
о вольная столица,
Освободительница всех
земель!

Поэт-интернационалист нашел духовную поддержку со стороны советских друзей. Не покладая рук творил он в те годы; писал стихи, редактировал немецкий выпуск «Интернациональной литературы», был видным деятелем зарубежного ЦК своей партии. В годы войны он выезжал на фронты, участвовал в работе Национального комитета «Свободная Германия».

А когда пришла победа, когда настала пора возвращения на родину, поэт произнес слова вечной благодарности советским людям от лица своего народа:

...Высшую хвалу вам вознесет
За то, друзья и братья, стих
поэта,
Что глубоко вы сострадали
мне,
Народу моему, моей стране.
И знаю я: сильней, чем я,
за это
Благодарить вас будет мой
народ!

Так поэт подвел черту под еще одним этапом. И пошел навстречу новым и сложным историческим задачам.

И вот Бехер на родине, в освобожденном Советской Армией Берлине. С первых дней свободы он на боевом посту. Он возглавляет Союз немецкой демократической интеллигенции — Культурбунд. Он весь в работе: пишет стихи и публицистику, выступает на собраниях и диспутах. Он в руководстве Социалистической единой партии Германии.

Создается Германская Демократическая Республика — форпост социализма в центре Европы. Бехер пишет текст для гимна молодого государства. Он слагает песни, которые входят в жизнь его народа. Как авторитетнейший руководитель немецкой передовой интеллигенции, он становится министром культуры ГДР.

Радость — радость новой жизни, радость созидания, сильное патриотическое чувство — громко звучит в творчестве Бехера послевоенных лет. Он славит свое юное государство, свою свободную, миролюбивую республику:

Держава, что возникла в дни
невзгод
Из мук народа для его
защиты,
Твои черты с душой народа
слиты,
Ведь ты его созданье и
оплот.
Держава, закаленная трудом,
Моя миролюбивая держава,
Ты принесешь довольство
в каждый дом,
Всем гражданам ты дашь
на счастье право...

Иоганнес Р. Бехер был поистине живым воплощением силы и красоты жизни. Он был одним из гигантов литературы нашего века. И имя его по праву стоит в одном ряду с именами Горького, Маяковского, Нексе, Роллана, Брехта...

Поэтическое наследие Бехера озарено светом бессмертия, источник которого в бессмертии народа, в бессмертии идей коммунизма, которым верно и талантливо, всей страстью сердца служил этот великий художник.

Александр ДЫМШИЦ

«ОГОНЬКУ» ОТВЕЧАЮТ

В статье старшего тренера сборной команды СССР по легкой атлетике Г. Коробкова, опубликованной в № 40 журнала «Огонек» за 1965 год, был поднят вопрос, взволновавший наших читателей,— о месте легкой атлетики в системе физического воспитания школьников. И в статье и в откликах читателей, напечатанных в журнале (см. №№ 42, 46, 48), Министерство просвещения РСФСР было подвергнуто критике за недостатки в системе физического воспитания школьников. В своем ответе редакции заместитель министра просвещения РСФСР тов. Л. Петрова пишет:

За последнее время в журнале «Огонек» опубликовано несколько статей, резко критикующих Министерство просвещения РСФСР за недостатки в физическом воспитании школьников. Ряд вопросов, поднятых в этих статьях, заслуживает серьезного внимания. Действительно, до сего времени имеют место случаи освобождения неоправданно большого количества школьников от уроков физкультуры. В ряде школ систематическая и планомерная массовая работа с учащимися подменяется погоней за рекордами одиночек или небольшого количества учеников, включенных в сборные команды. Не удовлетворяет нас и уровень подготовки по физическому воспитанию учителей начальных классов, ведущих уроки физкультуры. Частью руководителей школ, работников органов народного образования допускается недооценка физического воспитания и роли учителя физической культуры в подготовке учащихся к жизни и труду.

Вместе с тем Министерство просвещения не может согласиться с утверждениями, прозвучавшими в ряде статей, о том, что за последние годы ничего не изменилось в постановке физического воспитания школьников, о чем, в частности, пишет тов. Коробков в № 40 журнала.

В 1964—1965 годах коллегия Министерства просвещения РСФСР дважды обсудила вопрос о состоянии физического воспитания в школах. Был принят ряд мер, направленных на улучшение этой работы. Проверки показывают, что эти меры позволили значительно повысить уровень преподавания физической культуры в школах и улучшить постановку внеклассной спортивно-массовой работы. К числу этих мер относится ежегодное увеличение количества учебных заведений, готовящих учителей физической культуры для школ. За прошедший год дополнительно открыто 3 факультета физического воспитания при педагогических институтах, 1 физкультурное педагогическое училище и 7 физкультурных отделений при училищах общего профиля.

Введено раздельное обучение юношей и девушек на уроках физкультуры в старших классах. На 75% увеличены размеры школьного гимнастического зала, значительно расширены списки обязательного минимума школьного спортивного инвентаря. Вдвое увеличено количество уроков физкультуры у юношей 8-го и 10-го классов, введены факультативные занятия по физкультуре. Ежегодно стали проводиться республиканские спортивные соревнования пионеров. Оценка по физической культуре включена в документы о переводе учащихся из класса в класс и о выпуске их из школы. Наконец, Министерство просвещения РСФСР вошло в вышестоящие организации с рядом предложений, направленных на дальнейшее улучшение постановки физического воспитания в школе.

Министерство просвещения РСФСР будет и в дальнейшем принимать меры к улучшению работы по физическому воспитанию школьников.

Нагрудный знак лауреата премии Ленинского комсомола.

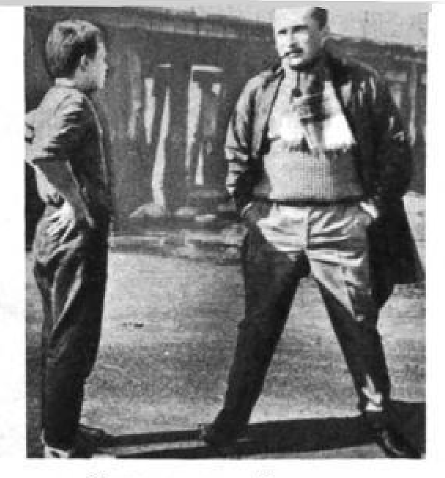
ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Николай Островский.

Нодар Думбадзе с читателями и героями своих произведений.

Кинорежиссер Витаутас Жалакявичус.

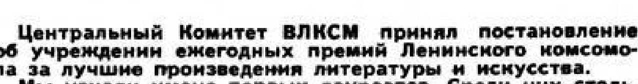
Композитор Александра Пахмутова.

Писатель Владимир Чивилихин в семье.

Сцена из спектакля «Молодая гвардия» в Киевском театре юного зрителя имени Ленинского комсомола.

Центральный Комитет ВЛКСМ принял постановление об учреждении ежегодных премий Ленинского комсомола за лучшие произведения литературы и искусства.

Мы узнали имена первых лауреатов. Среди них столь дорогое всем нам имя Николая Островского, чьи бессмертные книги «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» воспитывали и будут воспитывать миллионы молодых советских патриотов, достойной смены старшим поколениям коммунистов.

Премии Ленинского комсомола присуждены также писателю Нодару Думбадзе — за повести «Я вижу солнце» и «Я, бабушка, Илико и Илларион»; кинорежиссеру Витаутасу Жалакявичусу — за сценарий и режиссуру кинофильма «Никто не хотел умирать»; композитору Александре Пахмутовой — за популярные песни о молодежи и комсомоле; писателю Владимиру Чивилихину — за повести «Серебряные рельсы», «Про Клаву Иванову» и «Елки-моталки»; коллективу Киевского театра юного зрителя имени Ленинского комсомола — за спектакль «Молодая гвардия».

Новым лауреатам будут вручены почетные дипломы и нагрудные знаки, а их имена занесены в Книгу почета ВЛКСМ.

(Начало см. на стр. 2)

XV СЪЕЗД ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Мы видели одну из двадцати трех в фойе Дворца — М. Чечневу. Она ходила в шумной толпе делегатов. Над несколькими рядами орденских планок горела Золотая Звезда. Навстречу ей — девушка. Они с трудом разошлись в узком людском коридоре, на мгновение коснувшись друг друга плечом. На груди у девушки тоже сверкала Золотая Звезда. С ней мы познакомились позже: Винари Схулухия, Герой Социалистического Труда, чаевод из Грузии. Она, как и отважная летчица, внимательно осматривала боевые знамена, долго стояла перед ними задумчивая. Почему? Это мы узнали позже.

— В каком колхозе вы работаете? — спросили мы чаевода.

— В колхозе имени Героя Советского Союза Схулухия,— ответила она.

— Кто он?

— Отец.

Она никогда не видела отца. Он ушел на фронт, когда Винари еще не родилась. Его замучили фашисты. Он был председателем колхоза и коммунистом.

В книге отзывов о выставке знамен комсомольской славы появились первые записи. «Мы клянемся быть достойной сменой своих товарищей, проливших кровь за счастье на земле. Комсомольцы Ферганы».

«Распалась связь времен»,— писал когда-то Шекспир. А тут такая несокрушимая, удивительная и простая связь времен и поколений, подвигов и песен! Ее ощущал каждый, кто был на съезде, с первых минут его работы, когда в президиуме появились товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев; и тогда, когда многотысячный зал на одном дыхании, одним громовым голосом скандировал:

— Ленин с нами!

— Ленин с нами!

Эти слова стали знаменем съезда, его девизом и клятвой.

«В годы трудных военных испытаний и в годы напряженного созидательного труда советского народа,— сказано в приветствии съезду Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза,— молодежь, возглавляемая комсомолом, шла за партией по ленинскому пути, всегда была беззаветно верной идеалам коммунизма».

— Ленин с нами!

— Ленин с нами!

— Советская молодежь стремится к активному творческому труду, любит трудиться и умеет трудиться,— говорил на съезде комсомола Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.— Именно делами, и прежде всего делами, современное молодое поколение доказывает свою верность ленинизму.

— Ленин с нами!

— Ленин с нами!

Тот же девиз и та же клятва комсомольцев шестидесятых годов звучали и в докладе первого секретаря ЦК ВЛКСМ С. П. Павлова, в выступлениях делегатов, в беседах в кулуарах съезда, на улицах, в гостиницах.

...Отцветают кремлевские яблони. Белые звездочки падают на седую землю. Мимо идет юность — боевая, жизнерадостная наша комсомолия. Много больших дел у нее впереди. Много планов. Много забот. Много мыслей. «Ленин с нами!» — все еще звучит в ушах. Нет,— в сердце!

А на Красной площади, у Мавзолея Ленина, стоят пионеры в красных галстуках. Комсомольцы 70-х годов...

ВЫСОКИЕ ГОСТИ ИЗ ЛАОСА

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР в нашу страну прибыли на отдых Его Величество король Лаоса Шри Саванг Ваттхана, Ее Величество королева Лаоса и принц Си Саванг.

16 мая на Внуковском аэродроме высоких гостей встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и другие официальные лица.

Король Лаоса нанес в Кремле визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному.

На снимке: встреча высоких гостей из Лаоса на Внуковском аэродроме столицы.

Фото А. Устинова.

А. ГОСТЕВ,
Ю. РЫТОВ

КОМПАС МАГНИТКИ

Начало см. на стр. 1.

Согласитесь, в слове «слет» есть что-то юное. Не скажешь, например, «слет пенсионеров». Людям преклонных лет трудно слетаться — они просто собираются.

Но на этот раз слово «слет» пришлось удивительно к месту. И потому, что его участники — первые строители Магнитки — слетелись сюда из разных городов страны. И потому, что все они сохранили юношескую энергию, подвижность, любознательность.

Они выходили из самолета чуть смущенные и несколько растерянные. Садились в автобус, приникали к окнам и смотрели, смотрели... Вдруг узнавали дом, улицу. Постаревшую или, напротив, преобразившуюся, обновленную, но свою... И сразу гости становились хозяевами. Ведь это они первыми строили этот завод, этот город... Пристально, строго всматривались они в силуэты нового города, подолгу стояли в новых заводских цехах. Всему давали свою оценку. И, как заявил один молодой рабочий на слете, никакой комиссии он не боялся так, как этой...

Комиссия действительно представительная и компетентная. Девяносто первостроителей Магнитки, которые живут теперь в других городах. Да плюс еще две тысячи человек, также строивших в тридцатые годы комбинат и оставшихся здесь работать.

Комиссия принимала город, а город чествовал комиссию. В честь первых строителей был открыт монумент, и еще один — памятник первой палатке. Был заложен сквер. И в вестибюле гостиницы один ветеран в шутку говорил другому: «Ефимыч, поехали в сквер имени нас...» На каком другом собрании можно услышать такое? А еще были речи, экскурсии, приветствия пионеров, концерт художественной самодеятельности. Словом, все атрибуты, приличествующие солидной конференции. Был даже генерал. И притом не «свадебный», приглашенный торжественного случая ради, а свой, можно сказать, родственник: генерал-майор инженерных войск Евгений Иванович Майков работал на стройке бетонщиком, десятником, прорабом. И теперь приехал посмотреть, как оно все получилось...

Пожалуй, кульминацией слета была встреча ветеранов с молодыми рабочими Магнитогорска — комсомольцами шестидесятых годов.

На экране — документальные кадры первых месяцев Магнитостроя. На вагоне со старинным колоколом надпись: «Станция Магнитогорск». Первый поезд со строителями. Узлы, чемоданы, на чемоданах сидит черная лохматая собака. И вот — работа: лопаты, тачки, «механизация» мощностью в одну лошадиную силу... Крупным планом тоненькая черноволосая девушка. «Прораб Лена Джапаридзе»,— говорит диктор.

Зажигается свет. Председательствующий просит первых строителей Магнитки пройти в президиум. «Елена Алексеевна Джапаридзе»,— объявляет он. Черноволосая невысокая женщина с двумя планками орденских ленточек поднимается на сцену.

Да, это та самая Лена Джапаридзе — бывший прораб «Магнитостроя», ныне главный инженер одного из управлений Министерства черной металлургии...

Зал аплодирует.

С особой остротой, почти физически ощутил я в тот миг течение времени. Я родился в 1932 году, в том году, когда дала первый чугун первая домна Магнитки. А потом одна за другой вступили в строй вторая, третья, четвертая домны. И мне казалось, что это было очень давно и заняло много-много времени. И вот теперь я увидел, как много может сделать всего одно поколение людей.

Думаю, что подобное чувство испытали в тот момент и мои соседи в зале, комсомольцы тридцатых годов, строители Магнитки. И уж, конечно, они поняли и другое: вопреки всем законам физики энергия, затраченная первостроителями Магнитки, вновь аккумулировалась в них — работа на «Магнитострое» дала им зарядку на всю жизнь. И не случайно почти все они, бывшие разнорабочие, стали специалистами, а подчас и крупными хозяйственниками. Бывший клепальщик первой домны И. К. Изотов — ныне управляющий трестом «Кировсовхозстрой». Комсомольский работник С. С. Горелик — сейчас профессор, доктор технических наук. Бывший кузнец Л. М. Старусев — машинист завалочной машины, глава новой рабочей династии.

Тридцать с лишним лет назад начала строиться Магнитка. Воздвигается она и до сих пор. И ее опыт сейчас принят на вооружение всеми стройками черной металлургии. У Магнитки появились «дочери»: Карагандинская, Липецкая, Тульская, Северная (Череповецкая). Молодые представители всех этих строек выступали на слете. Поздравляли ветеранов, дарили сувениры и альбомы с фотографиями своих новых городов. А главное, все они говорили о том, что традиции первых строителей Магнитки живут, развиваются, крепнут.

«Строительство Магнитогорского завода должно стать практической школой создания новых методов и форм социалистического труда, техники и подготовки кадров для дальнейшей индустриализации Союза».

Так говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года.

Так и стало.

Магнитогорск.

А ВСЕ ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ...

Вот они, Воробьевы горы, раскинулись в золотом наряде на берегу Москвы-реки... Смотришь на них и на людей, пришедших сюда, слушаешь их и вспоминаешь Герцена, Огарева, Горького...

Кого же мы встретили на Воробьевых горах, что это за люди?..

Это студенты и курсистки, безденежные и полуголодные. Между тюрьмами или ссылками они спешат надышаться родным воздухом, отдохнуть душой. Они чисты и великолепны. ...Людей, готовивших революцию, видишь прежде всего в поставленном Борисом Равенских спектакле Московского драматического театра имени А. С. Пушкина «Дни нашей жизни». Главное здесь — нота бодрости, которую рождает чувство связи человека с революцией, его мечта об обновлении социальных основ и нравственных устоев жизни. События пьесы, связанные с горькой судьбой Оль-Оль, восемнадцатилетней девушки, вынужденной продавать себя под давлением матери,— тяжелый, но все же частный эпизод в жизни студента Николая Глуховцева и его друзей.

Решая образы героев пьесы, Равенских показывает их как детей кухарок, прачек, белошвеек... Коренастый и широкоплечий Глуховцев — Ю. Горобец твердо стоит на земле; в сцене на Воробьевых горах он обращается с Оль-Оль, как с хрупким ребенком,— бережно и нежно. Натура цельная и ясная, Глуховцев содрогается, узнав горькую историю Оль-Оль. Но не столько жалеет ее, сколько осуждает за безволие, пока не поверит вновь в ее способность к духовному возрождению.

Много обаяния, искренности, юмора вложено Р. Вильданом в образ Онуфрия. Парень-рубаха, он на все горазд: и выпьет, и споет, и побалагурит,— но в нем чувствуется высота идеалов и целей, которым посвятили себя эти юные, вступив в бой с неправедным обществом.

Противники же новой, молодой России стращны своей обыденностью, жизненной достоверностью. Евдокия Антоновна — О. Викландт и фон Ранкен — Ю. Аверин лишены и тени гротеска. Она — милая дама; он — игривый мужчина... Она продает дочь, он покупает...

Сперва кажется, что провинциальный офицер Миронов в исполнении В. Носика выпадает из общего стиля актерского ансамбля. Все в нем укрупнено и заострено: его воинственность и его непосредственность, его восторги и фанфаронство. Но все у актера становится таким простым и свободным, что в подлинности его героя не сомневаешься.

Есть обаяние нежной, трогательной юности в Ольге Николаевне — Т. Лякиной. Глядя на ее Оль-Оль, мы вместе с Глуховцевым даже мысли не допускаем, что с этой тихой, грустной девочкой может быть связано что-то позорное, грязное... И хотим верить, что судьба ее изменится.

Светлая, жизнеутверждающая мысль, свойственная Б. Равенских — художнику, создавшему «Власть тьмы» в Малом театре и «Поднятую целину» в Пушкинском,— и сейчас пронизывает пьесу Л. Андреева, определяя поэтический, образный строй спектакля.

Юр. ЗУБКОВ

Оль-Оль — Т. Лякина, Глуховцев — Ю. Горобец.
Фото А. Гладштейна.

УВИДЕТЬ СИМОНОВА!..

Увидеть Н. Симонова в новой роли — всегда событие! И театралы едут в Ленинград смотреть пьесу Ю. Смуула «Дикий капитан» в постановке А. Музиля с Н. Симоновым в заглавной роли.

Огромный, даже огромнейший, в грубой одежде и в высоких сапогах, напористый и застенчивый, простодушный и нежный, жадно любящий жизнь и все живое в ней, всеми фибрами души верящий в добро и сам верный слуга добра, безграмотный капитан ветхой «Фортуны» покоряет с первого взгляда... Ювелирно-филигранная и вместе с тем щедро-размашистая актерская работа Н. Симонова, кажется, заполняет и подчиняет себе целиком весь спектакль, а громадный Энн Уэтоа занимает своей фигурой всю сцену.

Так и должно быть. Заразительная сила народного характера вызывает восхищение и читается в свете сегодняшнего дня, как задумано Академическим театром драмы имени А. С. Пушкина.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото Д. Мовшина.

ВО ИМЯ ПРАВДЫ

Заслуженного человека с безупречной биографией, Николая Петровича Логинова, обвинили в низости. Всплыла история времен гражданской войны. Объективно события подсказывают, что Логинов предал тогда шестерых товарищей по подполью, а сам избежал смерти, как провокатор... Логинов и не отрицает, что его, единственного из семерых, помиловал военно-полевой суд атамана Дутова, но и сейчас, как сорок лет назад, Логинову непонятны мотивы помилования...

Выяснение обстоятельств той давней трагической истории — вот, казалось бы, и весь сюжет пьесы Л. Шейнина «Тяжкое обвинение», поставленной во МХАТе Борисом Ливановым. Но смотрится спектакль с волнением. Характеры героев выверяются отношением каждого из них к поискам истины. Какой Логинов настоящий? Тот, которого сочли предателем, или отважный чапаевец, прямой, искренний, человечный руководитель большого предприятия,— таким показывает героя Б. Смирнов.

Великолепны в спектакле А. Георгиевская, А. Грибов, М. Прудкин,— да всех актерских удач и не перечислишь!

Готовность помочь человеку в беде и помогает людям в конце концов установить истину. Благодаря ей оправдан Николай Логинов.

В основе характера секретаря ЦК Сергея Ивановича — его крупно, убежденно играет М. Болдуман — сердечность, доброжелательность, глубина. Герой М. Болдумана действует во имя правды, которой служит и он сам и партия.

Г. СМЕТАНИНА

Сергей Иванович (справа)— М. Болдуман, Логинов — Б. Смирнов.
Фото И. Александрова.

БАНКОВСКИЙ СЧЕТ № 170064

Мастер сталелитейного цеха Минского тракторного завода Ф. Ф. Бойкачев обратился с вопросом в «Огонек»: «Все мы приняли близко к сердцу несчастье, которое обрушилось на жителей Тащкента. У нас многие интересуются, как каждый из нас лично может помочь ташкентцам. Очень прошу рассказать об этом на страницах вашего журнала. Уверен, что это интересует не только меня и моих товарищей. Несчастье Ташкента — наше общее несчастье».

«Огонек» отвечает:

Сразу же после первого сильного землетрясения 26 апреля в государственном банке в Ташкенте был открыт специальный счет № 170064. Любые предприятия или организации, любой гражданин нашей страны могут внести свой вклад для помощи пострадавшим жителям Ташкента, для строительства и восстановления города.

Через несколько дней после начала землетрясения Фергана и Коканд внесли на счет № 170064 свыше полумиллиона рублей. Рабочие Ферганского текстильного комбината решили отчислить однодневный заработок пострадавшей столице Узбекистана. Их поддержали рабочие нефтеперерабатывающего завода, завода азотных удобрений, коллективы Кокандского суперфосфатного завода и швейной фирмы имени Ахунбабаева, предприятия Маргилана и Кувасая, многие колхозы и совхозы республики. В Хорезмской области сразу же после первого наступления стихии свыше 150 коллективов решили перечислить свой однодневный заработок в помощь пострадавшим.

Вот адрес: «Ташкент, расчетный счет № 170064».

Последние новости.

Маленькая Мостора — свидетельница землетрясения.

Классики.

ДНИ И НОЧИ ТА

Ю. СБИТНЕВ, собкор «Огонька»

Фото Д. Бальтерманца, В. Сваричевского и автора.

Палаточный городок на улице Широкой.

Я снова и снова прохожу по улицам Ташкента: Пушкинская, Чайковская, Братская, Лахути, Широкая, Правда Востока, Титова, Коммунистическая... У меня нет возможности назвать каждую поименно, их слишком много, разрушенных, пострадавших от землетрясения улиц.

Трудно, необыкновенно трудно писать о горе, обрушившемся на весенний, цветущий город.

26 апреля тысячи семей ташкентцев остались без крова. Последующие подземные толчки (в течение полумесяца их было свыше трехсот) привели к новым разрушениям. Там, где еще вчера пробегали автомашины, спешили автобусы и маршрутные такси,

Валентина Афанасьевна Ефремова с Сережей Плюшковым — одним из двадцати двух спасенных ею.

Ташкентский характер.

ШКЕНТА

выросли палаточные городки, медицинские пункты, временные столовые. Десятки тысяч людей нашли себе пристанище под брезентовой крышей палаток. Надо отметить, что нынешний май, не в пример предыдущим, прохладный, и ночами температура падает довольно низко...

Я провожу одну из тревожных такшентских ночей на улице Чайковской. Улицу слышишь всю, от начала и до конца. Вот где-то заплакал ребенок, и мать успокаивает его:

— Спи, спи, Сашенька, сегодня ничего не будет, сегодня тихо...

— Я его из кроватки выхватила, под себя спрятала,— это уже другой голос, тоже женский.

— Вскочить-то я вскочил, а проснуться не успел. Бегу к дверям, а меня кирпичами охаживает,— доносится бас-полушепот из другой палатки.

Люди все еще вспоминают события того страшного утра 26 апреля. И я, приткнувшись к полоске света, падающей от уличного фонаря, заношу одно из событий этого памятного утра в свою записную книжку. О нем рассказывали ташкентцы в автобусах и трамваях, в кругу соседей подле разрушенных домов, встретившись и разговорившись со знакомым, а то и с незнакомым человеком...

Валентина Афанасьевна Ефремова, медсестра детской больницы № 5, находилась на ночном дежурстве. 175 больных детишек — от грудного возраста и до четырнацати лет — спали в палатах. Под утро даже больные спят крепко. Как все это произошло, Валентина Афанасьевна не помнит. Помнит только дикий гул, вздрогнули стены, куда-то на мгновение ушел пол из-под ног и разом застонали, заплакали дети. И этот плач как-то сразу заставил забыть о себе, о том, что вокруг гудит и содрогается земля и каждая минута может быть последней в жизни.

Дверь в тринадцатую палату заклинило, пришлось разбежаться и всем телом удариться в нее. То, что увидела сестра в распахнувшемся проеме двери, было страшным. Две противоположных стены палаты рухнули навстречу друг другу, завалив детские кроватки.

Разбрасывая кирпичи, она доставала одного ребенка за другим, выносила на улицу и снова возвращалась в палату. Двадцать два теплых, живых тельца прижимались к ней в то утро, двадцать два сердца бились рядом с ее сердцем, ища у нее защиты, ласки и помощи. Если сейчас спросить Валентину Афанасьевну: «Как вы пережили землетрясение?» — она смущенно ответит: «Не помню. Я ребятами занималась».

Ташкентские дети! Тысячи из них не смогли пойти в детские сады и ясли, которые разрушила стихия. Сегодня им отданы все пригородные дома отдыха, для них созданы десятки лагерей, и все-таки еще немало детей живет в палатках. Многие города Узбекистана приглашают маленьких ташкентцев к себе в гости. И мне думается, что тысячи детских домов отдыха, туристских баз, санаториев, пионерских лагерей, расположенных в разных уголках нашей страны, тоже не замедлят с приглашением.

...Листаю страницы записной книжки. Десятки фамилий, имен. О каждом из этих людей можно написать отдельно, каждый заслуживает того, чтобы о нем знали в Ташкенте, Москве, в Сибири, на Дальнем Востоке — везде, где человеческое сердце откликается добру, где высоко ценят простой человеческий подвиг.

В пять часов двадцать пять минут, спустя две минуты после начала землетрясения, разом зазвонили все телефоны в диспетчерской скорой медицинской помощи. И хотя над головами девушек-диспетчеров нависали иссеченные трещинами потолки и стены каждое мгновение могли рухнуть, мятущимся людям на другом конце провода ответили спокойные голоса: «Скорая» слушает».

«Скорая» спешила на помощь. Десятки машин ушли в пострадавшие районы. Одна из них остановилась на Ленинградской улице возле разбитого дома. Еще продолжались подземные толчки, то и дело рушились где-то перекрытия, падали стены. Дома ходили ходуном. Врач и сестра делали перевязки. Евдоким Кузьмич Сосин не медик — шофер, водитель машины с красным крестом. Он вошел в дом, который каждую минуту готов был рухнуть, пошел навстречу опасности, чтобы через несколько минут вынести на руках тяжело раненную женщину.

Сколько их, врачей, сестер, водителей «Скорой помощи», совершали в то утро, а потом в течение полумесяца постоянный, незаметный, скромный и оттого еще более величественный подвиг!

Один из зарубежных журналистов в эти дни сказал с усмешкой: «У вас даже землетрясение подчинено Советской власти!» Не знаю, что хотел этим сказать иностранный журналист, но знаю наверняка, что ему не известно, как уже через 5—7 минут после первого подземного толчка тысячи советских людей пришли на помощь пострадавшим. Ташкентцы, оказавшиеся заваленными в домах, еще не успели понять, что произошло, а их уже вынимали из-под обломков добрые руки пожарных, милиционеров, солдат. Люди в зеленых брезентовых робах, защитных гимнастерках, синих мундирах делали перевязки, уносили на руках детей, успокаивали женщин, тушили пожары, исправляли водопровод и электрическую проводку, по-деловому, без суеты. В суровые майские дни они поднимались по тревоге, несли дежурство в палаточных городках, тушили пожары, рассказывали сказки малышам.

И мне хочется ответить иностранному коллеге:

— Пока еще землетрясение не подвластно Советской власти, но советские люди умеют вести себя по-героически в любой, даже в самой страшной обстановке, умеют помогать друг другу от всего сердца.

Еще когда в недрах земли под Ташкентом на глубине 4—8 километров продолжала бушевать стихия, люди приступили к созидательной работе: планировались новые улицы, бульвары, скверы. Бульдозеры расчищали строительные площадки. Легендарный танк «Т-34», прошедший боевой путь от Москвы до Берлина, ушедший было «в отставку», снова на «передовой»: он сносил аварийные дома. Свыше 30 миллионов кубометров грунта, щебня и развалин предстоит вывезти из центра города, чтобы возвести новые, красивые, прочные, сейсмически стойкие здания. Из Москвы, Минска, Киева, Краснодара, из десятков городов ежедневно приезжают в Ташкент строители. На 85 километрах железной дороги встанут составы, в вагонах которых будут жить украинцы, белорусы, русские, туркмены, азербайджанцы, грузины, приехавшие помочь ташкентцам строить новые микрорайоны.

Чтобы до предстоящей осени, как выражаются строители, «взять под крышу» всех пострадавших, надо ввести в строй 850—870 тысяч квадратных метров жилой площади. Четыре с половиной миллиона квадратных метров — план на пятилетие.

А пока под жилье отданы интернаты, студенческие общежития, школы. Тысячи семей в уцелевших зданиях сами, добровольно «уплотнились». В районе приташкентского поселка Сергили растет спутник столицы — город из сборно-щитовых стандартных домов.

Несколько дней назад состоялась торжественная закладка фундамента будущего города.

Многое, очень многое делается сейчас в республике и во всей стране, чтобы облегчить жизнь пострадавшим семьям. Десятки и десятки миллионов рублей выделило государство на нужды жителей Ташкента. Тяжелогрузные составы с лесом идут из Приморского края и Сибири, вагоны со строительным материалом прибывают с Украины и из Москвы, из Белоруссии и Крыма, Закавказья и Прибалтики. И у всех один адрес: Ташкент!

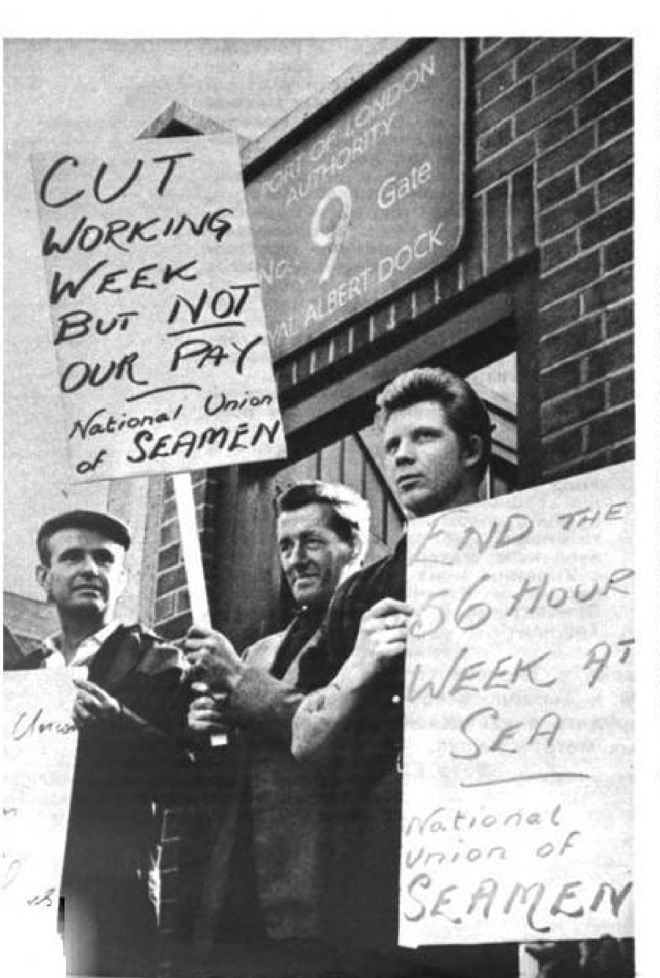

◀ Винница. Жители города провожают в Ташкент строителей из Винницкой, Хмельницкой, Черновицкой и Тернопольской областей. Они решили до наступления осени соорудить в узбекской столице десять тысяч квадратных метров жилья.

Фото Е. Копыта (ТАСС).

ЛОНДОН: ПОЧЕМУ ОСТАНОВИЛСЯ ФЛОТ БРИТАНИИ

Репортаж о крупнейшей забастовке английских моряков ведет Борис ГУРНОВ.

Утром в день забастовки в Лондонском порту.

Рассвет вставал робко, медленно, растворяясь в белесом тумане желтыми пятнами фонарей. Рассвет, который Джон Стретэм ждал столько лет и не дождался...

Мы встречали рассвет с его сыном, тоже Джоном и тоже моряком. На руках и груди Джона-младшего — в распахнутом вороте рубахи — синие художества в якорях.

— Глупый был, — смущается он,— мальчишкой наколол, еще до того как начал понимать, что хорошо, что плохо. Тогда думал — это главное, что отличает настоящего моряка.

Как только возьмут, он обязательно уйдет в море, сомнений не было чуть ли не с рождения. Насколько он помнит, все мужчины в роду Стретэмов всегда были моряками. Из поколения в поколение, от отца к сыну переходит в семье золотой на тоненькой цепочке крест, добытый кем-то из прадедов в далеких землях. Джону от отца вместе с крестом перешел и характер — неудобный, мятежный, такой, что за правду не раз вовлекал его в большие неприятности. Ведь на судах в Англии действует суровый старый, еще прошлого века закон: за неуважение и ослушание начальства — штраф, за неповиновение — еще строже, вплоть до тюрьмы.

Джон помнит, как в годы войны, собираясь после рейса с друзьями, отец трепал его по голове, повторяя: «Кончится война, все будет иначе, лучше, легче. Когда ты пойдешь в свой первый рейс, отменят старый корабельный закон, нам уже обещали, как только окончится война. А если обманут,— забастуем».

Отец погиб, не дождавшись победы, где-то в Северном море. В первый рейс Джона-младшего провожала мать. И хотя прошел с окончания войны двадцать один год, продолжает действовать на судах старый закон. Хозяева о своем обещании забыли. Моряки — нет. И объявили общенациональную забастовку. Случилось это в понедельник, 16 мая. И первым пикетчиком встречал рассвет у ворот Лондонских доков Джон Стретэм, сын Джона Стретэма-старшего, который ждал этого рассвета четверть века назад.

Забастовку объявили с воскресенья на понедельник. Глубокой ночью я сидел в прокуренной комнате районного отделения профсоюза моряков, ставшего одним из местных стачечных комитетов, на щербатой скамье лежал ворох накрахмаленно-хрустящих полотняных повязок с размашистой надписью: «Пикетчик»,— сделанной черным карандашом, таким, которым женщины метят белье перед стиркой. В углу громоздилась гора плакатов. «Национальный профсоюз моряков требует 40-часовой рабочей недели!» — было написано на одних. «Сократить рабочую неделю, а не нашу зарплату!» — это было начертано на других.

Выходить к воротам доков пикетчики решили в полночь и пока сидели, курили, рассказывали. Говорили о том, как долго, упорно, терпеливо вели они переговоры с судовладельцами, требуя сократить официальную рабочую неделю с 56-часовой до 40-часовой и повысить заработную плату на 12 шиллингов в месяц. Последний тур переговоров длился почти непрерывно 6 месяцев. Хозяева согласились выполнить, правда, не полностью, требования рабочих, однако просили отсрочки в два, а то и в три года. В начале апреля переговоры зашли в тупик, и профсоюз решил бастовать.

В штаб-квартиру профсоюза в лондонском районе Клэпем по радио со всех широт планеты, где плавают сейчас корабли под британским флагом, неслись телеграммы солидарности, свидетельствующие о том, что стачка будет стопроцентной и охватит около 3 тысяч британских кораблей. Большинство из них сейчас находится в море, и немедленно примкнуть к забастовщикам их команды не могут. Старый закон еще не отменен, и, попытайся моряки забастовать, это подпадает под категорию «бунта в открытом море» и грозит тюрьмой. Поэтому решено, что суда будут включаться в забастовку постепенно, по мере прихода в английские порты.

Приносят лондонскую «вечерку». На первой полосе огромный аншлаг с броским, резким словом — «Забастовка». В газете пишут о том, что только теперь, когда угроза забастовки стала реальностью, англичане в полном объеме еще раз осознали, какое большое значение имеет для страны ее флот. Длинные колонки цифр говорят о том, что начнутся перебои с сырьем на фабриках и заводах; нехватку угля почувствуют электростанции; возникнут перебои с продуктами, в особенности с хлебом, мясом и овощами.

— Все это мы отлично понимаем,— говорит сидящий рядом со мной пожилой моряк Дерек Стив.— Нам и самим придется туго на три фунта стерлингов в неделю — пособие, которое мы будем получать из фондов стачечного комитета. Тем, кто возвращается из рейсов, полегче. Они получат расчет и могут растянуть свои деньги подольше. А нам, застигнутым забастовкой на берегу, накануне отправки в рейс, придется, ой, как туго!

— А это до некоторой степени даже к лучшему,— смеется, поднимаясь со скамьи, на которой он дремал, молодой парень.— Такие, как ты и я, застигнутые забастовкой вдалеке от дома, могут стоять

МОЛОДОСТЬ КОНТИНЕНТА

25 МАЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ АФРИКИ

Черный континент, великий континент... Континент скорби и гнева, борьбы и побед...

Он сложен, многолик, многообразен. Африканский континент — это стройка Асуана и тропы в Мали, которыми шагают геологи. Это флаги независимых африканских государств, развевающиеся возле здания ООН, и перестук тамтамов на первом в истории фестивале афро-негритянского искусства в Дакаре. Но Африка — это еще и негритянские гетто Йоганнесбурга, это зверства расистов в Южной Родезии, это позорные колониальные порядки в Анголе.

Советский народ, все прогрессивное человечество — с той Африкой, которая борется за свое право на жизнь, за свою свободу. Наши симпатии — с патриотами, сражающимися за свой континент и строящими свой континент.

Тысячелетняя Африка ведет сейчас счет времени по новым календарям — по календарям освобождения. Пусть будет в этих календарях много радостных и светлых событий!

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

в пикетах каждую ночь. Идти-то нам некуда: спать негде, нет денег, чтобы платить за гостиницу. Но все же,— лицо его становится серьезным,— мы будем держаться до конца, вернее, до победы,— старательно поправляется он.

Вот и полночь скоро. Пора. Гаснут недокуренные сигареты. Звучат в ночной тишине шаги по булыжной мостовой, замирает у ворот проходной полицейский в высокой каске.

С полуночи до утра, сменяя друг друга, стояли пикетчики у всех ворот Лондонских доков. Чуть рассвело на заре первого дня первой в истории профсоюза стопроцентной общенациональной стачки, в Альберт-доке состоялся митинг моряков, докеров.

— Будьте уверены, друзья, мы с вами! — восклицал с табуретки, что была вместо трибуны, седой человек в грубой синей робе.— Мы, докеры, всегда будем с вами! Что бы нам ни сулили, мы не станем штрейкбрехерами и не будем работать на судах, где будет хоть один предатель рабочего дела.

— Это наш Джек,— шепнул мне Джон,— Джек Бэш, знаменитый вожак лондонских докеров.

Слова оратора заглушили громкие крики одобрения и аплодисменты. Когда они замолкли, тишины не наступило. В пропитанном солнцем и соленым ветром море неслись гудки парохода. В доке швартовалось еще одно судно под флагом забастовки. А в стачечный комитет у ворот, где шел митинг, и в другие отделения доков Лондона во всех портовых городах Англии шли моряки, ставя свои подписи в специально заведенную книгу участников забастовки.

— Раньше, мальчишкой, я думал, что татуировка — главная отличительная особенность моряка,— улыбается Джон Стретэм, старательно пряча в рукава синие якоря на запястьях.— Теперь же понимаю, что главное — наша морская дружба, выручка, солидарность.

Лондон.
17 мая 1966 года.

Фото автора.

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Редакцию журнала «Огонек» посетил Фред Эйрс, председатель Австралийско-Советского общества дружбы в городе Аделаида. Он рассказал о встречах с советскими моряками, учеными, рыбаками на австралийской земле.

На снимке: Фред Эйрс с супругой.

СЛОН, ПЬЮЩИЙ ВОДУ

У нас в Приморье много интересных, причудливых скал. Взгляните на снимок: это «слон» на острове Путятина.

В. ВЕРЕВКИН

Владивосток.

ТРОФЕЙ УЧЕНОГО

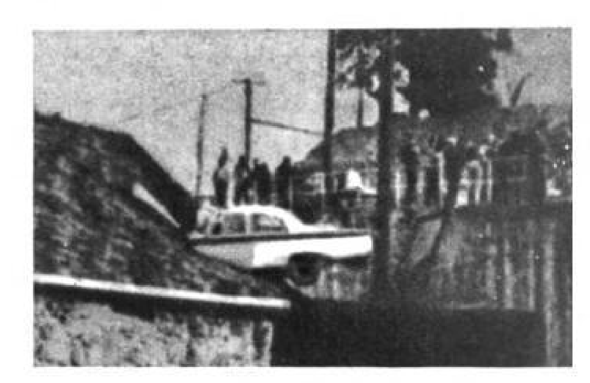
Перед вами чучело огромного белого медведя. Этого полярного великана подстрелил английский ученый Артур Дабс.

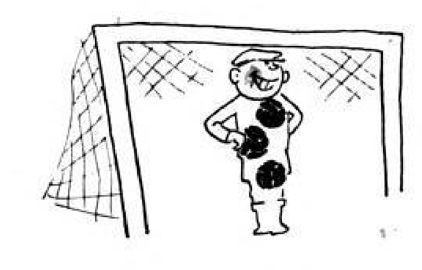
ШУТКА СТУДЕНТОВ

Десять дней в Лондонской национальной галерее между полотнами Гойи, Рембрандта и других великих мастеров висела картина с надписью: «Дживетто Абераджи. Автопортрет». И только на одиннадцатый день музейные эксперты спохватились, что никогда раньше не слышали имени такого художника. Как выяснилось, эту картину написал студент Питер Мекинел. Его товарищи, решив подшутить над своим другом, повесили полотно в галерее.

ПРЫЖОК НА КРЫШУ

Это случилось на одной из дорог Америки. Автомобиль потерял управление и, перелетев через насыпь шоссе, угодил на крышу сельского бара. Водитель отделался легким испугом.

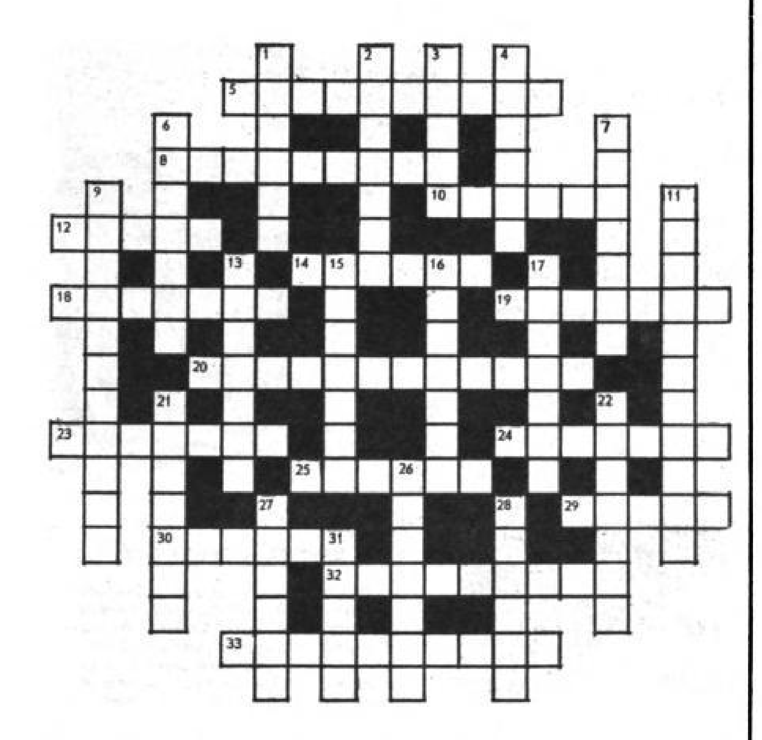

Четвертый пенальти.
Рисунок А. Грунина.

— Доктор, я только хотела познакомиться с новыми соседями!

Рисунок Г. и В. Караваевых.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский драматург. 8. Радиотехническое устройство. 10. Опера П. И. Чайковского. 12. Промысловая рыба. 14. Народная русская игра. 18. Глубокая вспашка. 19. Хищное животное. 20. Самая высокая вершина Скандинавских гор. 23. Действующее лицо пьесы Н. Погодина «Кремлевские куранты». 24. Наборная машина. 25. Французский астроном, математик, физик. 29. Приток Иртыша. 30. Город в Узбекистане. 32. Проездной документ. 33. Лесная птица.

По вертикали:

1. Советский поэт. 2. Бобовое растение. 3. Штат Индии. 4. Курорт в Туркмении. 6. Молочный продукт. 7. Награда. 9. Гравюра на дереве. 11. Массовое состязание. 13. Химический элемент. 15. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко». 16. Сушеный виноград. 17. Цветок. 21. Шлюпка. 22. Созвездие северного полушария неба. 26. Областной центр на Украине. 27. Рассказ М. Горького. 28. Река в Перу. 31. Сорт яблок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20.

По горизонтали:

7. Кирсанов. 8. Кинескоп. 11. Барсова. 12. Кокарда. 13. Морковь. 14. Борзая. 16. Самар. 18. Малица. 20. Бригада. 21. Дубрава. 24. «Эрнани». 26. Кроль. 29. Бровка. 33. Шептала. 34. Команда. 35. Реклама. 36. Экология. 37. Савицкий.

По вертикали:

1. Миргород. 2. Мазурка. 3. Горбач. 4. «Динамо». 5. Цесарка. 6. Полевица. 9. Драва. 10. Бочка. 15. Зурна. 16. Садок. 17. Ртуть. 19. Левко. 22. Эрнесакс. 23. Академия. 25. Нуакшот. 27. «Репка». 28. Лиман. 30. Румыния. 31. Карниз. 32. Юкатан.

На первой странице обложки: Еще немного времени, и кровь будет доставлена к постели больного (см. в номере «Честь дарующему кровь»).

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Утро.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10283. Подписано к печати 18/V 1966 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. Печатн. листов 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 2 000 000. Изд. № 773. Заказ № 1325.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ДУЭТ МОЛЧАНИЯ

Театр вроде нормальный — ряды кресел в зрительном зале, сцена и кулисы...

Но спектакля нет. Нет в эти дни. Просто в урочный час на большой сцене появляются двое и садятся друг перед другом за столик.

Бесспорно, это самый молчаливый дуэт в мире. Быть может, только в конце пятого часа или немного раньше они перебросятся двумя-тремя негромкими словами, которые слышит, кроме них, лишь один человек, тоже совершенно не театральный, одетый в обычный современный костюм.

Да, нет ничего зрелищно-увлекательного в том, что здесь, в Театре эстрады, происходит по вечерам. Однако любой лирический дуэт, будь то хоть знаменитые певцы из миланского «Ла Скала», вправе позавидовать чуткости и отзывчивости, с которой принимает аудитория дуэт молчания. Любой композитор или философ пришел бы в восторг, наблюдая за тем, с каким глубочайшим вниманием следят люди в зале, забывая порой перевести дыхание, за творческим раздумьем двух мастеров искусства шахматной игры.

Люди в зале? Но это лишь крохотная часть, разведка неисчислимого шахматного воинства, вступающего в эти часы в страстные сражения на поле брани в 64 черно-белые клеточки.

Говорят, что в Ереване останавливается движение на центральной площади, когда на огромной демонстрационной доске воспроизводится очередной ход Тиграна Петросяна или Бориса Спасского...

Говорят, что кривая семейных ссор резко взмывает, когда комментаторы передают по радио возникшие в партии позиции, потому что муж, а в иных домах жена становятся совершенно невменяемыми...

Говорят, что в комнате пресс-бюро гроссмейстер Михаил Таль, человек, как известно, редкого шахматного темперамента, успевает, пока длится на сцене партия, убрать с доски до десятка комплектов фигур...

Говорят, что, когда истекает официальное время напряженнейшего поединка, двое рыцарей, только что ломавших копья, становятся вновь самыми лучшими друзьями, и можно услышать, как обладатель шахматной короны комментирует ход, сделанный претендентом:

— Нет, Боря, так ты бы не выиграл... Может быть, лучше c5?..

Страсти бушуют, страсти накаляются. Когда пишутся эти строки, пройдена уже половина труднейшего пути. Кто-то верно сказал, что отныне каждая ничья — 1/2 очка победы для Тиграна Петросяна и 1/2 очка поражения для Бориса Спасского.

Но чем бы ни завершилась борьба, никто не останется в накладе. Выиграют все, кому дорога великолепная, мудрая игра.

М. АЛЕКСАНДРОВ

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Непревзойденный шахматист Александр Алехин в течение 20 лет не раз встречался с великим Эммануилом Ласкером и никак не мог выиграть у него хотя бы одну партию. И вот наконец в 1934 году на турнире в Цюрихе я увидел радостного Алехина. В тот день он выиграл у Э. Ласкера — впервые в жизни. Радость Алехина была особенно велика и потому, что он выиграл красиво, с жертвой ферзя и при том еще на 26-м ходу! Это было счастливое число чемпиона мира.

Нечто подобное произошло в отношениях между Т. Петросяном и Б. Спасским. Двенадцать лет длится шахматное знакомство Петросяна со Спасским. В 24-й раз сели они 11 мая друг против друга за шахматный столик, и ни разу до этого Спасскому не удавалось добиться успеха. И он услышал из уст Петросяна одно коротенькое словечко: «Сдаюсь!».

Победа досталась претенденту очень нелегко. Одиннадцать часов чемпион мира мужественно, с невероятным упорством защищал трудную позицию, и его цепкость чуть-чуть не восторжествовала. Но... число 13, по-видимому, счастливое для Б. Спасского.

Спасский в тринадцатой партии одержал важнейшую победу в спортивном, моральном и прежде всего в психологическом отношении. Он доказал, что может побеждать и чемпиона мира. И это он доказал не только шахматному миру, но и самому себе.

Так, счет матча сократился до 7 : 6 в пользу Петросяна, и в шахматном клубе «Спартака», на улице Б. Спасской (!), впервые в этом матче настроение стало похуже. Зато в «Локомотиве» появились новые надежды: «Локомотив» хочет догнать «поезд», идущий в направлении к шахматному Олимпу.

Веселее стало и в кругах шахматных обозревателей, ибо матч сразу обострился. Одни газеты уверяли Петросяна в том, что абсолютно ничего не случилось, другие подбадривали претендента, утверждая, что «все начинается снова». Третьи дали заголовок с вопросительным знаком — «Перелом?». Я спросил Михаила Таля:

— Миша, настал перелом?

Экс-чемпион мира молниеносно ответил:

— Перелома пока нет, но вывих есть!

Да, это, видимо, так: до тех пор, пока Спасский не сравняет счета, о переломе говорить рано.

Спасский попытался сравнять счет в следующей же партии.

Он предпринял энергичную попытку повторить свой успех. И ему это чуть-чуть не удалось. Лишь превосходной защитой чемпион мира разрядил обстановку у своих «ворот».

Началась решающая фаза матча — последние десять партий. На этой спринтерской дистанции Б. Спасский отличился в матчах с П. Кересом, Е. Геллером и М. Талем. Любопытно, что эта блистательная тройка, поверженная Спасским, присутствовала на пятнадцатой партии в Театре эстрады.

Велико стремление Спасского к тому, чтобы расширить это трио и сделать из него квартет! Приятно отметить, что за последние две недели в каждой партии идет невероятно упорная борьба, в которой и Петросян и Спасский проявляют огромную волю к победе, выдержку, находчивость. Если партия и заканчивается вничью, то лишь тогда, когда исчерпаны все ресурсы атаки. Именно так напряженно протекала пятнадцатая партия.

Чем кончится конфликт в Театре эстрады? Преимущество по-прежнему на стороне чемпиона мира. Б. Спасский за 12 лет выиграл у него только одну партию, а теперь он в течение нескольких дней хочет выиграть еще две, при этом не проиграв ни одной! Труднейшая задача! Сможет ли Спасский это сделать? Ведь против такой программы выступает Петросян!

Комментарии излишни...

Фото А. БОЧИНИНА.

До цейтнота еще далеко.

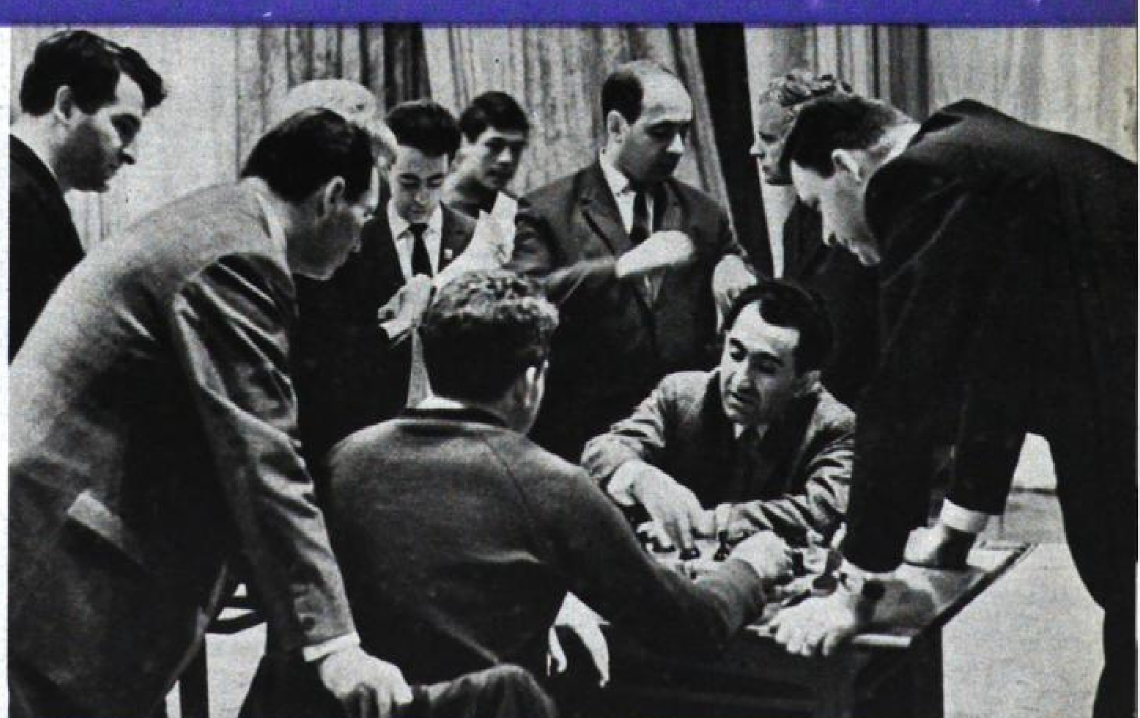

Двадцать на одного.

Пока не сделан ход...

— Нет, Боря, так бы ты не выиграл!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663